

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. Д. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Уитеръ Пришибеевъ.—Анюта.—Въ Москвѣ на Трубиной площади.—Лошадиная фамилія.—Травникъ.—Страдальцы.—Наканунъ поета.—Житейская мелочь.—Маска.—Переолохъ.—Шуточка.—Писатель.—На Страстной недѣлѣ.—Perpetuum mobile.—Торжество побѣдителя.—Ворона.—Неосторожность.—Хористка.—Страхи.—Послѣ театра.—Ненастье.—Изъ огня да въ полымя.—Взглядъ.—Промѣстивіе.—Злоумышленникъ.—Дѣтвора.—Мертвое тѣло.—Зиночка.—Нахлѣбники.—Талантъ.—Дорогіе уроки.—Въ сараѣ.—Разказъ г-жи КН.—Выигрышный билетъ.—Морозъ.—Сильныя ощущенія.—Нищій.—Пьяные.

INSTITUT
BADAŃ LINGWISTYCZNYCH PAN
BIBLIOTEKA
00-30 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

24.113/3

УНТЕРЪ ПРИШИБЕЕВЪ.

— Унтеръ-офицеръ Пришибеевъ! Вы обвиняетесь въ томъ, что 3-го сего сентября оскорбили словами и дѣйствіемъ урядника Жигина, волостного старшину Аляпова, сотскаго Ефимова, понятыхъ Иванова и Гаврилова и еще шестерыхъ крестьянъ, при чемъ первымъ тремъ было нанесено вами оскорбленіе при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Признаете вы себя виновнымъ?

Пришибеевъ, сморщенный унтеръ съ колючимъ лицомъ, дѣлаетъ руки по швамъ и отвѣчаетъ хриплымъ, придушеннымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, точно командуя:

— Ваше высокородіе, господинъ мировой судья! Стало-быть, по всѣмъ статьямъ закона выходитъ причина аттестовать всякое обстоятельство во взаимности. Виновенъ не я, а всѣ прочіе. Все это дѣло вышло изъ-за, царствіе ему небесное, мертваго труна. Иду это я третьяго числа съ женой Анфисой тихо, благородно, смотрю—стоитъ на берегу куча разнаго народа людей. По какому полному праву тутъ народъ собрался?—спрашиваю. Зачѣмъ? Нешто въ законѣ сказано, чтобъ народъ табуномъ ходилъ? Кричу: разойдись! Сталь расталкивать народъ, чтобъ расходились по домамъ, приказалъ сотскому гнать въ-зашей...

— Позвольте, вы вѣдь не урядникъ, не староста,—развѣ это ваше дѣло народъ разгонять?

— Не его! Не его! — слышатея голоса изъ разныхъ

угловъ камеры.—Житья отъ него пѣту, вашескородіе! Пятнадцать лѣтъ отъ него терпимъ! Какъ пришелъ со службы, такъ съ той поры хоть изъ села бѣги. Замучилъ всѣхъ!

— Именно такъ, вашескородіе!—говоритъ свидѣтель староста.—Всѣмъ міромъ жалимся. Жить съ нимъ никакъ невозможно! Съ образами ли ходимъ, свадьба ли, или, положимъ, случай какой, вездѣ онъ кричитъ, шумитъ, все порядки вводитъ. Ребятамъ уши деретъ, за бабами подглядываетъ, чтобъ чего не вышло, словно свекоръ какой... Намедни съ по избамъ ходилъ, приказывалъ, чтобъ пѣсней не пѣли и чтобъ огней не жгли. Закона, говорить, такого нѣтъ, чтобъ пѣсни пѣть.

— Погодите, вы еще успѣете дать показаніе.—говоритъ мировой:—а теперь пусть Пришибеевъ продолжаетъ. Продолжайте, Пришибеевъ!

— Слушаю-съ!—хрипитъ унтеръ.—Вы, ваше высокородіе, изволите говорить, не мое это дѣло народъ разгонять... Хорошо-съ... А ежели безпорядки? Нешто можно позволять, чтобы народъ безобразилъ? Гдѣ это въ законѣ написано, чтобъ народу волю давать? Я не могу позволять-съ. Ежели я не стану ихъ разгонять, да взыскивать, то кто же станетъ? Никто порядковъ настоящихъ не знаетъ, во всемъ селѣ только я одинъ, можно сказать, ваше высокородіе, знаю, какъ обходиться съ людьми простого званія, и, ваше высокородіе, я могу все понимать. Я не мужикъ, я унтеръ-офицеръ, отставной каптенармусъ, въ Варшавѣ служилъ, въ штабѣ-съ, а послѣ того, изволите знать, какъ въ чистую вышелъ, былъ въ пожарныхъ-съ, а послѣ того по слабости болѣзни ушелъ изъ пожарныхъ, и два года въ мужской классической прогимназіи въ швейцарахъ служилъ... Всѣ порядки знаю-съ. А мужикъ—простой человѣкъ, онъ ничего не понимаетъ, и долженъ меня слушать, потому—для его же пользы. Взять хоть это дѣло къ примѣру... Разгоняю я народъ, а на берегу на песочкѣ утопый трупъ мертвого человѣка. По какому такому основанію, спрашиваю, онъ тутъ лежитъ? Нешто это порядокъ? Что урядникъ глядитъ? Отчего ты, говорю, урядникъ, начальству знать не дашь? Можетъ, этотъ утопый покойникъ самъ утонъ, а можетъ, тутъ дѣло Сибирью пахнетъ. Можетъ, тутъ уголовное смертоубійство... А урядникъ Жигинъ никакого вниманія. только папироску курить. «Что это, говоритъ, у васъ за

указчикъ такой? Откуда, говорить, онъ у васъ такой взялся? Нешто мы безъ него, говорить, не знаемъ нашего поведенія?» Стало-быть, говорю, ты не знаешь, дуракъ этойкой, коли тутъ стоишь и безъ вниманія. «Я, говорить, еще вчера далъ знать становому приставу». Зачѣмъ же, спрашиваю, становому приставу? По какой статьѣ свода законовъ? Нешто въ такихъ дѣлахъ, когда утопшіе, или удавившіе, и прочее тому подобное,—нешто въ такихъ дѣлахъ становой можетъ? Тутъ, говорю, дѣло уголовное, гражданское... Тутъ, говорю, скорѣй посылать эстафетъ господину слѣдователю и судьямъ-съ. И перво-на-перво ты долженъ, говорю, составить актъ и послать господину мировому судѣ. А онъ, урядникъ, все слушаетъ и смѣется. И мужики тоже. Всѣ смѣялись, ваше высокородіе. Подъ присягой могу показать. И этотъ смѣялся, и вотъ этотъ, и Жигинъ смѣялся. Что, говорю, зубья скалите? А урядникъ и говорить: «Мировому, говорить, судѣ такія дѣла не подсудны». Отъ этихъ самыхъ словъ меня даже въ жаръ бросило. Урядникъ, вѣдь ты это сказывалъ?—обращается унтеръ къ уряднику Жигину.

— Сказывалъ.

— Всѣ слыхали, какъ ты это самое при всемъ простомъ народѣ: «Мировому судѣ такія дѣла неподсудны». Всѣ слыхали, какъ ты это самое... Меня, ваше высокородіе, въ жаръ бросило, я даже сробѣлъ весь. Повтори, говорю, повтори, такой-сякой, что ты сказалъ! Онъ опять эти самыя слова... Я къ нему. Какъ же, говорю, ты можешь такъ объяснять про господина мирового судью? Ты, полицейскій урядникъ, да противъ власти? А? Да ты, говорю, знаешь, что господинъ мировой судья, ежели пожелають, могутъ тебя за такія слова въ губернское жандармское управленіе по причинѣ твоего неблагонадежнаго поведенія? Да ты знаешь, говорю, куда за такія политическія слова тебя угнать можетъ господинъ мировой судья? А старшина говорить: «Мировой, говорить, дальше своихъ предѣловъ ничего обозначить не можетъ. Только малыя дѣла ему подсудны». Такъ и сказалъ, всѣ слышали... Какъ же, говорю, ты смѣешь власть уничтожать? Ну, говорю, со мной не шути шутокъ, а то дѣло, братъ, плохо. Бывало, въ Варшавѣ, или когда въ швейцарахъ былъ въ мужской классической прогимназіи, то какъ заслышу какія

неподходящія слова, то гляжу на улицу, не видать ли жандарма; пооди, говорю, сюда, кавалеръ,—и все ему докладываю. А тутъ въ деревнѣ кому скажешь?.. Взяло меня зло. Обидно стало, что нынѣшній народъ забымся въ своеволии и неповиновеніи, я размахнулся и... конечно, не то чтобы сильно, а такъ, правильно, полегоньку, чтобы не смѣлъ про ваше высококородіе такія слова говорить... За старшину урядникъ вступился. Я, стало-быть, и урядника... И пошло... Погорячился, ваше высококородіе, ну, да вѣдь безъ того нельзя, чтобы не побить. Ежели глупаго чловѣка не побьешь, то на твоей же душѣ грѣхъ. Особливо, ежели за дѣло... ежели безпорядокъ...

— Позвольте! За непорядками есть кому глядѣть. На это есть урядникъ, староста, сотскій...

— Уряднику за всѣмъ не углядѣть, да урядникъ и не понимаетъ того, что я понимаю...

— Но поймите, что это не ваше дѣло!

— Чего-съ? Какъ же это не мое? Чудно-съ... Люди безобразятъ, и не мое дѣло! Что жъ мнѣ хвалить ихъ, что ли? Они вотъ жалятся вамъ, что я пѣсни пѣть запрещаю... Да что хорошаго въ пѣсняхъ-то? вмѣсто того, чтобы дѣломъ какимъ заниматься, они пѣсни... А еще тоже моду взяли вечера съ огнемъ сидѣть. Нужно спать ложиться, а у нихъ разговоры да смѣхи. У меня записано-съ!

— Что у васъ записано?

— Кто съ огнемъ сидитъ.

Пряшибеевъ вынимаетъ изъ кармана засаленную бумажку, надѣваетъ очки и читаетъ:

— Которые крестьяне сидятъ съ огнемъ: Иванъ Прохоровъ, Савва Микифоровъ, Петръ Петровъ. Солдатка Шустрова, вдова, живетъ въ развратномъ беззаконіи съ Семеномъ Кисловымъ. Игнатъ Сверчокъ занимается волшебствомъ, и жена его Мавра есть вѣдьма, по ночамъ ходитъ донѣ чужихъ коровъ.

— Довольно!—говоритъ судья и начинаетъ допрашивать свидѣтелей.

Унтеръ Пряшибеевъ поднимаетъ очки на лобъ и съ удивленіемъ глядитъ на мирового, который, очевидно, не на его сторонѣ. Его выпученные глаза блестятъ, носъ становится ярко-краснымъ. Глядитъ онъ на мирового, на свидѣтелей и никакъ не можетъ понять, отчего это мировой

такъ взволнованъ, и отчего изъ всѣхъ угловъ камеры слышится то ропотъ, то сдержанный смѣхъ. Непонятенъ ему и приговоръ: на мѣсяць подъ арестъ!

— За что?!—говоритъ онъ, разводя въ недоумѣннн рукахъ.—По какому закону?

И для него ясно, что мнръ измѣнился и что жить на свѣтѣ уже никакъ не возможно. Мрачныя, унылыя мысли овладѣваютъ имъ. Но выйдя изъ камеры и увидѣвъ мужиковъ, которые толнятся и говорятъ о чемъ-то, онъ по привычкѣ, съ которой уже совладать не можетъ, вытягиваетъ руки по швамъ и кричитъ хриплымъ, сердитымъ голосомъ:

--- Нарродъ, расходиcь! Не толпнись! По домамъ!

АНЮТА.

Въ самомъ дешевомъ номеркѣ меблированныхъ комнатъ «Лисабонъ» изъ угла въ уголь ходилъ студентъ-медикъ 3-го курса, Степанъ Клочковъ, и усердно зубрилъ свою медицину. Отъ неустанной, напряженной зубрячки у него пересохло во рту и выступилъ на лбу потъ.

У окна, подернутаго у краевъ ледяными узорами, сидѣла на табуретѣ его жилища Анюта, маленькая, худенькая брюнетка лѣтъ 25-ти, очень блѣдная, съ кроткими, сѣрыми глазами. Согнувши спину, она вышивала красными нитками по воротнику мужской сорочки. Работа была спѣшная... Коридорные часы сишло пробили два пополудни, а въ номеркѣ еще не было убрано. Скомканное одѣяло, разбросанныя подушки, книги, платье, большой, грязный тазъ, наполненный мыльными помоями, въ которыхъ плавали окурки, соръ на полу, — все, казалось, было свалено въ одну кучу, нарочно перемѣшано, скомкано...

— Правое легкое состоитъ изъ трехъ долей...—зубрилъ Клочковъ.—Границы! Верхняя доля на передней стѣнкѣ груди достигаетъ до 4—5 реберъ, на боковой поверхности до 4-го ребра... назадъ до *spina scapulae*...

Клочковъ, силясь представить себѣ только-что прочитанное, поднялъ глаза къ потолку. Не получивъ яснаго представленія, онъ сталъ прощупывать у себя сквозь жилетку верхнія ребра.

— Эти ребра похожи на рояльные клавиши,—сказалъ онъ.—Чтобы не спутаться въ счетѣ, къ нимъ непременно нужно привыкнуть. Придется поштудировать на скелетѣ и

на живомъ человѣкѣ... А ну-ка, Анюта, дай-ка, я ориентируюсь!

Анюта оставила вышиванье, сняла кофточку и выпрямилась. Ключковъ сѣлъ противъ нея, нахмурился и сталъ считать ея ребра.

— Гм... Первое ребро не прощупывается... Оно за ключицей... Вотъ это будетъ второе ребро... Такъ-съ... Это вотъ третье... Это вотъ четвертое... Гм... Такъ-съ... Что ты жмешься?

— У васъ пальцы холодные!

— Ну, ну... не умрешь, не вертись. Стало-быть, это третье ребро, а это четвертое... Тощая ты такая на видъ, а ребра едва прощупываются. Это второе... это третье... Нѣтъ, этакъ спутасишься и не представишь себѣ ясно... Придется нарисовать. Гдѣ мой уголекъ?

Ключковъ взялъ уголекъ и начертилъ имъ на груди у Анюты нѣсколько параллельныхъ линий, соответствующихъ ребрамъ.

— Превосходно. Все, какъ на ладони... Ну-съ, а теперь и постучать можно. Встань-ка!

Анюта встала и подняла подбородокъ. Ключковъ занялся выстукиваніемъ, и такъ погрузился въ это занятіе, что не замѣтилъ, какъ губы, носъ и пальцы у Анюты посинѣли отъ холода. Анюта дрожала и боялась, что медикъ, замѣтивъ ея дрожь, перестанетъ чертить углемъ и стучать, и потому, пожалуй, дурно сдать экзамень.

— Теперь все ясно,—сказалъ Ключковъ, переставъ стучать.—Ты сиди такъ и не стирай угля, а я пока подзубрю еще немножко.

И медикъ опять сталъ ходить и зубрить. Анюта, точно татуированная, съ черными полосами на груди, съжившись отъ холода, сидѣла и думала. Она говорила вообще очень мало, всегда молчала и все думала, думала...

За всѣ шесть-семь лѣтъ ея шатанія по мебелированнымъ комнатамъ, такихъ, какъ Ключковъ, знала она человѣкъ пять. Теперь всѣ они уже окончили курсы, вышли въ люди и, конечно, какъ порядочные люди, давно уже забыли ее. Одинъ изъ нихъ живетъ въ Парижѣ, два докторами, четвертый художникъ, а пятый даже, говорятъ, уже профессоръ. Ключковъ—шестой... Скоро и этотъ кончить курсъ, выйдетъ въ люди. Несомнѣнно, будущее прекрасно, и изъ

Клочкова, вѣроятно, выйдетъ большой человекъ, но настоящее совсѣмъ плохо: у Клочкова нѣтъ табаку, нѣтъ чаю, и сахару осталось четыре кусочка. Нужно какъ можно скорѣе оканчивать вышиванье, нести къ заказчицѣ и потомъ купить на полученный четвертакъ и чаю, и табаку.

— Можно войти?—послышалось за дверью.

Анюта быстро накинула себѣ на плечи шерстяной платокъ. Вошелъ художникъ Фетисовъ.

— А я къ вамъ съ просьбой,—началъ онъ, обращаясь къ Клочкову и звѣрски глядя изъ-подъ нависшихъ на лобъ волосъ.— Сдѣлайте одолженіе, одолжите мнѣ вапу прекрасную двѣциу часика на два! Пишу, видите ли, картину, а безъ натурщицы никакъ нельзя!

— Ахъ, съ удовольствіемъ!—согласился Клочковъ.— Ступай, Анюта.

— Чего я тамъ не видѣла!—тихо проговорила Анюта.

— Ну, полно! Человекъ для искусства просить, а не для пустяковъ какихъ-нибудь. Отчего не помочь, если можешь?

Анюта стала одѣваться.

— А чтѣ вы пишете?—спросилъ Клочковъ.

— Психею. Хорошій сюжетъ, да все какъ-то не выходитъ; приходится все съ разныхъ натурщицъ писать. Вчера писалъ одну съ синими ногами. Почему, спрашиваю, у тебя синія ноги? Это, говоритъ, чулки липяютъ. А вы все зубрите! Счастливый человекъ, терпѣніе есть.

— Медицина такая штука, что никакъ нельзя безъ зубрячкн.

— Гм... Извините, Клочковъ, но вы ужасно по-свински живете! Чортъ знаетъ, какъ живете!

— То-есть какъ? Иначе нельзя жить... Отъ батьки я получаю только двѣнадцать въ мѣсяць, а на эти деньги мудрено жить порядочно.

— Такъ-то такъ...—сказалъ художникъ и брезгливо поморщился:—но можно все-таки лучше жить... Развитой человекъ обязательно долженъ быть эстетикомъ. Не правда ли? А у васъ тутъ чортъ знаетъ что! Постель не прибрала, помои, соръ... вчерашняя каша на тарелкѣ... тѣфу!

— Это правда,—сказалъ медикъ и сконфузился:—но Анютѣ некогда было сегодня убрать. Все время занята.

Когда художникъ и Анюта вышли, Ключковъ легъ на диванъ и сталъ зубрить лежа, потомъ нечаянно уснулъ, и, проснувшись черезъ часъ, подперъ голову кулаками и мрачно задумался. Ему вспомнились слова художника о томъ, что развитой человѣкъ обязательно долженъ быть эстетикомъ, и его обстановка въ самомъ дѣлѣ казалась ему теперь противной, отталкивающей. Онъ точно бы провидѣлъ уместнымъ окомъ то свое будущее, когда онъ будетъ принимать своихъ больныхъ въ кабинетѣ, пить чай въ просторной столовой, въ обществѣ жены, порядочной женщины,—и теперь этотъ тазъ съ помоями, въ которомъ плавали окурки, имѣлъ видъ до невѣроятія гадкій. Анюта тоже представлялась некрасивой, неряшливой, жалкой... И онъ рѣшилъ разстаться съ нею, немедленно, во что бы то ни стало.

Когда она, вернувшись отъ художника, снимала шубу, онъ поднялся и сказалъ ей серьезно:

— Вотъ что, моя милая... Садись и выслушай. Намъ нужно разстаться! Однимъ словомъ, жить съ тобою я больше не желаю.

Анюта вернулась отъ художника такая утомленная, изнеможенная. Лицо у нея отъ долгаго стоянія на натурѣ осунулось, похудѣло, и подбородокъ сталъ острѣй. Въ отвѣтъ на слова медика, она ничего не сказала, и только губы у нея задрожали.

— Согласись, что рано или поздно намъ все равно пришлось бы разстаться,—сказалъ медикъ.—Ты хорошая, добрая, и ты не глухая, ты поймешь...

Анюта опять надѣла шубу, молча завернула свое вышиванье въ бумагу, собрала нитки, иголки; свертокъ съ четырьмя кусочками сахару нашла на окнѣ и положила на столъ возлѣ книгъ.

— Это ваше... сахаръ...—тихо сказала она и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Ну, что же ты плачешь?—спросилъ Ключковъ.

Онъ прошелся по комнатѣ въ смущеніи и сказалъ:

— Странная ты, право... Сама вѣдь знаешь, что намъ необходимо разстаться. Не вѣкъ же намъ быть вмѣстѣ.

Она уже забрала все свои узелки и уже повернулась къ нему, чтобы проститься, и ему стало жаль ея.

«Развѣ пусть еще одну недѣлю поживетъ здѣсь?—по-

думаль онъ.—Въ самомъ дѣлѣ, пусть еще поживеть, а черезъ недѣлю я велю ей уйти».

И досадуя на свою безхарактерность, онъ крикнулъ ей сурово:

— Ну, что же стоишь! Уходить, такъ уходить, а не хочешь, такъ снимай шубу и оставайся! Оставайся!

Анюта сняла шубу, молча, потихоньку, потомъ высморкалась, тоже потихоньку, вздохнула и безшумно направилась къ своей постоянной позиціи—къ табурету у окна.

Студентъ потянулъ къ себѣ учебникъ и опять заходилъ изъ угла въ уголь.

— Правое легкое состоитъ изъ трехъ долей...—зубрилъ онъ.—Верхняя доля на передней стѣнкѣ груди достигаетъ до 4—5 реберъ...

А въ коридорѣ кто-то кричалъ во все горло:

— Григорій, самоваръ!

ВЪ МОСКВѢ НА ТРУБНОЙ ПЛОЩАДИ.

Небольшая площадь близъ Рождественскаго монастыря, которую называютъ Трубною, или просто Трубой; по воскресеньямъ на ней бываетъ торгъ. Копшатся, какъ раки въ рѣшетѣ, сотни тулуповъ, бекешъ, мѣховыхъ картузовъ, цилиндровъ. Слышио разноголосое пѣніе птицъ, напоминающее весну. Если свѣтитъ солнце и на небѣ нѣтъ облаковъ, то пѣніе и запахъ сѣна чувствуются сильнѣе, и это воспоминаніе о веснѣ возбуждаетъ мысль и уноситъ ее далеко-далеко. По одному краю площадки тянется рядъ возовъ. На возахъ не сѣно, не капуста, не бобы, а щеглы, чижи, красавки, жаворонки, черные и сѣрые дрозды, синицы, свирири. Все это прыгаетъ въ плохихъ, самодѣлковыхъ клѣткахъ, поглядываетъ съ завистью на свободныхъ воровъ и щебечетъ. Щеглы по пятаку, чижи подороже, остальная же птица имѣетъ самую неопредѣленную цѣнность.

— Почему жаворонки?

Продавецъ и самъ не знаетъ, какая цѣна его жаворонку. Онъ чешетъ затылокъ и запрашиваетъ сколько Богъ на душу положитъ—или рубль, или три копейки, смотря по покупателю. Есть и дорогія птицы. На запачканной жердочкѣ сидитъ полинялый старикъ-дрождь съ опипаннымъ хвостомъ. Онъ солиденъ, важенъ и неподвиженъ, какъ отставной генералъ. На свою неволю онъ давно уже махнулъ лапкой и на голубое небо давно уже глядитъ равнодушно. Должно-быть, за это свое равнодушіе онъ и почитается разсудительной птицей. Его нельзя продать дешевле, какъ за сорокъ копеекъ. Около птицъ толкуются, шлепая по грязи, гимназисты, мастеровые, молодые люди въ модныхъ пальто, любители въ до-нельзя поношенныхъ шапкахъ, въ

подсученныхъ, истрепанныхъ, точно мышами изъѣденныхъ брюкахъ. Юнцамъ и мастеровымъ продають самокъ за самовъ, молодыхъ за старыхъ... Они мало смыслятъ въ птицахъ. Зато любителя не обманешь. Любитель издали видить и понимаетъ птицу.

— Положительности нѣтъ въ этой птицѣ,—говорить любитель, засматривая чижу въ ротъ и считая перья въ его хвостѣ.—Опъ теерь поеть, это вѣрно, но что жъ изъ этого? И я въ компаніи запою. Пѣтъ, ты, братъ, мнѣ безъ компаніи, братъ, запою; запою въ одиночку, ежели можешь... Ты подай мнѣ того вонъ, что сидитъ и молчитъ! Тихою подай! Этотъ молчитъ, стало-быть, себѣ на умѣ...

Между возами съ птицей попадаются возы и съ другого рода живностью. Тутъ вы видите зайцевъ, кроликовъ, ежей, морскихъ свинокъ, хорьковъ. Сидитъ заяцъ и съ горя солону жучетъ. Морскія свинки дрожатъ отъ холода, а ежи съ любопытствомъ посматривають изъ-подъ своихъ колючекъ на публику.

— Я гдѣ-то читалъ,—говорить чиновникъ почтоваго вѣдомства, въ полиняломъ пальто, ни къ кому не обращаясь и любовно поглядывая на зайца:—я читалъ, что у какого-то ученаго кошка, мышь, кобчикъ и воробей изъ одной чашки ѣли.

— Очень это возможно, господинъ. Потому коника битая, и у кобчика, небось, весь хвостъ повыдерганъ. Никакой учености тутъ нѣтъ, сударь. У моего кума была кошка, которая, извините, огурцы ѣла. Недѣли двѣ полосовалъ кнутовищемъ, покудова выучилъ. Заяцъ, ежели его бить, спички можетъ зажигать. Чему вы удивляетесь? Очень просто! Возьметъ въ ротъ спичку и—чиркъ! Животное то же, что и человекъ. Человекъ отъ битья умнѣй бываетъ, такъ и тварь.

Въ толпѣ снуютъ чуйки съ иѣтухами и утками поды мышкой. Птица все тощая, голодная. Изъ клѣтокъ высывають свои некрасивыя, облѣзлыя головы цыплята и клюють что-то въ грязи. Мальчишки съ голубями засматривають вамъ въ лицо и тщатся узнать въ васъ голубинаго любителя.

— Да-съ! Говорить вамъ нечего!—кричитъ кто-то сердито.—Вы посмотрите, а потомъ и говорите! Нешто это голубь? Это орелъ, а не голубы!

Высокій, тонкій человекъ съ бачками и бритыми усами, по наружности лакей, больной и пьяный, продаетъ бѣлую, какъ снѣгъ, болонку. Старуха-болонка плачетъ.

— Велѣла вотъ продать эту накость, — говорить лакей, презрительно усмѣхаясь. — Обанкрутилась на старости лѣтъ, ѣсть нечего, и теперь вотъ собакъ да кошекъ продаетъ. Плачетъ, цѣлуется ихъ въ поганья морды, а сама продаетъ отъ нужды. Ей-Богу, фактъ! Купите, господа! На кофій деньги надобны.

Но никто не смѣется. Мальчишка стоитъ возлѣ и, прищуривъ одинъ глазъ, смотритъ на него серьезно, съ состраданіемъ.

Интереснѣе всего рыбный отдѣлъ. Дунгъ десять мужиковъ сидятъ въ рядѣ. Передъ каждымъ изъ нихъ ведро, въ ведрахъ же маленькій, кромѣшный адъ. Тамъ въ зеленоватой, мутной водѣ копошатся карасики, вьюнки, малявки, улитки, лягушки-жерлянки, тритоны. Большіе рѣчные жуки съ поломанными ногами шныряютъ по маленькой поверхности, карабкаясь на карасей и перескакивая черезъ лягушекъ. Лягушки лѣзутъ на жуковъ, тритоны на лягушекъ. Живуча тварь! Темно-зеленые лини, какъ болѣе дорогая рыба, пользуются льготой: ихъ держатъ въ особой баночкѣ, гдѣ плавать нельзя, но все же не такъ тѣсно...

— Важная рыба карась! Держанный карась, ване высокоблагородіе, чтобъ онъ издохъ! Его хоть годъ держи въ ведрѣ, а онъ все живъ! Недѣля ужъ, какъ поймалъ я этихъ самыхъ рыбковъ. Паловилъ я ихъ, милостивый государь, въ Перервѣ и оттуда пѣшкомъ. Караси по двѣ копейки, вьюны по три, а малявки гривенникъ за десятокъ, чтобъ онѣ издохли! Извольте малявокъ за пятакъ. Червячковъ не прикажете ли?

Продавецъ лѣзетъ въ ведро и достаетъ оттуда своими грубыми, жесткими пальцами нѣжную малявку, или карасика, величиной съ ноготь. Около ведеръ разложены дески, крючки, жерлицы, и отливаютъ на солнцѣ пунцовымъ огнемъ прудовые червяки.

Около возовъ съ птицей и около ведеръ съ рыбой ходитъ старецъ-любитель въ мѣховомъ картузѣ, желѣзныхъ очкахъ и калошахъ, похожихъ на два броненосца. Это, какъ его называютъ здѣсь, «типъ». За душой у него ни копейки, но, несмотря на это, онъ торгуется, волнуется,

пристаетъ къ покупателямъ съ совѣтами. За какою-нибудь часъ онъ успѣваетъ осмотрѣть всѣхъ зайцевъ, голубей и рыбъ, осмотрѣть до тонкостей, опредѣлить всѣмъ, каждой изъ этихъ тварей породу, возрастъ и цѣну. Его, какъ ребенка, интересуютъ щеглята, карасики и малявки. Заговорите съ нимъ, на примѣръ, о дроздахъ, и чудакъ расскажетъ вамъ такое, чего вы не найдете ни въ одной книгѣ. Расскажетъ вамъ съ восхищеніемъ, страстно и вдобавокъ еще и въ невѣжествѣ упрекнетъ. Про щеглятъ и снигирей онъ готовъ говорить безъ конца, выпучивъ глаза и сильно размахивая руками. Здѣсь на Трубѣ его можно встрѣтить только въ холодное время, лѣтомъ же онъ гдѣ-то за Москвой перепеловъ на дудочку ловить и рыбку удить.

А вотъ и другой «тиць», — очень высокій, очень худой господинъ въ темныхъ очкахъ, бритый, въ фуражкѣ съ кокардой, похожій на подьячаго стараго времени. Это любитель; онъ имѣетъ не малый чинъ, служитъ учителемъ въ гимназій, и это извѣстно навсегда ямъ Трубы, и они относятся къ нему съ уваженіемъ, встрѣчаютъ его поклонами и даже придумали для него особенный титулъ: «ваше мѣстоименіе». Подъ Сухаревой онъ роется въ книггахъ, а на Трубѣ ищетъ хорошихъ голубей.

— Пожалуйте! — кричатъ ему голубятники. — Господинъ учитель, ваше мѣстоименіе, обратите ваше вниманіе на гурмановъ! Ваше мѣстоименіе!

— Ваше мѣстоименіе! — кричатъ ему съ разныхъ сторонъ.

— Ваше мѣстоименіе! — повторяетъ гдѣ-то на бульварѣ мальчишка.

А «его мѣстоименіе», очевидно, давно уже привыкшій къ этому своему титулу, серьезный, строгій, беретъ въ обѣ руки голубя и, поднявъ его выше головы, начинаетъ разсматривать и при этомъ хмурится и становится еще болѣе серьезнымъ, какъ заговорщикъ.

И Труба, этотъ небольшой кусочекъ Москвы, гдѣ животныхъ любятъ такъ нѣжно и гдѣ ихъ такъ мучаютъ, живетъ своей маленькой жизнью, шумитъ и волнуется, и тѣмъ дѣловымъ и богомольнымъ людямъ, которые проходятъ мимо по бульвару, не понятно, зачѣмъ собралась эта толпа людей, эта нестрая смѣсь шапокъ, картузовъ и цилиндровъ, о чемъ тутъ говорить, чѣмъ торгуютъ.

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛІЯ.

У отставнаго генераль-маіора Булдѣва разболѣлись зубы. Онъ полоскалъ ротъ водкой, коньякомъ, прикладывалъ къ больному зубу табачную копоть, опій, скипидаръ, керосинъ, мазалъ щеку іодомъ, въ ушахъ у него была вата, смоченная въ спирту, но все это или не помогало, или вызывало тошноту. Пріѣзжалъ докторъ. Онъ поковырялъ въ зубѣ. прописалъ хину, но и это не помогло. На предложеніе вырвать больной зубъ, генераль отвѣтилъ отказомъ. Всѣ домашніе,—жена, дѣти, прислуга, даже поваренокъ Петька предлагали каждый свое средство. Между прочимъ и приказчикъ Булдѣва, Иванъ Евсеичъ, пришелъ къ нему и совѣтовалъ полѣчиться заговоромъ.

— Тутъ, въ нашемъ уѣздѣ, ваше превосходительство,—сказалъ онъ:—лѣтъ десять назадъ служилъ акцизный Яковъ Васильичъ. Заговаривалъ зубы—первый сортъ. Бывало отвернется къ окошку, пошнечетъ, пошлюетъ и какъ рукой! Сила ему такая дадена...

— Гдѣ же онъ теперь?

— А послѣ того, какъ его изъ акцизныхъ уволили, въ Саратовѣ у тещи живетъ. Теперь только зубами и кормится. Ежели у котораго чловѣка заболитъ зубъ, то и идутъ къ нему, помогаетъ... Тамошнихъ саратовскихъ на дому у себя пользуется, а ежели которые изъ другихъ городовъ, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что такъ молъ вотъ и такъ... у раба Божьяго Алексія зубы болятъ, прошу выпользовать. А деньги за лѣченіе почтой пошлете.

— Ерунда! Шарлатанство!

— А вы попытайте, ваше превосходительство. До водки очень охотникъ, живетъ не съ женой, а съ нѣмкой, ругатель, но, можно сказать, чудодѣйственный господинъ!

— Пошли, Алеша,—взмолилась генеральша.—Ты вотъ не вѣришь въ заговоры, а я на себѣ испытала. Хотя ты и не вѣришь, но отчего не послать? Руки вѣдь не отвалятся отъ этого.

— Ну, ладно,—согласился Булдѣевъ.—Тутъ не только что къ акцизному, но и къ чорту депешу пошлешь... Охъ! Мочи нѣтъ! Ну, гдѣ твой акцизный живетъ? Какъ къ нему писать?

Генераль сѣлъ за столъ и взялъ перо въ руки.

— Его въ Саратовѣ каждая собака знаетъ,—сказалъ приказчикъ.—Извольте писать, ваше превосходительство, въ городъ Саратовъ, стало-быть... Его благородію господину Якову Васильичу... Васильичу...

— Ну?

— Васильичу... Якову Васильичу... а по фамиліи... А фамилію вотъ и забылъ!.. Васильичу... Чортъ... Какъ же его фамилія? Давеча, какъ сюда шель, помнилъ... Позвольте-съ...

Иванъ Евсеньчъ поднялъ глаза къ потолку и зашевелилъ губами. Булдѣевъ и генеральша ожидали нетерпѣливо.

— Ну, что же? Скорѣй думай!

— Сейчасъ... Васильичу... Якову Васильичу... Забылъ! Такая еще простая фамилія... словно какъ бы лошадиная... Кобылинъ? Нѣтъ, не Кобылинъ. Пойдите... Жеребцовъ нешто? Нѣтъ, и не Жеребцовъ. Помню, фамилія лошадиная, а какая—изъ головы вышибло...

— Жеребятниковъ?

— Никакъ нѣтъ. Пойдите... Кобылицынъ... Кобылятниковъ... Кобелевъ...

— Это ужъ собачья, а не лошадиная. Жеребчиковъ?

— Нѣтъ, и не Жеребчиковъ... Лошадининъ... Лошаковъ... Жеребкинъ... Все не то!

— Ну, такъ какъ же я буду ему писать? Ты подумай!

— Сейчасъ. Лошадкинъ... Кобылкинъ... Коренной...

— Коренниковъ?—спросила генеральша.

— Никакъ нѣтъ. Пристяжкинъ... Нѣтъ, не то! Забылъ!

— Такъ зачѣмъ же, чортъ тебя возьми, съ совѣтами лѣ-

вешь, ежели забыть?—разсердился генераль.—Ступай отсюда вонь!

Иванъ Евсеичъ медленно вышелъ, а генераль схватилъ себя за щеку и заходилъ по комнатамъ.

— Ой, батюшки!—вопилъ онъ.—Ой, матушки! Охъ, свѣта бѣлаго не вижу!

Приказчикъ вышелъ въ садъ и, поднявъ къ небу глаза, сталъ припоминать фамилію акцизнаго:

— Жеребчиковъ... Жеребковскій... Жеребенко... Нѣтъ, не то! Лошадинскій... Лошадевичъ... Жеребковичъ... Кобылянскій...

Немного погодя, его позвали къ господамъ.

— Вспомнилъ?—спросилъ генераль.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Можетъ-быть, Конявскій? Лошадниковъ? Нѣтъ?

И въ домѣ всѣ наперерывъ стали изобрѣтать фамиліи. Перебрали всѣ возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... Въ домѣ, въ саду, въ людской и кухнѣ люди ходили изъ угла въ уголь и, почесывая лбы, искали фамилію...

Приказчика то и дѣло требовали въ домъ.

— Табуновъ?—спрашивали у него.—Копытннъ? Жеребовскій?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ Иванъ Евсеичъ и, поднявъ вверхъ глаза, продолжалъ думать вслухъ:—Коненко... Конченко... Жеребѣвъ... Кобылѣвъ...

— Папа!—кричали изъ дѣтской.—Тройкинъ! Уздечкинъ!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпѣливый, замученный генераль пообѣщалъ дать пять рублей тому, кто вспомнитъ настоящую фамилію, и за Иваномъ Евсеичемъ стали ходить цѣлыми толпами...

— Гнѣдовъ!—говорили ему.—Рысистый! Лошадицкій!

Но наступилъ вечеръ, а фамилія все еще не была найдена. Такъ и спать легли, не пославъ телеграммы.

Генераль не спалъ всю ночь, ходилъ изъ угла въ уголь и стоналъ... Въ третьемъ часу утра онъ вышелъ изъ дому и постучался въ окно къ приказчику.

— Не Мериновъ ли?—спросилъ онъ плачущимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не Мериновъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Иванъ Евсеичъ и виновато вздохнулъ.

— Да можетъ-быть, фамилія не лошадиная, а какая-нибудь другая!

— Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

— Экій ты какой, братецъ, безпамятный... Для меня теперь эта фамилія дороже, кажется, всего на свѣтѣ. Замучился!

Утромъ генераль опять послалъ за докторомъ.

— Пускай рветъ! — рѣшилъ онъ. — Нѣтъ больше силъ терпѣть...

Пріѣхалъ докторъ и вырвалъ больной зубъ. Боль утихла тотчасъ же, и генераль успокоился. Сдѣлавъ свое дѣло и получивъ, что слѣдуетъ, за трудъ, докторъ сѣлъ въ свою бричку и поѣхалъ домой. За воротами въ полѣ онъ встрѣтилъ Ивана Евсенча... Приказчикъ стоялъ на краю дороги и, глядя сосредоточенно себѣ подъ ноги, о чемъ-то думалъ. Судя по морщинамъ, бороздившимъ его лобъ, и по выраженію глазъ, думы его были напряженны, мучительны...

— Булановъ... Черезсѣдельниковъ...—бормоталъ онъ.— Засунонинъ... Лошадскій...

— Иванъ Евсенчъ!—обратился къ нему докторъ.— Не могу ли я, голубчикъ, купить у васъ четвертей пять овса? Мнѣ продаютъ наши мужики овесъ, да ужъ больно плохой...

Иванъ Евсенчъ тупо поглядѣлъ на доктора, какъ-то дико улыбнулся и, не сказавъ въ отвѣтъ ни одного слова, всплеснувъ руками, побѣжалъ къ усадьбѣ съ такой быстротой, точно за нимъ гналась бѣшеная собака.

— Надумалъ, ваше превосходительство!—закричалъ онъ радостно, не своимъ голосомъ, влетая въ кабинетъ къ генералу.— Надумалъ, дай Богъ вдоровья доктору! Овсовъ! Овсовъ фамилія акцизнаго! Овсовъ, ваше превосходительство! Посылайте денешу Овсову!

— Накося!—сказалъ генераль съ презрѣніемъ и поднесъ къ лицу его два кукиша.— Не нужно мнѣ теперь твоей лошадиной фамиліи! Накося!

ТРАГИКЪ.

Быль бенефисъ трагика Феногенова.

Давали «Князя Серебрянаго». Самъ бенефициантъ игралъ Вяземскаго, антрепренеръ Лимонадовъ—Дружину Морозова, г-жа Веобахтова—Елену... Спектакль вышелъ на славу. Трагикъ дѣлалъ буквально чудеса. Онъ похищалъ Елену одной рукой и держалъ ее выше головы, когда пронесилъ черезъ сцену. Онъ кричалъ, шипѣлъ, стучалъ ногами, рвалъ у себя на груди кафтанъ. Отказываясь отъ поединка съ Морозовымъ, онъ трясся всѣмъ тѣломъ, какъ въ дѣйствительности никогда не трясется, и съ шумомъ задышался. Театръ дрожалъ отъ аплодисментовъ. Вызовамъ не было конца. Феногенову поднесли серебряный портсигаръ и букетъ съ длинными лентами. Дамы махали платками, заставляли мужчинъ аплодировать, многія плакали... Но болѣе всѣхъ восторгалась игрой и волновалась дочь исправника Сидорѣцкаго, Маша. Она сидѣла въ первомъ ряду кресель, рядомъ со своимъ папашей, не отрывала глазъ отъ сцены даже въ антрактахъ и была въ полномъ восторгѣ. Ея тоненькія ручки и ножки дрожали, глазки были полны слезъ. лицо становилось все блѣднѣй и блѣднѣй. И не мудрено: она была въ театрѣ первый разъ въ жизни!

— Какъ хорошо они представляютъ! Какъ отлично!—обращалась она къ своему папашѣ-исправнику всякій разъ, когда опускался занавѣсъ.—Какъ хороши Феногеновы!

И если бы папаша могъ читать на лицахъ, онъ прочелъ бы на блѣдномъ личикѣ своей дочки восторгъ, доходящій до страданія. Она страдала и отъ игры, и отъ

песны, и отъ обстановки. Когда въ антрактѣ полковой оркестръ начиналъ играть свою музыку, она въ изнеможеніи закрывала глаза.

— Папа!—обратилась она къ отцу въ послѣднемъ антрактѣ.—Пойди на сцену и скажи имъ всѣмъ, чтобы приходили къ намъ завтра обѣдать!

Исправникъ пошелъ на сцену, похвалилъ тамъ всѣхъ за хорошую игру и сказалъ г-жѣ Веобахтовой комплиментъ:

— Ваше красивое лицо просится на полотно. О, зачѣмъ я не владѣю кистью!

И шаркнулъ ногой, потомъ пригласилъ артистовъ къ себѣ на обѣдъ.

— Всѣ приходите, кромѣ женскаго пола,—шепнулъ онъ.—Актрисъ не надо, потому что у меня дочка.

На другой день у исправника обѣдали артисты. Пришли только антрепренеръ Лимонадовъ, трагикъ Феногеновъ и комикъ Водолазовъ; остальные сослались на недосугъ и не пришли. Обѣдъ прошелъ скучно. Лимонадовъ все время увѣрялъ исправника, что онъ его уважаетъ и вообще чтитъ всякое начальство, Водолазовъ представлялъ пьяныхъ купцовъ и армянъ, а Феногеновъ, высокій, плотный малороссъ (въ паспортѣ онъ назывался Кнышъ), съ черными глазами и нахмуреннымъ лбомъ, продекламировалъ «У параднаго подѣзда» и «Быть или не быть?». Лимонадовъ со слезами на глазахъ разсказалъ о свиданіи своемъ съ бывшимъ губернаторомъ генераломъ Канючинымъ. Исправникъ слушалъ, скучалъ и благодушно улыбался. Несмотря даже на то, что отъ Лимонадова сильно пахло жжеными перьями, а на Феногеновѣ былъ чужой фракъ и салогн съ кривыми каблучками, онъ былъ доволенъ. Они нравились его дочкѣ, веселили ее, и этого ему было достаточно! А Маша глядѣла на артистовъ, не отрывала отъ нихъ глазъ ни на минуту. Никогда ранѣе она не видала такихъ умныхъ, необыкновенныхъ людей!

Вечеромъ исправникъ и Маша опять были въ театрѣ. Черезъ недѣлю артисты опять обѣдали у начальства, и съ этого раза стали почти каждый день приходиться въ домъ исправника, то обѣдать, то ужинать, и Маша еще сильнѣе привязалась къ театру и стала бывать въ немъ ежедневно.

Она влюбилась въ трагика Феногенова. Въ одно прекрасное утро, когда исправникъ ѣздилъ встрѣчать архіерея,

она бѣжала съ труппой Лимонадова и на пути повѣнчалась со своимъ возлюбленнымъ. Отпраздновавъ свадьбу, артисты сочинили длинное, чувствительное письмо и отправили его къ исправнику. Сочиняли всѣ разомъ.

— Ты ему мотивы, мотивы ты ему!—говорилъ Лимонадовъ, диктуя Водолазову.—Почтенія ему подпусти... Они, чиновдралы, любятъ это. Надбавь чего-нибудь этакого... чтобъ прослезился...

Отвѣтъ на это письмо былъ самый неутѣшительный. Исправникъ отрекался отъ дочери, вышедшей, какъ онъ писалъ, «за глупаго, праздношатающагося хохла, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій».

И на другой день послѣ того, какъ пришелъ этотъ отвѣтъ, Маша писала своему отцу:

«Папа, онъ бьетъ меня! Прости насъ!»

Онъ билъ ее, билъ за кулисами въ присутствіи Лимонадова, прачки и двухъ ламповщиковъ! Онъ помнилъ, какъ за четыре дня до свадьбы, вечеромъ, сидѣлъ онъ со всею труппой въ трактирѣ «Лондонъ»; всѣ говорили о Мангѣ, труппа совѣтовала ему «рискнуть», а Лимонадовъ убѣждалъ со слезами на глазахъ:

— Глупо и нераціонально отказываться отъ такого случая! Да вѣдь за такія деньги не то что жениться, въ Сибирь пойти можно! Женишься, построишь свой собственный театръ, и бери меня тогда къ себѣ въ труппу. Не я ужъ тогда владыка, а ты владыка.

Феногеновъ помнилъ объ этомъ и теперь бормоталъ, сжимая кулаки:

— Если онъ не пришлетъ денегъ, такъ я изъ нея щепы нащеплю. Я не позволю себя обманывать, чортъ меня раздери!

Изъ одного губернскаго города труппа хотѣла уѣхать тайкомъ отъ Маши, но Маша узнала и прибѣжала на вокзалъ послѣ второго звонка, когда актеры уже сидѣли въ вагонахъ.

— Я оскорбленъ вашимъ отцомъ!—сказалъ ей трагикъ.— Между нами все кончено!

А она, несмотря на то, что въ вагонѣ былъ народъ, согнула свои маленькія ножки, стала передъ нимъ на колѣни и протянула съ мольбой руки.

— Я люблю васъ!—просила она.— Не гоните меня, Кондратій Иванычъ! Я не могу жить безъ васъ!

Вняли ея мольбамъ и, посовѣтовавшись, приняли ея въ труппу на амплуа «сплошной графини»,—такъ называли маленькихъ актрисъ, выходившихъ на сцену обыкновенно толпой и игравшихъ роли безъ рѣчей... Сначала Маша играла горничныхъ и пажей, но потомъ, когда г-жа Беобахтова, цвѣтъ лимонадовой труппы, бѣжала, то ея сдѣлали *ingénue*. Играла она плохо: сюсюкала, копфузилась. Скоро впрочемъ, привыкла и стала нравиться публикѣ. Феногеновъ былъ очень недоволенъ.

— Развѣ это актриса?—говорилъ онъ.—Ни фигуры, ни манеръ, а такъ только... одна глупость...

Въ одномъ губерискомъ городѣ труппа Лимонадова давала «Разбойниковъ» Шиллера. Феногеновъ изображалъ Франца, Маша—Амалию. Трагикъ кричалъ и трясся, Маша читала свою роль, какъ хорошо заученный урокъ, и пьеса сошла бы, какъ сходить вообще пьесы, если бы не случился маленькій скандалъ. Все шло благополучно до того мѣста въ пьесѣ, гдѣ Францъ объясняется въ любви Амалия, а она хватаетъ его шпагу. Малороссъ прокричалъ, прошипѣлъ, затрясся и сжалъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ Машу. А Маша, вмѣсто того, чтобы отпихнуть его, крикнуть ему «прочь!», задрожала въ его объятіяхъ, какъ птичка, и не двигалась... Она точно застыла.

— Пожалѣйте меня!—прошептала она ему на ухо.—О, пожалѣйте меня! Я такъ несчастна!

— Роли не знаешь! Суфлера слушай!—прошипѣлъ трагикъ и сунулъ ей въ руки шпагу.

Послѣ спектакля Лимонадовъ и Феногеновъ сидѣли въ кассѣ и вели бесѣду.

— Жена твоя ролей не учитъ, это ты правильно...—говорилъ антрепренеръ.—Функции своей не знаетъ... У всякаго человѣка есть своя функція... Такъ вотъ она ея-то не знаетъ...

Феногеновъ слушалъ, вздыхалъ и хмурился, хмурился...

На другой день утромъ Маша сидѣла въ мелочной лавочкѣ и писала:

«Папа, онъ бьетъ меня! Прости насъ! Вышли намъ денегъ!»

СТРАДАЛЬЦЫ.

Лизочка Кудринская, молоденькая дамочка, имѣющая много поклонниковъ, вдругъ заболѣла, да такъ серьезно, что мужъ ея не пошелъ на службу, и ея мамашѣ въ Тверь была послана телеграмма. Исторію своей болѣзни она рассказываетъ такимъ образомъ:

— Поѣхала я въ Лѣсное къ тетѣ. Пожила я тамъ недѣлю и потомъ со всѣми отправилась къ кузинѣ Варѣ. Варинъ мужъ, вы знаете, бука и деспотъ (я застрѣлила бы такого мужа), но время мы провели тамъ весело. Во-первыхъ, я тамъ участвовала въ любительскомъ спектаклѣ. Шелъ «Скандалъ въ благородномъ семействѣ». Хрусталеви, игралъ изумительно! Во время антракта я выпила холодной ужасно холодной лимонной воды съ немножечкомъ коньяку... Лимонная вода съ коньякомъ очень похожа на шампанское... Выпила и ничего не почувствовала. На другой день послѣ спектакля ѣздила я верхомъ съ этимъ Адольфомъ Ивановичемъ. Было немножко сыро и меня продуло. Вѣроятно, я тогда же простудилась. Дня черезъ три я поѣхала къ себѣ домой посмотреть, какъ живетъ мой милый, мой хорошій Вася, и кстати взять шелковое платьѣ, то самое, что цвѣточками. Васи, конечно, не застала дома. Пошла я въ кухню сказать Прасковѣ, чтобы она поставила самоваръ, гляжу, а у ней на столѣ хорошенькія молоденькія рѣпочки и морковочки, точно игрушечки. Я съѣла одну морковочку, ну, и рѣпку. Очень немного съѣла, но представьте, вдругъ у меня начинается рѣзь... Спазмы, спазмы, спазмы... Ахъ, умираю! Прибѣгаетъ со службы Вася. Натурально, хва-

таетъ себя за волосы и блѣднѣеть. Вѣгутъ за докторомъ... Понимаете? Умираю и умираю!

Спазмы начались въ полдень, въ третьемъ часу прѣзжалъ докторъ, а въ шесть Лизочка уснула и спала крѣпкимъ сномъ до двухъ часовъ ночи.

Бьетъ два часа... Свѣтъ маленькой ночной лампы скудно пробивается сквозь голубой абажуръ. Лизочка лежитъ въ постели. Ея бѣлый кружевной чепчикъ рѣзко вырисовывается на темномъ фонѣ красной подушки. На ея блѣдномъ лицѣ и круглыхъ, сдобныхъ плечахъ лежатъ узорчатая тѣни отъ абажура. У ногъ сидитъ Василій Степановичъ, ея мужъ. Бѣдняга счастливъ, что его жена, наконецъ, дома и въ то же время страшно напуганъ ея болѣзью.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь, Лизочка? — спрашиваетъ онъ попотомъ, замѣтивъ, что она проснулась.

— Миѣ лучше... — стонетъ Лизочка. — Спазмы уже не чувствую, но не спится... Не могу уснуть!

— Не пора ли тебѣ, мой ангелъ, переменить компрессъ?

Лизочка приподнимается медленно, со страдальческимъ выраженіемъ и граціозно склоняетъ голову на бокъ. Василій Степановичъ священнодѣйственно, едва касаясь пальцами горячаго тѣла, переменяетъ компрессъ. Лизочка пожимается, смѣется отъ холодной воды, которая цекочетъ ее, и опять ложится.

— Ты, бѣдный, не спишь! — стонетъ она.

— Могу ли я спать!

— Это у меня нервное, Вася. Я очень нервная женщина. Докторъ прописалъ миѣ противъ желудка, но я чувствую, что онъ не понялъ моей болѣзни. Тутъ нервы, а не желудокъ, клянусь тебѣ, что это нервы. Одного только я боюсь, какъ бы моя болѣзнь не приняла дурного оборота.

— Нѣтъ, Лизочка, нѣтъ! Завтра же ты будешь здорова!

— Едва ли! За себя я не боюсь... миѣ все равно, даже я рада умереть, но миѣ тебя жалъ! Вдругъ ты овдовѣешь и останешься одинъ.

Васечка рѣдко пользуется обществомъ жены и давно уже привыкъ къ одиночеству, но слова Лизочки его тревожатъ.

— Богъ знаетъ, что ты говоришь, мамочка! Къ чему эти мрачныя мысли?

— Что жъ? Поплачешь, погорюешь, а потомъ и привыкнешь. Даже женишься.

Мужь хватаетъ себя за голову.

— Ну, ну, не буду,—успокаиваетъ его Лизочка.—Только ты долженъ быть ко всему готовъ.

«А вдругъ я въ самомъ дѣлѣ умру!»—думаетъ она, закрывая глаза.

И Лизочка рисуетъ себѣ картину собственной смерти, какъ вокругъ ея смертнаго одра тѣснятся мать, мужь, кузина Варя съ мужемъ, родня, поклонники ея «таланта», какъ она шепчетъ послѣднее «прости». Всѣ плачутъ. Потомъ, когда она уже мертва, ее, интересно блѣдную, черноволосую, одѣвають въ розовое платье (оно ей къ лицу) и кладутъ въ очень дорогой гробъ на золотыхъ ножкахъ, полный цвѣтовъ. Пахнетъ ладаномъ, трещатъ свѣчи. Мужь не отходитъ отъ гроба, а поклонники таланта не отрываютъ отъ нея глазъ: «Какъ живая! Она въ гробу прекрасна!» Весь городъ говоритъ о безвременно угасшей жизни. Но вотъ ее несутъ въ церковь. Несутъ: Иванъ Петровичъ, Адольфъ Иванычъ, Варинъ мужь, Николай Семенычъ и тотъ черноглазый студентъ, который научилъ ее пить лимонную воду съ коньякомъ. Жаль только, что не играетъ музыка. Послѣ панихиды—прощаніе. Церковь полна рыданіями. Приносятъ крышку съ кистями и... Лизочка навѣки разстается съ дневнымъ свѣтомъ. Слышно, какъ прибиваютъ гвозди. Стукъ, стукъ, стукъ!

Лизочка вздрагиваетъ и открываетъ глаза.

— Вася, ты здѣсь?—спрашиваетъ она.— У меня такія мрачныя мысли. Боже, неужели я такъ несчастна, что не усну? Вася, пожалѣй меня, расскажи мнѣ что-нибудь!

— Что же тебѣ рассказать?

— Что-нибудь... любовное,—говоритъ томно Лизочка.— Или расскажи что-нибудь изъ еврейскаго быта...

Василій Степанычъ, готовый на все, лишь бы только его жена была весела и не говорила о смерти, зачесываетъ надъ ушами пейсы, дѣлаетъ смѣшную физиономію и подходитъ къ Лизочкѣ.

— А вже не надо ли вамъ часы поцинять? — спрашиваетъ онъ.

— Надо, надо!—хохочетъ Лизочка и подаетъ ему со столика свои золотые часы.—Починяй!

Вася беретъ часы, долго разсматриваетъ механизмъ и, весь скорчившись, говоритъ:

— Нельзя их поцнить... Тутъ зъ однимъ колесомъ два жубцы нѣту.

Въ этомъ и заключается все представленіе. Лизочка хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши.

— Отлично!—воскликаетъ она. — Удивительно! Знаешь, Вася? Ты ужасно глупо дѣлаешь, что не участвуешь въ любительскихъ спектакляхъ? У тебя замѣчательный талантъ! Ты гораздо лучше Сысунова. У насъ участвовала въ «Я именинникъ» любитель, нѣкій Сысуновъ. Первокласный комическій талантъ! Представь: носъ толстый, какъ брюква, глаза зеленые, а ходить, какъ журавль... Мы все хохотали. Пстой, я покажу тебѣ, какъ онъ ходитъ.

Лизочка прыгаетъ съ кровати и начинаетъ шагать по полу уже безъ чепчика, босая.

— Мое почтеніе!—говоритъ она басомъ, подражая мужскому голосу.—Что хорошенькаго? Что новаго подъ луной? Ха-ха-ха!—хохочетъ она.

— Ха-ха-ха!—вторитъ Вася.

И оба супруга, хохоча, забывъ про болѣзнь, гоняются другъ за другомъ по спальнѣ. Бѣготня кончается тѣмъ, что Вася ловитъ жену за сорочку и жадно осыпаетъ ее поцѣлуями. Послѣ одного особенно страстнаго объятія, Лизочка вдругъ вспоминаетъ, что она серьезно больна...

— Какія глупости!—говоритъ она, дѣлая серьезное лицо и укрываясь одѣяломъ.—Вѣроятно, ты забылъ, что я больна! Умно, нечего сказать!

— Извини...—конфузится мужъ.

— Болѣзнь приметъ дурной оборотъ, вотъ ты и будешь виноватъ. Не добрый! Не хорошій!

Лизочка закрываетъ глаза и молчитъ. Прежнія томность и страдальческое выраженіе возвращаются къ ней, опять слышатся легкіе стоны. Вася перемѣняетъ компрессъ и довольный, что его жена дома, а не въ бѣгахъ у тети, смиренно сидитъ у ея ногъ. Не спитъ онъ до самаго утра. Въ десять часовъ приходитъ докторъ.

— Ну, какъ мы себя чувствуемъ? — спрашиваетъ онъ, цупая пульсъ.—Спали?

— Плохо,—отвѣчаетъ за Лизочку мужъ.—Очень плохо!

Докторъ отходитъ къ окну и засматривается на прохожаго трубочиста.

— Докторъ, мнѣ можно сегодня выпить кофе?— спрашиваетъ Лизочка.

— Можно.

— А мнѣ можно сегодня встать?

— Оно, пожалуй, можно, но... лучше полежите еще денекъ.

— Настроена она дурно...—шепчетъ Вася ему на ухо. — Мысли мрачныя... мировоззрѣніе какое-то... Я страшно за нее беспокоюсь!

Докторъ садится за столикъ и, потеревъ ладонью лобъ, прописываетъ Лизочкѣ бромистаго натрія, потомъ раскладываетъ и, пообщавъ побывать еще вечеромъ, уѣзжаетъ. Вася не идетъ на службу, а все сидитъ у ногъ жены... Въ полдень съѣзжаются поклонники таланта. Они встревожены, испуганы, привезли много цвѣтовъ, французскихъ книжекъ. Лизочка, одѣтая въ бѣлоснѣжный чепчикъ и легкую блузку, лежитъ въ постели и смотритъ загадочно, будто не вѣритъ въ свое выздоровленіе. Поклонники таланта видятъ мужа, но охотно прощаютъ ему его присутствіе: ихъ и его соединило у этого ложа одно несчастье!

Въ шесть часовъ вечера Лизочка засыпаетъ и опять спитъ до двухъ часовъ ночи. Вася, попрежнему, сидитъ у ея ногъ, борется съ дремотой, перемѣняетъ компрессъ, изображаетъ изъ еврейскаго быта, а утромъ, послѣ второй страдальческой ночи, Лиза уже вертится передъ зеркаломъ и надѣваетъ шляпку.

— Куда же ты, мой другъ?— спрашиваетъ Вася, глядя на нее умоляюще.

— Какъ?—удивляется Лизочка, дѣлая испуганное лицо.— Развѣ ты не знаешь, что сегодня у Марьи Львовны ретиція?

Проводивъ ее, Вася, отъ нечего-дѣлать, отъ скуки, беретъ свой портфель и ѣдетъ на службу. Отъ бессонныхъ ночей у него болитъ голова, такъ болитъ, что лѣвый глазъ не слушается и закрывается самъ собою...

— Что это съ вами, батюшка мой?—спрашиваетъ его начальникъ.—Что такое?

Вася машетъ рукой и садится.

— И не спрашивайте, ваше сіятельство,—говоритъ онъ со вздохомъ.—Столько я выстрадалъ за эти два дня... столько выстрадалъ! Лиза больна!

— Господи!—пугается начальник:—Лизавета Павловна? Что съ ней?

Василій Степанычъ только разводитъ руками и поднимаетъ глаза къ потолку, какъ бы желая сказать: «На то воля Провидѣнія!»

— Ахъ, мой другъ, я могу сочувствовать вамъ всей душой!—вздыхаетъ начальникъ, закатывая глаза.—Я, душа моя, потерялъ жену... понимаю. Это такая потеря... такая потеря! Это ужасно... это ужасно! Надѣюсь, теперь Лизавета Павловна здорова? Какой докторъ лѣчить?

— Фонъ-Штеркъ.

— Фонъ-Штеркъ? Но вы бы лучше къ Магнусу обратились, или къ Семандрицкому. На васъ, однако, очень блѣдное лицо! Вы сами больной человекъ! Это ужасно!

— Да, ваше сѣтельство... не спалъ... столько выстрадалъ... пережилъ!

— А приходилъ! Зачѣмъ же вы приходили, не понимаю? Развѣ можно себя заставлять? Развѣ такъ можно дѣлать себѣ больно? Ходите домой и сидите тамъ, пока не выздоровѣете! Ходите, я приказываю вамъ! Усердіе хорошее особенность молодого чиновника, но не надо забывать, какъ говорили римляне, *mens sana in corpore sano*, то-есть здоровая голова въ здоровомъ корпусѣ!

Вася соглашается, кладетъ бумаги обратно въ портфель и, простившись съ начальникомъ, ѣдетъ домой спать.

НАКАНУНЪ ПОСТА.

— Павелъ Васильичъ! — будить Пелагея Ивановна своего мужа. — А Павелъ Васильичъ! Ты бы пошелъ позанимался со Степой, а то онъ сидитъ надъ книгой и плачетъ. Опять чего-то не понимаетъ!

Павелъ Васильичъ поднимается, креститъ зѣвающій ротъ и говорить мягко:

— Сейчасъ, душенька!

Кошка, спящая рядомъ съ нимъ, тоже поднимается, вытягиваетъ хвостъ, перегибаетъ спину и жмурится. Тишина... Слышно, какъ зѣ обоями бѣгаютъ мыши. Надѣвъ сапоги и халатъ, Павелъ Васильичъ, помятый и хмурый съ просонокъ, идетъ изъ спальни въ столовую; при его появленіи другая кошка, которая обнюхивала на окнѣ рыбное заливное, прыгаетъ съ окна на полъ и прячется за шкафъ.

— Просили тебя нюхать! — сердится онъ, накрывая рыбу газетной бумагой. — Свинья ты послѣ этого, а не кошка...

Изъ столовой дверь ведетъ въ дѣтскую. Тутъ за столомъ, покрытымъ пятнами и глубокими царапинами, сидитъ Степа, гимназистъ второго класса, съ калризнымъ выраженіемъ лица и съ заплаканными глазами. Приподнявъ колѣни почти до подбородка и охвативъ ихъ руками, онъ качается, какъ китайскій болванчикъ, и сердито глядитъ въ задачникъ.

— Учишься? — спрашиваетъ Павелъ Васильичъ, подсаживаясь къ столу и зѣвая. — Такъ, братецъ ты мой... Погуляли, поспали, блиновъ покушали, а завтра сухояденіе, покаяніе и на работу пожалуйте. Всякій періодъ времени имѣетъ свой предѣлъ. Что это у тебя глаза заплаканные? Зубренція одолѣла? Знать, послѣ блиновъ противно науками питаться? То-то вотъ оно и есть.

— Да ты что тамъ надъ ребелкомъ смѣешься? — кричить изъ другой комнаты Пелагея Ивановна. — Чѣмъ смѣяться, показалъ бы лучше! Вѣдь онъ завтра опять единицу получитъ, горе мое!

— Ты чего не понимаешь? — спрашиваетъ Павелъ Васильичъ у Степы.

— Да вотъ... дѣленіе дробей! — сердито отвѣчаетъ тотъ. — Дѣленіе дроби на дробь...

— Гм... чудаки! Что же тутъ? Тутъ и понимать нечего. Отзубри правило, вотъ и все... Чтобы раздѣлить дробь на дробь, то для этой цѣли нужно числителя первой дроби помножить на знаменателя второй и это будетъ числителемъ частнаго... Ну-съ, за симъ знаменатель первой дроби...

— Я это и безъ васъ знаю! — перебиваетъ его Степа, сбивая щелчкомъ со стола орѣховую скорлупу. — Вы покажите мнѣ доказательство!

— Доказательство? Хорошо, давай карандашъ. Слушай. Положимъ, намъ нужно семь восьмыхъ раздѣлить на двѣ пятыхъ. Такъ-съ. Механика тутъ въ томъ, братецъ ты мой, что требуется эти дроби раздѣлить другъ на дружку... Самоваръ поставили?

— Не знаю.

— Пора ужъ чай пить... Восьмой часъ. Ну-съ, теперь слушай. Будемъ такъ разсуждать. Положимъ, намъ нужно раздѣлить семь восьмыхъ не на двѣ пятыхъ, а на два, то-есть только на числителя. Дѣлимъ. Что же получается?

— Семь шестнадцатыхъ.

— Такъ. Молодецъ. Ну-съ, штукенція въ томъ, братецъ ты мой, что мы... что, стало-быть, если мы дѣлили на два, то... Пстой, я самъ запутался. Помню, у насъ въ гимназій учителемъ ариометики былъ Сигизмундъ Урбанычъ, изъ поляковъ. Такъ тотъ, бывало, каждый урокъ путался. Начнетъ теорему доказывать, спутается и побагровѣетъ весь и по классу забѣгаетъ, точно его шиломъ кто-нибудь въ спину, потомъ разъ пять высморкается и начнетъ плакать. Но мы, знаешь, великодушны были, дѣлали видъ, что не замѣчаемъ. «Что съ вами, спрашиваемъ, Сигизмундъ Урбанычъ? У васъ зубы болятъ?» И скажи пожалуйста, весь классъ изъ разбойниковъ состоялъ, изъ сорви-головъ, но, понимаешь ты, великодушны были! Такихъ маленькихъ, какъ ты, въ мое время не было, а все верзилы, этакіе балбесы, одинъ дру-

того выше. Къ примѣру сказать, у насъ въ третьемъ классѣ былъ Мамахинъ: Господи, что за дубина! Понимаешь ты, дылда въ сажень ростомъ, идетъ — полъ дрожитъ, хватить кулачищемъ по спинѣ — духъ вонъ! Не то что мы, даже учителя его боялись. Такъ вотъ этотъ самый Мамахинъ бывало...

За дверью слышатся шаги Пелагеи Ивановны. Павелъ Васильевичъ мигаетъ на дверь и шепчетъ:

— Мать идетъ. Давай заниматься. Ну, такъ вотъ, братецъ ты мой, — возвышаетъ онъ голосъ: — эту дробь надо помножить на эту. Ну-съ, а для этого нужно числителя первой дроби пом...

— Идите чай пить! — кричитъ Пелагея Ивановна.

Павелъ Васильичъ и его сынъ бросаютъ ариметику и идутъ пить чай. А въ столовой уже сидитъ Пелагея Ивановна, и съ ней тетенька, которая всегда молчитъ, и другая тетенька, глухонѣмая, и бабушка Марковна — повитуха, принимавшая Степу. Самоваръ шипитъ и пускаетъ паръ, отъ котораго на потолокъ ложатся большія, волнистыя тѣни. Изъ передней, здравъ вверхъ хвосты, входятъ кошки, зашпанные, меланхолическія...

— Пей, Марковна, съ вареньемъ, — обращается Пелагея Ивановна къ повитухѣ: — завтра постъ великій, наѣдайся сегодня!

Марковна набираетъ полную ложечку варенья, нерѣшительно, словно порошокъ, подносить ко рту и, покосившись на Павла Васильича, ѣстъ; тотчасъ же ея лицо покрывается сладкой улыбкой, такой же сладкой, какъ само варенье.

— Варенье очень даже отличное, — говоритъ она. — Вы, матушка, Пелагея Ивановна, сами изволили варить?

— Сама. Кому же другому? Я все сама. Степочка, я тебѣ не жидко чай налила? Ахъ, ты уже выпилъ! Давай, ангелочекъ мой, я тебѣ еще налью.

— Такъ вотъ этотъ самый Мамахинъ, братецъ ты мой, — продолжаетъ Павелъ Васильичъ, поворачиваясь къ Степѣ: — терпѣть не могъ учителя французскаго языка. «Я, кричитъ, дворянинъ и не позволю, чтобъ французъ надо мною старшимъ былъ! Мы, кричитъ, въ двѣнадцатомъ году французъ били!» Ну, его, конечно, пороли... си-ильно пороли! А онъ, бывало, какъ замѣтитъ, что его пороть хотятъ, прыгъ въ окно и былъ таковъ! Этакъ дней пять — шесть потомъ

въ гимназію не показывается. Мать приходитъ къ директору, молить Христомъ-Богомъ: «Господинъ директоръ, будьте столь добры, найдите моего Мишку, пощкните его, подлеца!» А директоръ ей: «Помилуйте, сударыня, у насъ съ нимъ пять швейцаровъ не справятся!»

— Господи, уродятся же такіе разбойники! — шепчетъ Пелагея Ивановна, съ ужасомъ глядя на мужа. — Каково-то бѣдной матери!

Наступаетъ молчаніе. Степа громко зѣваетъ и разсматриваетъ на чайницѣ китайца, котораго онъ видѣлъ ужъ тысячу разъ. Обѣ тетеньки и Марковна осторожно хлебають изъ блюдечекъ. Въ воздухѣ тишина и духота отъ печки... На лицахъ и въ движеніяхъ лѣнь, пресыщеніе, когда желудки до верха полны, а ѣсть все-таки нужно. Убираются самоваръ, чашки и скатерть, а семья все сидитъ за столомъ... Пелагея Ивановна то и дѣло вскакиваетъ и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ убѣгаетъ въ кухню, чтобы поговорить тамъ съ кухаркой насчетъ ужина. Обѣ тетеньки сидятъ въ прежнихъ позахъ, неподвижно, сложивъ ручки на груди, и дремлютъ, поглядывая своими оловянными глазами на лампу. Марковна каждую минуту икаетъ и спрашиваетъ:

— Отчего это я икаю? Кажется, и не кушала ничего такого... и словно бы не пила... Игы!

Павель Васильичъ и Степа сидятъ рядомъ, касаясь другъ друга головами, и, нагнувшись къ столу, разсматриваютъ «Ниву» 1878 года.

— «Памятникъ Леонардо-де-Винчи передъ галлереей Виктора Эмануила въ Миланѣ». Ишь ты... Въ родѣ какъ бы триумфальныя ворота... Кавалеръ съ дамой... А тамъ вдали человѣчки...

— Этотъ человѣчекъ похожъ на нашего гимназиста Нискубина, — говоритъ Степа.

— Перелистывай дальше... «Хоботокъ обыкновенной мухи, видимый въ микроскопъ». Вотъ такъ хоботокъ! Ай да муха! Что же, братъ, будетъ, ежели клопа подъ микроскопомъ поглядѣть! Вотъ гадость!

Старинные часы въ залѣ сипло, точно простуженные, не бьютъ, а кашляютъ ровно десять разъ. Въ столовую входитъ кухарка Анна и — бухъ хозяину въ ноги!

— Простите Христа-ради, Павелъ Васильичъ! — говоритъ она, поднимаясь вся красная.

— Прости и ты меня Христа-ради, — отвѣчаетъ Павелъ Васильичъ равнодушно.

Анна тѣмъ же порядкомъ подходитъ къ остальнымъ членамъ семьи, бухаетъ въ ноги и проситъ прощенья. Минуетъ она одну только Марковну, которую, какъ неблагородную, считаетъ недостойной поклоненія.

Проходитъ еще полчаса въ тишинѣ и спокойствіи... «Нива» лежитъ уже на диванѣ, и Павелъ Васильичъ, поднявъ вверхъ палець, читаетъ наизусть латинскіе стихи, которые онъ выучилъ когда-то въ дѣтствѣ. Степа глядитъ на его палець съ обручальнымъ кольцомъ, слушаетъ непонятную рѣчь и дремлетъ; третъ кулаками глаза, а они у него еще больше слипаются.

— Пойду спать... — говоритъ онъ, потягиваясь и зѣвая.

— Что? Спать? — спрашиваетъ Пелагея Ивановна. — А заговляться?

— Я не хочу.

— Да ты въ своемъ умѣ? — пугается мамаша. — Какъ же можно не заговляться? Вѣдь во весь постъ не дадутъ тебѣ скромнаго!

Павелъ Васильичъ тоже пугается.

— Да, да, братъ, — говоритъ онъ. — Семь недѣль мать не дастъ скромнаго. Нельзя, надо заговѣться.

— Ахъ, да мнѣ спать хочется! — капризничаетъ Степа.

— Въ такомъ случаѣ накрывайте скорѣй на столъ! — кричитъ встревоженно Павелъ Васильичъ. — Анна, что ты тамъ, дура, сидишь? Иди поскорѣй накрывай на столъ!

Пелагея Ивановна всплескиваетъ руками и бѣжитъ въ кухню съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ домѣ пожаръ.

— Скорѣй! Скорѣй! — слышится по всему дому. — Степочка спать хочетъ! Аниа! Ахъ Боже мой, что же это такое? Скорѣй!

Черезъ пять минутъ столъ уже накрытъ. Кошки опять, задравъ вверхъ хвосты, выгибая спины и потягиваясь, сходятся въ столовую... Семья начинаетъ ужинать. Ысть никому не хочется, у всѣхъ желудки переполнены, но ѣсть все-таки нужно.

ЖИТЕЙСКАЯ МЕЛОЧЬ.

Николай Ильичъ Бѣляевъ, петербургскій домовладѣлецъ, бывающій часто на скачкахъ, человѣкъ молодой, лѣтъ тридцати двухъ, упитанный, розовый, какъ-то подъ вечеръ зашелъ къ госпожѣ Ирриной, Ольгѣ Ивановнѣ, съ которою онъ жилъ, или, по его выраженію, тянулъ скучный и длинный романъ. И въ самомъ дѣлѣ, первыя страницы этого романа, интересныя и вдохновенныя, давно уже были прочтены; теперь страницы все тянулись и тянулись, не представляя ничего ни новаго, ни интереснаго.

Не заставъ Ольги Ивановны дома, мой герой прилегъ въ гостиной на кушетку и принялся ждать.

— Добрый вечеръ, Николай Ильичъ! — услышалъ онъ дѣтскій голосъ. — Мама сейчасъ придетъ. Она пошла съ Соней къ портнихѣ

Въ той же гостиной на диванѣ лежалъ сынъ Ольги Ивановны Алеша, мальчикъ лѣтъ восьми, стройный, выхоленный, одѣтый по картинкѣ въ бархатную курточку и длинные, черныя чулки. Онъ лежалъ на атласной подушкѣ и очевидно, подражая акробату, котораго недавно видѣлъ въ циркѣ, задиралъ вверхъ то одну ногу, то другую. Когда утомлялись его изящныя ноги, онъ пускалъ въ ходъ руки или же порывисто вскакивалъ и становился на четвереньки, пытаясь стать вверхъ ногами. Все это продѣлывалъ онъ съ самымъ серьезнымъ лицомъ, мученически пыхтя, точно и самъ не радъ былъ, что Богъ далъ ему такое безпкойное тѣло.

— А, здравствуй, мой друг! — сказалъ Бѣляевъ. — Это ты? А я тебя и не замѣтилъ. Мама здорова?

Алеша, взявшійся правой рукой за носокъ лѣвой ноги и принявшій самую неестественную позу, перевернулся, вскочилъ и выглянулъ изъ-за большого, мохнатого абажура на Бѣляева.

— Какъ вамъ сказать? — сказалъ онъ и пожалъ плечами. — Вѣдь мама въ сущности никогда не бываетъ здорова. Она вѣдь женщина, а у женщинъ, Николай Ильичъ, всегда что-нибудь болитъ.

Бѣляевъ отъ нечего-дѣлать сталъ разсматривать лицо Алеша. Раньше онъ во все время, пока былъ знакомъ съ Ольгой Ивановной, ни разу не обратилъ вниманія на мальчика и совершенно не замѣчалъ его существованія: торчитъ передъ глазами мальчикъ, а къ чему онъ тутъ, какую роль играетъ — и думать объ этомъ какъ-то не хочется.

Въ вечернихъ сумеркахъ лицо Алеша съ его блѣднымъ лбомъ и черными, не мигающими глазами неожиданно напомнило Бѣляеву Ольгу Ивановну, какою она была на первыхъ страницахъ романа. И ему захотѣлось приласкать мальчика.

— Поди-ка сюда, клоунъ! — сказалъ онъ. — Дай-ка, я на тебя поближе погляжу.

Мальчикъ прыгнулъ съ дивана и подбѣжалъ къ Бѣляеву.

— Ну? — началъ Николай Ильичъ, кладя руку на его тощее плечо. — Что? Живешь?

— Какъ вамъ сказать? Прежде жилось гораздо лучше.

— Почему?

— Очень просто! Прежде мы съ Соней занимались только музыкой и чтеніемъ, а теперь намъ французскіе стихи задаютъ. А вы недавно стриглись!

— Да, недавно.

— То-то я замѣчаю. У васъ бородка стала короче. Позвольте мнѣ за нее потрогать... Не больно?

— Нѣтъ, не больно.

— Отчего это, когда за одинъ волосокъ тянешь, то больно, а когда тянешь за много волосъ, то ни капельки не больно? Ха, ха! А знаете, вы напрасно бакеновъ не носите. Тутъ вотъ пробрить, а съ боковъ... вотъ тутъ вотъ оставить волосы...

Мальчикъ прижался къ Бляеву и сталъ играть его цѣпочкой.

— Когда я поступлю въ гимназію, — говорилъ онъ:— мама мнѣ купитъ часы. Я ее попрошу, чтобы она мнѣ такую же цѣпочку купила... Ка-кой ме-даль-онъ! У папы точно такой же медальонъ, только у васъ тутъ полосочки. а у него буквы... Въ середкѣ у него портретъ мамы. У чины теперь другая цѣпочка, не кольцами, а лентой..

— Откуда ты знаешь? Развѣ ты выдаешь пану?

— Я? Мм... нѣтъ! Я...

Алеша покрасилъ и въ сильномъ смущеніи, уличенный во лжи, сталъ усердно царапать ногтемъ медальонъ. Бляевъ пристально поглядѣлъ ему въ лицо и спросилъ:

— Выдаешь пану?

— Н...нѣтъ!..

— Нѣтъ, ты откровенно, по совѣсти... По лицу вѣдь вижу, что говоришь неправду. Коли проболтался, такъ нечего ужъ тутъ вилать. Говори, выдаешь? Ну, по-дружески!

Алеша задумался.

— А вы не скажете мамѣ?—спросилъ онъ.

— Ну вотъ еще!

— Честное слово?

— Честное слово.

— Побожитесь!

— Ахъ, несносный какой! За кого ты меня принимаешь!

Алеша оглянулся, сдѣлалъ большіе глаза и зашепталъ:

— Только ради Бога, не говорите мамѣ... Вообще никому не говорите, потому что тутъ секретъ. Не дай Богъ, узнаетъ мама, то достанется и мнѣ, и Сонѣ, и Пелагеѣ... Ну, слушайте. Съ папой я и Соня видимся каждый вторникъ и пятницу. Когда Пелагея водить насъ передъ обѣдомъ гулять, то мы заходимъ въ кондитерскую Апфеля, а тамъ ужъ насъ ждетъ папа... Онъ всегда въ отдѣльной комнаткѣ сидитъ, гдѣ, знаете, этакій мраморный столъ и пепельница въ видѣ гуся безъ спины...

— Что же вы тамъ дѣлаете?

— Ничего! Сначала здороваемся, потомъ всѣ садимся за столикъ, и папа начинаетъ угощать насъ кофеемъ и пирожками. Соня, знаете, ѣстъ пирожки съ мясомъ, а я терпѣть не могу съ мясомъ! Я люблю съ капустой и съ

яйцами. Мы такъ наждаемся, что потомъ за обѣдомъ, чтобы мама не замѣтила, мы стараемся ѣсть какъ можно больше.

— О чемъ же вы тамъ говорите?

— Съ папой? Обо всемъ. Онъ насъ цѣлуетъ, обнимаетъ, рассказываетъ разныя смѣшныя остроты. Знаете, онъ говорить, что когда мы вырастемъ, то онъ возьметъ насъ къ себѣ жить. Соня не хочетъ, а я согласенъ. Конечно, безъ мамы будетъ скучно, но я вѣдь буду ей письма писать! Странное дѣло, можно будетъ даже по праздникамъ къ ней съ визитомъ приходиться—не правда ли? Еще папа говорить, что онъ мнѣ лошадь купитъ. Добрѣйшій человекъ! Я не знаю, зачѣмъ это мама не позоветъ его къ себѣ жить и запрещаетъ намъ видаться съ нимъ. Вѣдь онъ очень любитъ маму. Всегда онъ насъ спрашиваетъ, какъ ея здоровье, что она дѣлаетъ. Когда она была больна, то онъ схватилъ себя за голову вотъ такъ и... и все бѣгаетъ, бѣгаетъ. Все проситъ насъ, чтобы мы слушались ея и почитали. Послушайте, правда, что мы несчастные?

— Гм... Почему же?

— Это папа говорить. Вы, говорить, несчастныя дѣти. Даже слушать его странно. Вы, говорить, несчастные, я несчастный и мама несчастная. Молитесь, говорить, Богу и за себя, и за нее.

Алеша остановилъ свой взглядъ на чучелѣ птицы и задумался.

— Такъ-съ... — промычалъ Бѣляевъ. — Такъ вотъ вы, значить, какъ. Въ кондитерскихъ конгрессы сочиняете. И мама не знаетъ?

— Нѣ-ѣтъ... Откуда же ей знать? Пелагея вѣдь ни за что не скажетъ. А позавчера папа насъ грушами угощалъ. Сладкія, какъ варенье! Я двѣ съѣлъ.

— Гм... Ну, а того... послушай, про меня папа ничего не говорить?

— Про васъ? Какъ вамъ сказать?

Алеша пытливо поглядѣлъ въ лицо Бѣляева и пожалъ плечами.

— Особеннаго ничего не говорить.

— Примѣрно, что говорить?

— А вы не обидитесь?

— Ну, вотъ еще! Развѣ онъ меня бранить?

— Онъ не бранить, но, знаете ли... сердится на васъ. Онъ говоритъ, что черезъ васъ мама несчастна и что вы... погубили маму. Вѣдь онъ какой-то странный! Я ему растолковываю, что вы добрый, никогда не кричите на маму, а онъ только головой качаетъ.

— Такъ-таки и говорить, что я ее погубилъ?

— Да. Вы не обижайтесь, Николай Ильичъ!

Бѣляевъ поднялся, постоялъ и заходилъ по гостиной.

— Это и странно, и... смѣшно! — забормоталъ онъ, пожимая плечами и насмѣшливо улыбаясь. — Самъ кругомъ виноватъ, и я же погубилъ, а? Скажите, какой невинный барашекъ. Такъ-таки онъ тебѣ и говорилъ, что я погубилъ твою мать?

— Да, но... вѣдь вы же сказали, что не будете обижаться!

— Я не обижаюсь и... и не твое дѣло! Нѣтъ, это... это даже смѣшно! Я попалъ, какъ куръ во щи, и я же оказываюсь виноватымъ!

Послышался звонокъ. Мальчикъ рванулся съ мѣста и выбѣжалъ вонъ. Черезъ минуту въ гостиную вошла дама съ маленькой дѣвочкой — это была Ольга Ивановна, мать Алеша. За нею вприпрыжку, громко напѣвая и болтая руками, слѣдовалъ Алеша. Бѣляевъ кивнулъ головой и продолжалъ ходить.

— Конечно, кого же теперь обвинять, какъ не меня? — бормоталъ онъ, фыркая. — Онъ правъ! Онъ оскорбленный мужъ!

— О чемъ ты это? — спросила Ольга Ивановна.

— О чемъ?.. А вотъ послушай-ка, какія штуки проповѣдуетъ твой благовѣрный! Оказывается, что я подлець и злодѣй, я погубилъ и тебя, и дѣтей. Всѣ вы несчастные. и одинъ только я ужасно счастливъ! Ужасно, ужасно счастливъ!

— Я не понимаю, Николай! Что такое?

— А вотъ послушай сего юнаго синьора! — сказалъ Бѣляевъ и указалъ на Алешу.

Алеша покраснѣлъ, потомъ вдругъ поблѣднѣлъ, и все лицо его перекосило отъ испуга.

— Николай Ильичъ! — громко прошепталъ онъ. — Тссс!

Ольга Ивановна удивленно поглядѣла на Алешу, на Бѣляева, потомъ опять на Алешу.

— Спроси-ка! — продолжалъ Бѣляевъ. — Твоя Пелагея, этакая дура набитая, водить ихъ по кондитерскимъ и устраиваетъ тамъ свиданія съ папашенькой. Но не въ этомъ дѣло, дѣло въ томъ, что папашенька страдалецъ, а я злодѣй, я негодяй, разбившій вамъ обоимъ жизнь...

— Николай Ильичъ! — простоналъ Алеша. — Вѣдь вы дали честное слово!

— Э, отстань! — махнулъ рукой Бѣляевъ. — Тутъ поважнѣе всякихъ честныхъ словъ. Меня лицемѣрие возмущаетъ, ложь!

— Не понимаю! — проговорила Ольга Ивановна, и слезы заблестѣли у нея на глазахъ. — Послушай, Лелька, — обратилась она къ сыну: — ты выдаешься съ отцомъ?

Алеша не слышалъ ея и съ ужасомъ глядѣлъ на Бѣляева.

— Не можетъ быть! — сказала мать. — Пойду допрошу Пелагею.

Ольга Ивановна вышла.

— Послушайте, вѣдь вы честное слово дали! — проговорилъ Алеша, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Бѣляевъ махнулъ на него рукой и продолжалъ ходить. Онъ былъ погруженъ въ свою обиду и уже попрежнему не замѣчалъ присутствія мальчика. Ему, большому и серьезному человѣку, было совсѣмъ не до мальчиковъ. А Алеша усѣлся въ уголь и съ ужасомъ рассказывалъ Сонѣ, какъ его обманули. Онъ дрожалъ, заикался, плакалъ; это онъ первый разъ въ жизни лицомъ къ лицу такъ грубо столкнулся съ ложью; ранѣе же онъ не зналъ, что на этомъ свѣтѣ, кромѣ сладкихъ грушъ, пирожковъ и дорогихъ часовъ, существуетъ еще и многое другое, чему нѣтъ названія на дѣтскомъ языкѣ.

МАСКА.

Въ Х—омъ общественномъ клубѣ съ благотворительной цѣлью давали балъ-маскарадъ или, какъ его называли мѣстные барышни, балъ-парей.

Было 12 часовъ ночи. Не танцующіе интеллигенты безъ масокъ — ихъ было пять душъ — сидѣли въ читальнѣ за большимъ столомъ и, уткнувъ носы и бороды въ газеты, читали, дремали и, по выраженію мѣстнаго корреспондента столичныхъ газетъ, очень либеральнаго господина, — «мыслили».

Изъ общей залы доносились звуки кадрили «Вьюшки». Мимо двери, сильно стуча ногами и звеня посудой, то и дѣло пробѣгали лакеи. Въ самой же читальнѣ царила глубокая тишина.

— Здѣсь, кажется, удобнѣе будетъ! — вдругъ послышался низкій, придушенный голосъ, который, какъ казалось, выходилъ изъ пещки. — Валяйте сюда! Сюда, ребята!

Дверь отворилась, и въ читальню вошелъ широкій, приземистый мужчина, одѣтый въ кучерской костюмъ и шляпу съ навалинными перьями, въ маскѣ. За нимъ слѣдомъ вошли двѣ дамы въ маскахъ и лакей съ подносомъ. На подносѣ была пузатая бутылъ съ ликеромъ, бутылки три краснаго и нѣсколько стакановъ.

— Сюда! Здѣсь и прохладнѣе будетъ, — сказалъ мужчина. — Становъ подносъ на столъ... Садитесь, мамзели! Же ву при а ля тримэнтранъ! А вы, господа, подвиньтесь... нечего тутъ!

Мужчина покачнулся и смахнулъ рукой со стола нѣсколько журналовъ.

— Становь сюда! А вы, господа читатели, подвиньтесь; некогда тутъ съ газетами да съ политикой... Бросайте!

— Я просилъ бы васъ потише, — сказалъ одинъ изъ интеллигентовъ, поглядѣвъ на маску черезъ очки. — Здѣсь читальня, а не буфетъ... Здѣсь не мѣсто пить.

— Почему не мѣсто? Нешто столъ качается, или потолокъ обвалиться можетъ? Чудно! Но... некогда разговаривать! Бросайте газеты... Почитали малость и будетъ съ васъ; и такъ ужъ умны очень, да и глаза попортишь, а главнѣе всего—я не желаю, и все тутъ.

Лакей поставилъ подносъ на столъ и, перекинувъ салфетку черезъ локоть, сталъ у двери. Дамы тотчасъ же принялись за красное.

— И какъ это есть такіе умные люди, что для нихъ газеты лучше этихъ напитковъ, — началъ мужчина съ навлиными перьями, наливая себѣ ликеру. — А по моему мнѣнію, вы, господа почтенные, любите газеты оттого, что вамъ вышить не на что. Такъ ли я говорю? Ха-ха!.. Читаютъ! Ну, а о чемъ тамъ написано? Господинъ въ очкахъ! Про какіе факты вы читаете? Ха-ха! Ну, да брось! Будетъ тебѣ кочевряжиться! Вышей лучше!

Мужчина съ навлиными перьями приподнялся и вырвалъ газету изъ рукъ у господина въ очкахъ. Тотъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и съ удивленіемъ поглядѣлъ на прочихъ интеллигентовъ, тѣ—на него.

— Вы забываетесь, милостивый государь! — вспыхнулъ онъ. — Вы обращаете читальню въ кабакъ, вы позволяете себѣ безчинствовать, вырывать изъ рукъ газеты! Я не позволю! Вы не знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло, милостивый государь! Я директоръ банка Жестяковъ!..

— А плевать мнѣ, что ты—Жестяковъ! А газетъ твоей вотъ какая честь...

Мужчина поднялъ газету и изорвалъ ее въ клочки.

— Господа, что же это такое? — пробормоталъ Жестяковъ, обомлѣвъ.—Это странно, это... это даже сверхъестественно...

— Они разсердившись, — засмѣялся мужчина. — Фу-ты, ну-ты, испугался! Даже поджилки трясутся. Вотъ что, господа почтенные! Шутки въ сторону, разговаривать съ

вами мнѣ не охотно... Потому, какъ я желаю остаться тутъ съ мамзелями одинъ, и желаю себѣ тутъ удовольствіе доставить, то прошу не претикословить и выйти... Пожалуйста-съ! Господинъ Белебухинъ, выходи къ свиньямъ собачьимъ! Что рыло наморщишь? Говорю выходи, стало-быть, и выходи! Живо у меня, а то гляди, не ровень часть, какъ бы въ шею не влетѣло!

— То-есть, какъ же это?—спросилъ казначей сиротскаго суда Белебухинъ, краснѣя и пожимая плечами. — Я даже не понимаю... Какой-то нахаль врывается сюда и... вдругъ этакія вещи!

— Какое это такое слово нахаль? — крикнулъ мужчина съ павлиньими перьями, разсердившись, и стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что на подносѣ запрыгали стаканы. — Кому ты говоришь? Ты думаешь, какъ я въ маскѣ, такъ ты можешь мнѣ разные слова говорить? Перець ты этакій! Выходи, коли говорю! Директоръ банка, проваливай по добру по здорову! Всѣ уходите, чтобъ ни одной шельмы тутъ не оставалось! Ай-да, къ свиньямъ собачьимъ!

— А вотъ мы сейчасъ увидимъ! — сказала Жестяковъ, у котораго даже очки вспотѣли отъ волненія. — Я покажу вамъ! Эй, позови-ка сюда дежурнаго старшину!

Черезъ минуту вошелъ маленькій рыженькій старшина съ голубой ленточкой на лацканѣ, запыхавшійся отъ танцевъ.

— Прошу васъ выйти!—началъ онъ.—Здѣсь не мѣсто пить! Пожалуйста въ буфетъ!

— Ты откуда это выскочилъ? — спросилъ мужчина въ маскѣ.—Нешто я тебя звалъ?

— Прошу не тыкать, а извольте выйти!

— Вотъ что, милый человекъ: даю тебѣ минуту сроку... Потому, какъ ты старшина и главное лицо, то вотъ выведи этихъ артистовъ подъ ручки. Мамзелямъ моимъ не идравится, ежели здѣсь есть кто посторонній... Онѣ стѣсняются, а я за свои деньги желаю, чтобы онѣ были въ натуральномъ видѣ.

— Очевидно, этотъ самодуръ не понимаетъ, что онъ не въ хлѣву!—крикнулъ Жестяковъ.—Позвать сюда Евстрата Спиридоныча!

— Евстратъ Спиридонычъ! — понеслось по клубу. — Гдѣ Евстратъ Спиридонычъ?

Евстратъ Спиридонычъ, старикъ въ полицейскомъ мундирѣ, не замедлилъ явиться.

— Прошу васъ выйти отсюда! — прохрипѣлъ онъ, выпучивая свои страшные глаза и шевеля нафабранными усами.

— А вѣдь испугалъ! — проговорилъ мужчина и захохоталъ отъ удовольствія.—Кй-ей, испугалъ! Бываютъ же такія страсти, побей меня Богъ! Усы какъ у кота, глаза вытаращиль... Хе-хе-хе!

— Прошу не разсуждать! — крикнулъ изо всей силы Евстратъ Спиридонычъ и задрожалъ.—Выйди вонъ! Я прикажу тебя вывести!

Въ читальнѣ поднялся невообразимый шумъ. Евстратъ Спиридонычъ, красный, какъ ракъ, кричалъ, стуча ногами! Жестяковъ кричалъ. Белебухинъ кричалъ. Кричали всѣ интеллигенты, но голоса всѣхъ ихъ покрывалъ низкій, густой, придушенный басъ мужчины въ маскѣ. Танцы, благодаря всеобщей сумятицѣ, прекратились, и публика повалила изъ залы къ читальнѣ.

Евстратъ Спиридонычъ для внушительности позвалъ всѣхъ полицейскихъ, бывшихъ въ клубѣ, и сѣлъ писать протоколъ.

— Пиши, пиши, — говорила маска, тыча пальцемъ ему подъ перо.—Теперь что же со мной, съ бѣднымъ, будетъ? Бѣдная моя головушка! За что же губите вы меня, сиротинушку? Ха-ха! Ну, что жъ? Готовъ протоколъ? Всѣ расписавшись? Ну, теперь глядите!., Разъ... два... три!..

Мужчина поднялся, вытянулся во весь ростъ и сорвалъ съ себя маску. Открывъ свое пьяное лицо и поглядѣвъ на всѣхъ, любуясь произведеннымъ эффектомъ, онъ упалъ въ кресло и радостно захохоталъ. А впечатлѣнне, дѣйствительно, произвелъ онъ необыкновенное. Всѣ интеллигенты растерянно переглянулись и поблѣднѣли, нѣкоторые почесали затылки. Евстратъ Спиридонычъ крикнулъ, какъ человѣкъ, сдѣлавшій нечаянно большую глупость.

Въ буянѣ всѣ узнали мѣстнаго милліонера, фабриканта, потомственного почетнаго гражданина Пятигорова, извѣстнаго своими скандалами, благотворительностью и, какъ не разъ говорилось въ мѣстномъ вѣстникѣ,—любовью къ просвѣщенію.

— Что жъ, уйдете, или нѣтъ? — спросилъ Пятигоровъ послѣ минутнаго молчанія.

Интеллигенты, молча, не говоря ни слова, вышли на цыпочкахъ изъ читальни, и Пятигоровъ заперъ за ними двери.

— Ты же вѣдь зналъ, что это Пятигоровъ! — хрипѣлъ черезъ минуту Евстратъ Спиридонычъ вполголоса, тряся за плечо лакея, вносившаго въ читальню вино. — Отчего ты молчалъ?

— Не велѣли сказывать-сь!

— Не велѣли сказывать... Какъ засажу я тебя, анабому, на мѣсяцъ, такъ тогда будешь знать «не велѣли сказывать». Вонъ!!.. А вы-то хороши, господа, — обратился онъ къ интеллигентамъ. — Бунтъ подняли! Не могли выйти изъ читальни на десять минутокъ! Вотъ теперь и расхлебывайте кашу. Эхъ, господа, господа... Не люблю, ей-Богу!

Интеллигенты заходили по клубу унылые, потерянные, виноватые, шепчась и точно предчувствуя что-то не доброе... Жены и дочери ихъ, узнавъ, что Пятигоровъ «обиженъ» и сердится, притихли и стали расходиться по домамъ. Танцы прекратились.

Въ два часа изъ читальни вышелъ Пятигоровъ; онъ былъ пьянъ и пошатывался. Войдя въ залу, онъ сѣлъ около оркестра и задремалъ подъ музыку, потомъ печально склонилъ голову и захрапѣлъ.

— Не играйте! — замахали старшины музыкантамъ. — Тсс!.. Егоръ Нилычъ спитъ...

— Не прикажете ли васъ домой проводить, Егоръ Нилычъ? — спросилъ Белебухинъ, нагнувшись къ уху миліонера.

Пятигоровъ сдѣлалъ губами такъ, точно хотѣлъ сдунуть со щеки муху.

— Не прикажете ли васъ домой проводить, — повторилъ Белебухинъ: — или сказать, чтобъ экипажикъ подали?

— А? Ково? Ты... чево тебѣ?

— Проводить домой-сь... Баиньки пора...

— До-домой желаю... Прроводи!

Белебухинъ просіялъ отъ удовольствія и началъ поднимать Пятигорова. Къ нему подскочили другіе интеллигенты и, пріятно улыбаясь, подняли потомственнаго почетнаго гражданина и осторожно повели къ экипажу.

— Вѣдь этакъ одурачить цѣлую компанію можетъ только артистъ, талантъ,—весело говорил Жестяковъ, подсаживая его.—Я буквально пораженъ, Егоръ Нилычъ! До сихъ поръ хохочу... Ха-ха... А мы-то кипятимся, хлопчемъ! Ха-ха! Вѣрите? и въ театрахъ никогда такъ не смѣялся... Бездна комизма! Всю жизнь буду помнить этотъ незапамятный вечеръ!

Проводивъ Пятигорова, интеллигенты повеселѣли и успокоились!

— Миѣ руку подаль на прощанье,—проговорилъ Жестяковъ, очень довольный.—Значить, ничего, не сердится...

— Дай-то Богъ! — вздохнулъ Евстратъ Спиридонычъ.— Негодяй, подлый чловѣкъ, но вѣдь—благодѣтель!.. Нельзя!..

ПЕРЕПОЛОХЪ.

Машенька Павлецкая, молоденькая, едва только кончившая курсъ институтка, вернувшись съ прогулки въ домъ Кушкиныхъ, гдѣ она жила въ гувернанткахъ, застала необыкновенный переполохъ. Отворявшій ей швейцаръ Михайло былъ взволнованъ и красенъ, какъ ракъ.

Сверху доносился шумъ.

«Вѣроятно, съ хозяйкой припадокъ...—подумала Машенька:—или съ мужемъ поссорилась»...

Въ передней и въ коридорѣ встрѣтила она горничныхъ. Одна горничная плакала. Затѣмъ Машенька видѣла, какъ изъ дверей ея комнаты выбѣжалъ самъ хозяинъ Николай Сергѣичъ, маленькій, еще не старый человекъ съ обрюзгшимъ лицомъ и съ большой плѣшью. Онъ былъ красенъ. Его передергивало... Не замѣчая гувернантки, онъ прошелъ мимо нея и, поднимая вверхъ руки, воскликнулъ:

— О, какъ это ужасно! Какъ безтактно! Какъ глупо, дико! Мерзко!

Машенька вошла въ свою комнату, и тутъ ей въ первый разъ въ жизни пришлось испытать во всей остротѣ чувство, которое такъ знакомо людямъ зависимымъ, безотвѣтнымъ, живущимъ на хлѣбахъ у богатыхъ и знатныхъ. Въ ея комнатѣ дѣлали обыскъ. Хозяйка Федосья Васильевна, полная, плечистая дама съ густыми черными бровями, простоволосая и угловатая, съ едва замѣтными усиками и съ красными руками, лицомъ и манерами похожая на простую бабю-кухарку, стояла у ея стола и вкладывала обратно въ рабочую сумку клубки шерсти,

доскутки, бумажки... Очевидно, появленіе гувернантки было для нея неожиданно, такъ какъ, оглянувшись и увидѣвъ ея блѣдное, удивленное лицо, она слегка смутилась и пробормотала:

— Pardon, я... я нечаянно рассыпала... зацѣпила рукавомъ...

И сказавъ еще что-то, мадамъ Кушкина зашуршала шлейфомъ и вышла. Машенька обвела удивленными глазами свою комнату и, ничего не понимая, не зная, что думать, пожала плечами, похолодѣла отъ страха... Что Федосья Васильевна искала въ ея сумкѣ? Если дѣйствительно, какъ она говоритъ, она нечаянно зацѣпила рукавомъ и рассыпала, то зачѣмъ же выскочилъ изъ комнаты такой красный и взволнованный Николай Сергѣичъ? Зачѣмъ у стола слегка выдвинуть одинъ ящикъ? Копилка, въ которую гувернантка прятала гривенники и старыя марки, была отперта. Ее отперли, но запереть не сумѣли, хотя и испарাপали весь замокъ. Этажерка съ книгами, поверхность стола, постель — все носило на себѣ свѣжіе слѣды обыска. И въ корзины съ бѣльемъ тоже. Бѣлье было сложено аккуратно, но не въ томъ порядкѣ, въ какомъ оставила его Машенька, уходя изъ дому. Обыскъ, значить, былъ настоящий, самый настоящий, но къ чему онъ, зачѣмъ? Что случилось? Машенька вспомнила волненіе швейцара, переполохъ, который все еще продолжался, заплаканную горничную; не имѣло ли все это связи съ только-что бывшимъ у нея обыскомъ? Не замѣшана ли она въ какомъ-нибудь страшномъ дѣлѣ? Машенька поблѣднѣла и вся холодная опустилась на корзину съ бѣльемъ.

Въ комнату вошла горничная.

— Лиза, вы не знаете, зачѣмъ это меня... обыскивали?—спросила у нея гувернантка.

— У барыни пропала брошка въ двѣ тысячи...—сказала Лиза.

— Да, но зачѣмъ же меня обыскивать?

— Всѣхъ, барышня, обыскивали. И меня всю обыскали... Насъ раздѣли всѣхъ до-гола и обыскивали... А я, барышня, вотъ какъ передъ Богомъ... Не то, чтобъ ихнюю брошку, но даже къ туалету близко не подходила. Я и въ полиція то же скажу.

— Но... зачѣмъ же меня обыскивать?—продолжала недоумѣвать гувернантка.

— Брошку. говорю, украли... Барыня сама своими руками все обшарила. Даже швейцара Михайлу сами обыскивали. Чистый срам! Николай Сергѣичъ только глядитъ да кудахчетъ, какъ курица. А вы, барышня, напрасно это дрожите. У васъ ничего не нашли! Ежели не вы брошку взяли, такъ вамъ и бояться нечего.

— Но вѣдь это, Лиза, низко... оскорбительно! — сказала Машенька, задыхаясь отъ негодованія.— Вѣдь это подлость, низость! Какое она имѣла право подозрѣвать меня и рыться въ моихъ вещахъ?

— Въ чужихъ людяхъ живете, барышня, — вздохнула Лиза. — Хоть вы и барышня, а все же... какъ бы прислуга... Это не то, что у папани съ мамашей жить...

Машенька повалилась въ постель и горько зарыдала. Никогда еще надъ нею не совершали такого насилія, никогда еще ее такъ глубоко не оскорбляли, какъ теперь... Ее, благовоспитанную, чувствительную дѣвицу, дочь учителя, заподозрили въ воровствѣ, обыскали, какъ уличную женщину! Выше такого оскорбленія, кажется, и придумать нельзя. И къ этому чувству обиды присоединился еще тяжелый страхъ: что теперь будетъ? Въ голову ея полѣзли всякія несообразности. Если ее могли заподозрить въ воровствѣ, то, значитъ, могутъ теперь арестовать, раздѣть до гола и обыскать, потомъ вести подъ конвоемъ по улицѣ, засадить въ темную, холодную камеру съ мышами и мокрицами, точь-въ-точь въ такую, въ какой сидѣла княжна Тараканова. Кто вступится за нее? Родители ея живутъ далеко въ провинціи; чтобы пріѣхать къ ней, у нихъ нѣтъ денегъ. Въ столицѣ она одна, какъ въ пустынномъ полѣ, безъ родныхъ и знакомыхъ. Что хотятъ, то и могутъ съ ней сдѣлать.

«Побѣгу ко всѣмъ судьямъ и защитникамъ... — думала Машенька, дрожа. — Я объясню имъ, присягну... Они повѣрятъ, что я не могу быть воровкой!»

Машенька вспомнила, что у нея въ корзинѣ подъ простынями лежатъ сладости, которыя она, по старой институтской привычкѣ, прятала за обѣдомъ въ карманъ и уносила къ себѣ въ комнату. Отъ мысли, что эта ея маленькая тайна уже извѣстна хозяевамъ, ее бросило въ жаръ, стало стыдно, и отъ всего этого — отъ страха, стыда, отъ обиды

началось сильное сердцебиение, которое отдавало въ виски, въ руки, глубоко въ животъ.

— Пожалуйте кушать! — позвали Машеньку.

«Идти или нѣтъ?»

Машенька поправила прическу, утерлась мокрымъ полотенцемъ и пошла въ столовую. Тамъ уже начали обѣдать... За однимъ концомъ стола сидѣла Федосья Васильевна, важная, съ тушымъ, серьезнымъ лицомъ, за другимъ—Николай Сергѣичъ. По сторонамъ сидѣли гости и дѣти. Обѣдать подавали два лакея во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Всѣ знали, что въ домѣ переполохъ, что хозяйка въ горѣ, и молчали. Слышны были только жеванье и стукъ ложекъ о тарелки.

Разговоръ начала сама хозяйка.

— Что у насъ къ третьему блюду? — спросила она у лакея томнымъ, страдальческимъ голосомъ.

— Эстуржонъ аля руссъ! — отвѣтилъ лакей.

— Это, Феня, я заказалъ...—поторопился сказать Николай Сергѣичъ. — Рыбы захотѣлось. Если тебѣ не нравится, то снѣге, то пусть не подаютъ. Я вѣдь это такъ... между прочимъ...

Федосья Васильевна не любила кушаний, которыя заказывала не она сама, и теперь глаза у нея наполнились слезами.

— Ну, перестанемъ волноваться,—сказалъ сладкимъ голосомъ Мамиковъ, ея домашній докторъ, слегка касаясь ея руки и улыбаясь также сладко. — Мы и безъ того достаточно нервы. Забудемъ о бооши! Здоровье дороже двухъ тысячъ!

— Мнѣ не жалко двухъ тысячъ! — отвѣтила хозяйка, и крупная слеза потекла по ея щекѣ. — Меня возмущаетъ самый фактъ! Я не потерплю въ своемъ домѣ воровъ. Мнѣ не жаль, мнѣ ничего не жаль, но красть у меня — это такая неблагодарность! Такъ платять мнѣ за мою доброту...

Всѣ глядѣли въ свои тарелки, но Машенькѣ показалось, что послѣ словъ хозяйки на нее всѣ взглянули. Комокъ вдругъ подступилъ къ горлу, она заплакала и прижала платокъ къ лицу.

— Pardon, — пробормотала она. — Я не могу. Голова болить. Уйду.

И она встала изъ-за стола, неловко гремя стуломъ и еще больше смущаясь, и быстро вышла.

— Богъ знаетъ что! — проговорилъ Николай Сергѣичъ, морщась. — Нужно было дѣлать у нея обыскъ! Какъ это, право... некстати.

— Я не говорю, что она взяла брошку, — сказала Федосья Васильевна: — но развѣ ты можешь поручиться за нее? Я, признаюсь, плохо вѣрю этимъ ученымъ бѣднячкамъ

— Право, Феня, некстати... Извини, Феня, но по закону ты не имѣешь никакого права дѣлать обыски.

— Я не знаю вашихъ законовъ. Я только знаю, что у меня пропала брошка, вотъ и все. И я найду эту брошку!—она ударила по тарелкѣ вилокъ, и глаза у нея гнѣвно сверкнули. — А вы ѣшьте и не вмѣшивайтесь въ мои дѣла!

Николай Сергѣевичъ кротко опустилъ глаза и вздохнулъ. Машенька между тѣмъ, придя къ себѣ въ комнату, повалилась въ постель. Ей уже не было ни страшно, ни стыдно, а мучило ее сильное желаніе пойти и отхлопать по щекамъ эту черствую, эту надменную, тупую, счастливую женщину.

Лежа, она дышала въ подушку и мечтала о томъ, какъ бы хорошо было пойти теперь купить самую дорогую брошь и бросить ея въ лицо этой самодуркѣ. Если бы Богъ далъ, Федосья Васильевна разорилась, пошла бы по міру и поняла бы весь ужасъ нищеты и подневольнаго состоянія и если бы оскорбленная Машенька подала ей милостыню. О, если бы получить большое наслѣдство, купить коляску и прокатить съ шумомъ мимо ея оконъ, чтобы она позавидовала!

Но все это мечты, въ дѣйствительности же оставалось только одно — поскорѣе уйти, не оставаться здѣсь ни одного часа. Правда, страшно потерять мѣсто, опять ѣхать къ родителямъ, у которыхъ ничего нѣтъ, но что же дѣлать? Машенька не могла видѣть уже ни хозяйки, ни своей маленькой комнаты, ей было здѣсь душно, жутко. Федосья Васильевна, помѣшанная на болѣзняхъ и на своемъ мнимомъ аристократизмѣ, опротивѣла ей до того, что, кажется, все на свѣтѣ стало грубо и неприглядно оттого, что жи-

веть эта женщина. Машенька прыгнула съ кровати и стала укладываться.

— Можно войти? — спросилъ за дверью Николай Сергѣичъ; онъ подошелъ къ двери неслышно и говорилъ тихимъ мягкимъ голосомъ. — Можно?

— Войдите.

Онъ вошелъ и остановился у двери. Глаза его глядѣли тускло и красный носикъ его лоснился. Послѣ обѣда онъ пилъ пиво, и это было замѣтно по его походкѣ, по слабому, вялому рукаму.

— Это что же? — спросилъ онъ, указывая на корзину.

— Укладываюсь. Простите, Николай Сергѣичъ, но я не могу долѣе оставаться въ вашемъ домѣ. Меня глубоко оскорбилъ этотъ обыскъ!

— Я понимаю... Только вы это напрасно... Зачѣмъ? Обыскали, а вы того... что вамъ отъ этого? Васъ не убудетъ отъ этого.

Машенька молчала и продолжала укладываться. Николай Сергѣичъ пощипалъ свои усы, какъ бы придумывая, что сказать еще, и продолжалъ заискивающимъ голосомъ:

— Я, конечно, понимаю, но надо быть снисходительней. Знаете, моя жена нервная, взбалмошная, нельзя судить строго...

Машенька молчала.

— Если ужъ вы такъ оскорблены, — продолжалъ Николай Сергѣичъ: — то извольте, я готовъ извиниться передъ вами. Извините.

Машенька ничего не отвѣтила, а только ниже нагнулась къ своему чемодану. Этотъ испитой, нерѣшительный чловѣкъ ровно ничего не значилъ въ домѣ. Онъ игралъ жалкую роль приживала и лишняго чловѣка даже у прислуги; и извиненіе его тоже ничего не значило.

— Гм... Молчите? Вамъ мало этого? Въ такомъ случаѣ я за жену извиняюсь. Отъ имени жены... Она поступила не тактично, я признаю, какъ дворяницъ...

Николай Сергѣичъ прошелся, вздохнулъ и продолжалъ:

— Вамъ надо еще, значить, чтобъ у меня ковыряло вотъ тутъ, подъ сердцемъ... Вамъ надо, чтобы меня совѣсть мучила...

— Я знаю, Николай Сергѣичъ, вы не виноваты, — сказала Машенька, глядя ему прямо въ лицо своими боль-

шими, заплаканными глазами. — Зачѣмъ же вамъ мучиться?

— Конечно... Но вы все-таки того... не уѣзжайте... Прошу васъ.

Машенька отрицательно покачала головой. Николай Сергѣичъ остановился у окна и забарабанилъ по стеклу.

— Для меня подобныя недоразумѣнія — это чистая пытка, — проговорилъ онъ. — Что же мнѣ на колѣни передъ вами становиться, что ли? Вашу гордость оскорбили, и вотъ вы плакали, собираетесь уѣхать, но вѣдь и у меня тоже есть гордость, а вы ея не щадите. Или хотите, чтобъ я сказалъ вамъ то, чего и на исповѣди не скажу? Хотите? Послушайте, вы хотите, чтобы я признался въ томъ, въ чемъ даже предъ смертью на духу не признаюсь?

Машенька молчала.

— Я взялъ у жены брошку! — быстро сказалъ Николай Сергѣичъ. — Довольны теперь? Удовлетворены? Да, я... взялъ... Только, конечно, я надѣюсь на вашу скромность... Ради Бога, никому ни слова, ни полъ-намека!

Машенька, удивленная и испуганная, продолжала укладываться; она хватала свои вещи, мяла ихъ и беспорядочно совала въ чемоданъ и корзину. Теперь, послѣ откровеннаго признанія, сдѣланнаго Николаемъ Сергѣичемъ, она не могла оставаться ни одной минуты и уже не понимала, какъ она могла жить раньше въ этомъ домѣ.

— И удивляться нечего... — продолжалъ Николай Сергѣичъ, помолчавъ немного. — Обыкновенная исторія! Мнѣ деньги нужны, а она... не даетъ. Вѣдь этотъ домъ и все это мой отецъ наживалъ, Марья Андреевна! Все вѣдь это мое, и брошка принадлежала моей матери, и... все мое! А она забрала, завладѣла всѣмъ... Не судиться же мнѣ съ ней, согласитесь... Прошу васъ, убѣдительно, извините и... и останьтесь. *Tout comprendre, tout pardonner.* Остаетесь?

— Нѣтъ! — сказала Машенька рѣшительно, начиная дрожать. — Оставьте меня, умоляю васъ.

— Ну, Богъ съ вами, — вздохнулъ Николай Сергѣичъ, садясь на скамеечку около чемодана. — Я, признаться, люблю тѣхъ, кто еще умѣетъ оскорбляться, презирать и прочее. Вѣкъ бы сидѣлъ и на ваше негодующее лицо глядѣлъ... Такъ, стало-быть, не остаетесь? Я понимаю... Иначе и быть не должно... Да, конечно... Вамъ-то хорошо, а вотъ мнѣ

такъ—тиррр!.. Ни на шагъ изъ этого погреба. Поѣхать бы въ какое-нибудь наше имѣніе, да тамъ вездѣ сидятъ эти женины прохвосты... управляющіе, агрономы, чортъ бы ихъ взялъ. Закладываютъ, перезакладываютъ... Рыбы не ловить, травы не топтать, деревьевъ не ломать.

— Николай Сергѣичъ! — слышался изъ залы голосъ Федосьи Васильевны. — Агнія, позови барина!

— Такъ не остаётся? — спросилъ Николай Сергѣичъ, быстро поднимаясь и идя къ двери. — А то бы остались, ей Богу. Вечеркомъ я заходилъ бы къ вамъ... толковали бы. А? Оставайтесь! Уйдете вы, и во всемъ домѣ не останется ни одного человѣческаго лица. Вѣдь это ужасно!

Блѣдное, испитое лицо Николая Сергѣича умоляло, но Машенька отрицательно покачала головой, и онъ, махнувъ рукой, вышелъ.

Черезъ полчаса она была уже въ дорогѣ.

ШУТОЧКА.

Ясный, зимній полдень... Морозъ крѣпокъ, трещить, и у Наденьки, которая держитъ меня подъ руку, покрываются серебрянымъ инеемъ кудри на вискахъ и пушокъ надъ верхней губой. Мы стоимъ на высокой горѣ. Отъ нашихъ ногъ до самой земли тянется покатая плоскость, въ которую солнце глядится, какъ въ зеркало. Возлѣ насъ маленькія санки, обитыя ярко-краснымъ сукномъ.

— Съѣдемте внизъ, Надежда Петровна! — умоляю я. — Одинъ только разъ! Увѣрю васъ, мы останемся цѣлы и невредимы.

Но Наденька боится. Все пространство отъ ея маленькихъ калошъ до конца ледяной горы кажется ей страшной, неизмѣримо глубокой пропастью. У нея замираетъ духъ и прерывается дыханіе, когда она глядитъ внизъ, когда я только предлагаю сѣсть въ санки, но что же будетъ, если она рискнетъ полетѣть въ пропасть! Она умретъ, сойдетъ съ ума.

— Умоляю васъ! — говорю я. — Не надо бояться! Поймите же, это малодушіе, трусость!

Наденька наконецъ уступаетъ, и я по лицу вижу, что она уступаетъ съ опасностью для жизни. Я сажаю ее блѣдную, дрожащую въ санки, обхватываю рукой и вмѣстѣ съ нею низвергаюсь въ бездну.

Санки летятъ, какъ пуля. Разсѣкаемый воздухъ бьетъ въ лицо, реветъ, свиститъ въ ушахъ, рветъ, больно щиплетъ отъ злости, хочетъ сорвать съ плечъ голову. Отъ напора вѣтра нѣтъ силъ дышать. Кажется, самъ дьяволъ

обхватилъ насъ лапами и съ ревомъ тащить въ адъ. Окружающіе предметы сливаются въ одну длинную, стремительно бѣгущую полосу... Вотъ-вотъ еще мгновение и кажется,—мы погибнемъ!

— Я люблю васъ, Надя!—говорю я вполголоса.

Санки начинаютъ бѣжать все тише и тише, ревъ вѣтра и жужжанье полозьевъ не такъ уже страшны, дыханіе перестаетъ замирать, и мы, наконецъ, внизу. Наденька ни жива, ни мертва. Она блѣдна, едва дышитъ... Я помогаю ей подняться.

— Ни за что въ другой разъ не поѣду,—говоритъ она, глядя на меня широкими, полными ужаса глазами. — Ни за что на свѣтѣ! Я едва не умерла!

Немного погодя, она приходитъ въ себя и уже вопросительно заглядываетъ мнѣ въ глаза: я ли сказалъ тѣ четыре слова, или же они только послышались ей въ шумѣ вихря? А я стою возлѣ нея, курю и внимательно разсматриваю свою перчатку.

Она беретъ меня подъ руку, и мы долго гуляемъ около горы. Загадка, видимо, не даетъ ей покою. Были сказаны тѣ слова, или нѣтъ? Да, или нѣтъ? Да, или нѣтъ? Это вопросъ самолюбія, чести, жизни, счастья, вопросъ очень важный, самый важный на свѣтѣ. Наденька нетерпѣливо, грустно, пронизающимъ взоромъ заглядываетъ мнѣ въ лицо, отвѣчаетъ невпопадъ, ждетъ, не заговорю ли я. О, какая игра на этомъ миломъ лицѣ, какая игра! Я вижу, она борется съ собой, ей нужно что-то сказать, о чемъ-то спросить, но она не находитъ словъ, ей неловко, страшно, мѣшаетъ радость...

— Знаете что?—говоритъ она, не глядя на меня.

— Что?—спрашиваю я.

— Давайте еще разъ... прокатимъ.

Мы взбираемся по лѣстницѣ на гору. Опять я сажаю блѣдную, дрожащую Наденьку въ санки, опять мы летимъ въ страшную пропасть, опять реветъ вѣтеръ и жужжатъ полозья, и опять при самомъ сильномъ и шумномъ разлетѣ санокъ я говорю вполголоса:

— Я люблю васъ, Наденька!

Когда санки останавливаются, Наденька окидываетъ взглядомъ гору, по которой мы только-что катили, потомъ долго всматривается въ мое лицо, вслушивается въ мой

голосъ, равнодушный и безстрастный, и вся, вся, даже муфта и бантыкъ ея, вся ея фигурка—выражаютъ крайнее недоумѣніе. И на лицѣ у нея написано:

— Въ чемъ же дѣло? Кто произнесъ *тѣ* слова? Онъ, или мнѣ только послышалось?

Эта неизвѣстность беспокоитъ ее, выводитъ изъ терпѣнія. Бѣдная дѣвочка не отвѣчаетъ на вопросы, хмурится, готова заплакать.

— Не пойти ли намъ домой?—спрашиваю я.

— А мнѣ... мнѣ нравится это катанье, — говоритъ она, краснѣя.— Не проѣхаться ли намъ еще разъ?

Ей «нравится» это катанье, а между тѣмъ, садясь въ санки, она, какъ и въ тѣ разы, блѣдна, еле дышитъ отъ страха, дрожитъ.

Мы спускаемся въ третій разъ, и я вижу, какъ она смотритъ мнѣ въ лицо, слѣдитъ за моими губами. Но я прикладываю къ губамъ платокъ, кашляю и, когда достигаемъ середины горы, успѣваю вымолвить:

— Я люблю васъ, Надя!

И загадка остается загадкой! Наденька молчитъ, о чемъ-то думаетъ... Я провожаю ее съ катка домой, она старается идти тише, замедляетъ шаги и все ждетъ, не скажу ли я ей тѣхъ словъ. И я вижу, какъ страдаетъ ея душа, какъ она дѣлаетъ усилія надъ собой, чтобы не сказать:

— Не можетъ же быть, чтобы ихъ говорилъ вѣтеръ! И я не хочу, чтобы это говорилъ вѣтеръ!

На другой день утромъ я получаю записочку: «Если пойдете сегодня на катокъ, то заходите за мной. Н.» И съ этого дня я съ Наденькой начинаю каждый день ходить на катокъ и, слетая внизъ на санкахъ, я всякій разъ произношу вполголоса одни и тѣ же слова:

— Я люблю васъ, Надя!

Скоро Наденька привыкаетъ къ этой фразѣ, какъ къ вину или морфию. Она жить безъ нея не можетъ. Правда, летѣть съ горы попрежнему страшно, но теперь уже страхъ и опасность придаютъ особое очарованіе словамъ о любви, словамъ, которыя попрежнему составляютъ загадку и томить душу. Подозрѣваются все тѣ же двое: я и вѣтеръ... Кто изъ двухъ признается ей въ любви, она не знаетъ, но ей, повидимому, уже все равно; изъ какого сосуда ни пить—все равно, лишь бы быть пьянымъ.

Какъ-то въ полдень я отправился на катокъ одинъ; смѣшавшись съ толпой, я вижу, какъ къ горѣ подходит Наденька, какъ ищетъ глазами меня... Затѣмъ она робко идетъ вверхъ по лѣсенкѣ... Страшно ѣхать одной, о, какъ страшно! Она блѣдна, какъ снѣгъ, дрожитъ, она идетъ точно на казнь, но идетъ, идетъ безъ оглядки, рѣшительно. Она, очевидно, рѣшила наконецъ попробовать: будутъ ли слышны тѣ изумительныя сладкія слова, когда меня нѣтъ? Я вижу, какъ она, блѣдная, съ раскрытымъ отъ ужаса ртомъ, садится въ санки, закрываетъ глаза и, простившись навѣки съ землей, трогается съ мѣста... «Жжжж»... жужжать полозя. Слышитъ ли Наденька тѣ слова, я не знаю... Я вижу только, какъ она поднимается изъ саней изнеможенная, слабая. И видно по ея лицу, она и сама не знаетъ, слышала она что-нибудь или нѣтъ. Страхъ, пока она катилась внизъ, отнялъ у нея способность слышать, различать звуки, понимать...

Но вотъ наступаетъ весенній мѣсяцъ мартъ... Солнце становится ласковѣе. Наша ледяная гора темнѣетъ, теряетъ свой блескъ и таетъ наконецъ. Мы перестаемъ кататься. Бѣдной Наденькѣ больше ужъ негдѣ слышать тѣхъ словъ, да и некому произносить ихъ, такъ какъ вѣтра не слышно, а я собираюсь въ Петербургъ—надолго, должно-быть, навсегда.

Какъ-то передъ отъѣздомъ, дня за два, въ сумерки сижу я въ садикѣ, а отъ двора, въ которомъ живетъ Наденька, садикъ этотъ отдѣленъ высокимъ заборомъ съ гвоздями... Еще достаточно холодно, подъ навозомъ еще снѣгъ, деревья мертвы, но уже пахнетъ весной и, укладываясь на ночлегъ, шумно кричатъ грачи. Я подхожу къ забору и долго смотрю въ щель. Я вижу, какъ Наденька выходитъ на крылечко и устремляетъ печальный, тоскующій взоръ на небо... Весенній вѣтеръ дуетъ ей прямо въ блѣдное, унылое лицо... Онъ напоминаетъ ей о томъ вѣтрѣ, который ревѣлъ намъ тогда на горѣ, когда она слышала тѣ четыре слова, и лицо у нея становится грустнымъ, грустнымъ, по щекамъ ползетъ слеза... И бѣдная дѣвочка протягиваетъ обѣ руки, какъ бы прося этотъ вѣтеръ принести ей еще разъ тѣ слова. И я, дождавшись вѣтра, говорю вполголоса:

— Я люблю васъ, Надя!

Боже мой, что дѣлается съ Наденькой! Она вскрикиваетъ,

улыбаются во все лицо и протягивают навстрѣчу вѣтру руки, радостная, счастливая, такая красивая.

А я иду укладываться...

Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужемъ; ее выдали, или она сама вышла—это все равно, за секретаря дворянской опеки, и теперь у нея уже трое дѣтей. То, какъ мы вмѣстѣ когда-то ходили на катокъ и какъ вѣтеръ доносилъ до нея слова «я васъ люблю, Наденька», не забыто; для нея теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминаніе въ жизни...

А мнѣ теперь, когда я сталъ старше, уже не понятно, зачѣмъ я говорилъ тѣ слова, **для** чего шутилъ...

ПИСАТЕЛЬ.

Въ комнатѣ, прилегающей къ чайному магазину купца Ершакова, за высокой конторкой сидѣлъ самъ Ершаковъ, человекъ молодой, по модѣ одѣтый, но помятый и видимо пожившій на своемъ вѣку бурно. Судя по его размашистому почерку съ завитушками, капую и тонкому сигарному запаху, онъ былъ не чуждъ европейской цивилизаціи. Но отъ него еще больше повѣяло культурой, когда изъ магазина вошелъ мальчикъ и доложилъ:

— Писатель пришелъ!

— А!.. Зови его сюда. Да скажи ему, чтобъ калоши свои въ магазинѣ оставилъ.

Черезъ минуту въ комнатку тихо вошелъ сѣдой, плѣшивый старикъ въ рыжемъ, потертомъ пальто, съ краснымъ, помороженнымъ лицомъ и съ выраженіемъ слабости и неувѣренности, какое обыкновенно бываетъ у людей, хотя и мало, но постоянно пьющихъ.

— А, мое почтеніе...—сказалъ Ершаковъ, не оглядываясь на вошедшаго.—Что хорошенькаго, господинъ Гейнимъ?

Ершаковъ смѣшивалъ слова «геній» и «Гейне», и они сливались у него въ одно—«Гейнимъ», какъ онъ и называлъ всегда старика.

— Да вотъ-съ, заказикъ принесъ,—отвѣтилъ Гейнимъ.— Уже готово-съ...

— Такъ скоро?

— Въ три дня, Захаръ Семенычъ, не то что рекламу, романъ сочинить можно. Для рекламы и часа довольно.

— Только-то? А торгуешься всегда, словно годовую работу берешь. Ну, показывайте, что вы сочинили?

Гейнимъ вынулъ изъ кармана нѣсколько помятыхъ, исписанныхъ карандашомъ бумажекъ и подошелъ къ конторкѣ.

— У меня еще вчернѣ-съ, въ общихъ чертахъ-съ... — сказалъ онъ. — Я вамъ прочту-съ, а вы вникайте и указывайте въ случаѣ, ежели ошибку найдете. Ошибиться не мудрено, Захаръ Семенычъ... Вѣрите ли? Треть магазинамъ сразу рекламу сочинялъ... Это и у Шекспира бы голова закружилась.

Гейнимъ надѣлъ очки, поднялъ брови и началъ читать печальнымъ голосомъ и точно декламируя:

— «Сезонъ 1885—86 г. Поставщикъ китайскихъ чаевъ во всѣ города Европейской и Азіатской Россіи и за границу, З. С. Ершаковъ. Фирма существуетъ съ 1804 года». Все это вступленіе, понимаете, будетъ въ орнаментахъ, между гербами. Я одному купцу рекламу сочинялъ, такъ тотъ взялъ для объявленія гербы разныхъ городовъ. Такъ и вы можете сдѣлать, и я для васъ придумалъ такой орнаментъ, Захаръ Семенычъ: левъ, а у него въ зубахъ лира. Теперь дальше: «Два слова къ нашимъ покупателямъ. Милостивые государи! Ни политическія событія послѣдняго времени, ни холодный индифферентизмъ, все болѣе и болѣе проникающій во всѣ слои нашего общес-ва, ни обмелѣніе Волги, на которое еще такъ недавно указывала лучшая часть нашей прессы, — ничто не смущаетъ насъ. Долголѣтнее существованіе нашей фирмы и симпатіи, которыми мы успѣли заручиться, даютъ намъ возможность прочно держаться почвы и не измѣнять разъ навсегда заведенной системѣ, какъ въ сношеніяхъ нашихъ съ владѣльцами чайныхъ плантацій, такъ равно и въ добросовѣстномъ исполненіи заказовъ. Нашъ девизъ достаточно извѣстенъ. Выражается онъ въ немногихъ, но многозначительныхъ словахъ: добросовѣстность, дешевизна и скорость!»

— Хорошо! Очень хорошо! — перебилъ Ершаковъ, двигаясь на стулѣ. — Даже не ожидалъ, что такъ сочините. Ловко! Только вотъ что, милый другъ... нужно тутъ какъ-нибудь тѣнь навести, затуманить, какъ-нибудь этакъ, знаешь, фокусъ устроить... Публикуемъ мы тутъ, что фирма только-что получила партію свѣжихъ первосборныхъ весеннихъ чаевъ сезона 1885 года... Такъ? А нужно кромѣ того по-

казать, что эти только-что полученные чаи лежат у насъ въ складѣ уже три года, но тѣмъ не менѣе будто изъ Китая мы ихъ получили только на прошлой недѣлѣ.

— Понимаю-съ... Публика и не замѣтитъ противорѣчія. Въ началѣ объявленія мы напишемъ, что чаи только-что получены, а въ концѣ мы такъ скажемъ: «Имѣя большой запасъ чая съ оплатой прежней пошлины, мы безъ ущерба собственнымъ интересамъ можемъ продавать ихъ по прейсъ-куранту прошлыхъ лѣтъ»... и т. д. Ну-съ, на другой страницѣ будетъ прейсъ-курантъ. Тутъ опять пойдутъ гербы и орнаменты... Подъ ними крупнымъ шрифтомъ: «Прейсъ-курантъ отборнымъ ароматическимъ, фучанскимъ, кяхтинскимъ и байховымъ чаямъ перваго весенняго сбора, полученнымъ изъ вновь прибрѣтенныхъ плантацій»... Дальше-съ: «Обращаемъ вниманіе истинныхъ любителей на лянсинные чаи, изъ коихъ самую большую и заслуженною любовью пользуется «Китайская эмблема или зависть конкурентовъ» 3 р. 50 к. Изъ розанистыхъ чаевъ мы особенно рекомендуемъ «Богдыханская Роза» 2 р. и «Глаза Китайки» 1 р. 80 к. За цѣнами пойдетъ итито-томъ о развѣскѣ и пересылкѣ чая. Тутъ же о скидкѣ и насчетъ премій: «Большинство нашихъ конкурентовъ, желая завлечь къ себѣ покупателей, закидываетъ удочку въ видѣ премій. Мы съ своей стороны протестуемъ противъ этого возмутительнаго приѣма и предлагаемъ нашимъ покупателямъ не въ видѣ премии, а безплатно всѣ приманки, какими угощаютъ конкуренты своихъ жертвъ. Всякій, купившій у насъ не менѣе чѣмъ на 50 р., выбираетъ и получаетъ безплатно одну изъ слѣдующихъ пяти вещей: чайникъ изъ британскаго металла, сто визитныхъ карточекъ, планъ города Москвы, чайницу въ видѣ нагой китайки и книгу «Женихъ удивленъ или невѣста подъ корытомъ», рассказъ Игриваго Весельчака».

Кончивъ чтеніе и сдѣлавъ кое-какія поправки, Гейнимъ быстро переписалъ рекламу на-чисто и вручилъ ее Ершакову. Послѣ этого наступило молчаніе... Оба почувствовали себя неловко, какъ будто совершили какую-то пакость.

— Деньги за работу сейчасъ прикажете получить, или послѣ?—спросилъ Гейнимъ нерѣшительно.

— Когда хотите, хоть сейчасъ... — небрежно отвѣтилъ

Ершаковъ. — Ступай въ магазинъ и бери чего хочешь на пять съ полтиной.

— Мнѣ бы деньгами, Захаръ Семенычъ.

— У меня нѣтъ моды деньгами платить. Всѣмъ плачу чаемъ да сахаромъ: и вамъ, и пѣвчимъ, гдѣ я старостой, и дворникамъ. Меньше пьянства.

— Развѣ. Захаръ Семенычъ, мою работу можно равнять съ дворниками да съ пѣвчими? У меня умственный трудъ.

— Какой трудъ! Съѣлъ, написалъ и все тутъ. Писанья не съѣшь, не выпьешь... плевое дѣло! И рубля не стоитъ.

— Гм... Какъ вы насчетъ писанья разсуждаете...—обидѣлся Гейнимъ. — Не съѣшь, не выпьешь. Того не понимаете, что я, можетъ, когда сочинялъ эту рекламу, душой страдалъ. Пишешь и чувствуешь, что всю Россію въ обманъ вводишь. Дайте денегъ, Захаръ Семенычъ!

— Надоѣлъ, братъ. Не хорошо такъ приставать.

— Ну, ладно. Такъ я сахарнымъ пескомъ возьму. Ваши же молодцы у меня его назадъ возьмутъ по восьми копеекъ за фунтъ. Потеряю на этой операціи копеекъ сорокъ, ну, да что дѣлать! Будьте здоровы-съ!

Гейнимъ повернулся, чтобы выйти, но остановился въ дверяхъ, вздохнулъ и сказалъ мрачно:

— Россію обманываю! Всю Россію! Отечество обманываю изъ-за куска хлѣба! Эхъ!

И вышелъ. Ершаковъ закурилъ гаванку, и въ его комнатѣ еще сильнѣе залахло культурнымъ человѣкомъ.

НА СТРАСТНОЙ НЕДѢЛѢ.

— Иди, уже звонять. Да смотри, не шали въ церкви, а то Богъ накажетъ.

Мать суетъ мнѣ на расходы нѣсколько мѣдныхъ монетъ и тотчасъ же, забывъ про меня, бѣжитъ съ остывшимъ утюгомъ въ кухню. Я отлично знаю, что послѣ исповѣди мнѣ не дадутъ ни ѣсть, ни пить, а потому, прежде чѣмъ выйти изъ дому, насильно сѣдаю краюху бѣлаго хлѣба, выпиваю два стакана воды. На улицѣ совсѣмъ весна. Мостовыя покрыты бурнымъ мѣсивомъ, на которомъ уже начинаютъ обозначаться будущія тропинки; крыши и тротуары сухи; подъ заборами сквозь гнилую прошлогоднюю траву пробивается нѣжная, молодая зелень. Въ канавахъ, весело журча и пѣнясь, бѣжитъ грязная вода, въ которой не брезгаютъ купаться солнечные лучи. Щепочки, соломинки, скорлупа подсолнуховъ быстро несутся по водѣ, кружатся и цѣпляются за грязную пѣну. Куда, куда плывутъ эти щепочки? Очень возможно, что изъ канавы попадутъ онѣ въ рѣку, изъ рѣки въ море, изъ моря въ океанъ... Я хочу вообразить себѣ этотъ дивный, страшный путь, но моя фантазія обрывается, не дойдя до моря.

Проѣзжаетъ извозчикъ. Онъ чмокаетъ, дергаетъ вожжи и не видитъ, что на задкѣ его пролетки повисли два уличныхъ мальчика. Я хочу присоединиться къ нимъ, но вспоминаю про исповѣдь, и мальчишки начинаютъ казаться мнѣ величайшими грѣшниками.

«На страшномъ судѣ ихъ спросятъ: зачѣмъ вы шалили и обманывали бѣднаго извозчика?—думаю я.—Они начнутъ

оправдываться, но нечистые духи схватятъ ихъ и потащатъ въ огонь вѣчный. Но если они будутъ слушаться родителей и подавать нищимъ по копейкѣ, или бублику, то Богъ сжалятся надъ ними и пустить ихъ въ рай».

Церковная паперть суха и залита солнечнымъ свѣтомъ. На ней ни души. Нерѣшительно я открываю дверь и вхожу въ церковь. Тутъ, въ сумеркахъ, которыя кажутся мнѣ густыми и мрачными, какъ никогда, мною овладѣваетъ сознание грѣховности и ничтожества. Прежде всего бросаются въ глаза большое распятіе и по сторонамъ его Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ. Паникадила и ставники одѣты въ черные, траурные чехлы, лампадки мерцаютъ тускло и робко, солнце какъ-будто умышленно минуешь церковныя окна. Богородица и любимый ученикъ Иисуса Христа, изображенные въ профиль, молча глядятъ на невыносимыя страданія и не замѣчаютъ моего присутствія; я чувствую, что для нихъ я чужой, лишній, незамѣтный, что не могу помочь имъ ни словомъ, ни дѣломъ, что я отвратительный, безчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всѣхъ людей, какихъ только я знаю, и всѣ они представляются мнѣ мелкими, глупыми, злыми и неспособными хотя бы на одну каплю уменьшить то страшное горе, которое я теперь вижу; церковныя сумерки дѣлаются гуще и мрачнѣе, и Божія Матерь съ Іоанномъ Богословомъ кажутся мнѣ одинокими.

За свѣчнымъ шкапомъ стоитъ Прокофій Игнатичъ, старый отставной солдатъ, помощникъ церковнаго старосты. Поднявъ брови и поглаживая бороду, онъ объясняетъ полупотомъ какой-то старухѣ:

— Утреня будетъ сегодня съ вечера, сейчасъ же послѣ вечерни. А завтра къ часамъ ударятъ въ восьмомъ часу. Попяла? Въ восьмомъ.

А между двухъ широкихъ колоннъ направо, тамъ, гдѣ начинается придѣлъ Варвары Великомученицы, возлѣ ширмы, ожидая очереди, стоятъ исповѣдники... Тутъ же и Митька, оборванный, некрасиво остриженный мальчикъ съ оттопыренными ушами и маленькими, очень злыми глазами. Это сынъ вдовы поденицы Настасьи, забіяка, разбойникъ, хватающій съ лотковъ у торговокъ яблоки и не разъ отнимавшій у меня бабки. Онъ сердито оглядываетъ меня и, мнѣ кажется, злорадствуетъ, что не я, а онъ первый пойдетъ за

ширму. Во мнѣ закипаетъ злоба, я стараюсь не глядѣть на него и въ глубинѣ души досажую на то, что этому мальчишкѣ простятся сейчасъ грѣхи.

Впереди него стоитъ роскошно одѣтая, красивая дама въ шляпкѣ съ бѣлымъ перомъ. Она замѣтно волнуется, напряженно ждетъ, и одна щека у нея отъ волненія лихорадочно зарумянилась.

Жду я пять минутъ, десять... Изъ-за ширмъ выходитъ прилично одѣтый молодой человекъ съ длинной, тощей шеей и въ высокихъ резиновыхъ калошахъ; начинаю мечтать о томъ, какъ я вырасту большой, и какъ куплю себѣ такія же калоши, непременно куплю! Дама вздрагиваетъ и идетъ за ширмы. Ея очередь.

Въ щелку между двумя половинками ширмы видно, какъ дама подходитъ къ аналою и дѣлаетъ земной поклонъ, затѣмъ поднимается и, не глядя на священника, въ ожиданіи поникаетъ головой. Священникъ стоитъ спиной къ ширмамъ, а потому я вижу только его сѣдые, кудрявые волосы, цѣпочку отъ наперснаго креста и широкую спину. А лица не видно. Вздохнувъ и не глядя на даму, онъ начинаетъ говорить быстро, покачивая головой, то возвышая, то понижая свой шопотъ. Дама слушаетъ покорно, какъ виноватая, коротко отвѣчаетъ и глядитъ въ землю.

«Чѣмъ она грѣшна?—думаю я, благоговѣнно посматривая на ея кроткое, красивое лицо. — Боже, прости ей грѣхи! Пошли ей счастье!»

Но вотъ священникъ покрываетъ ея голову эпитрахилью.

— И азъ недостойный іерей...—слышится его голосъ...—властію Его мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ...

Дама дѣлаетъ земной поклонъ, цѣлуетъ крестъ и идетъ назадъ. Уже обѣ щеки ея румяны, но лицо спокойно, ясно, весело.

«Она теперь счастлива,—думаю я, глядя то на нее, то на священника, простившаго ей грѣхи.—Но какъ долженъ быть счастливъ человекъ, которому дано право прощать».

Теперь очередь Митьки, но во мнѣ вдругъ вскипаетъ чувство ненависти къ этому разбойнику, я хочу пройти за ширму раньше его, я хочу быть первымъ... Замѣтивъ мое движеніе, онъ бьетъ меня свѣчкой по головѣ, я отвѣчаю ему тѣмъ же, и полминуты слышится шыхтѣнье и такіе звуки,

какъ-будто кто-то ломаетъ свѣчи... Насъ разнимаютъ. Мой врагъ робко подходитъ къ аналою, не сгибая колѣнъ, кланяется въ землю, но, что дальше, я не вижу; отъ мысли, что сейчасъ послѣ Митьки будетъ моя очередь, въ глазахъ у меня начинаютъ мѣшаться и расплываться предметы; оттопыренные уши Митьки растутъ и сливаются съ темнымъ затылкомъ, священникъ колеблется, полъ кажется вознистымъ...

Раздается голосъ священника:

— И азъ недостойный іерей...

Теперь ужъ и я двигаюсь за ширмы. Подъ ногами ничего не чувствую, точно иду по воздуху... Подхожу къ аналою, который выше меня. На мгновение у меня въ глазахъ мелькаетъ равнодушное, утомленное лицо священника, но дальше я вижу только его рукавъ съ голубой подкладкой, крестъ и край аналая. Я чувствую близкое сосѣдство священника, запахъ его рясы, слышу строгій голосъ, и моя щека, обращенная къ нему, начинаетъ горѣть... Многого отъ волненія я не слышу, но на вопросы отвѣчаю искренно, не своимъ, какимъ-то страннымъ голосомъ, вспоминаю одинокихъ Богородицу и Іоанна Богослова, распятіе, свою мать, и мнѣ хочется плакать, просить прощенія.

— Тебя какъ зовутъ?—спрашиваетъ священникъ, покрывая мою голову мягкой эпитрахилью.

Какъ теперь легко, какъ радостно на душѣ!

Грѣховъ уже нѣтъ, я святъ, я имѣю право идти въ рай! Мнѣ кажется, что отъ меня уже пахнетъ такъ же, какъ отъ рясы, я иду изъ-за ширмъ къ дьякону записываться и нюхаю свои рукава. Церковныя сумерки уже не кажутся мнѣ мрачными, и на Митьку я гляжу равнодушно, безъ злобы.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ дьяконь.

— Федя.

— А по отчеству?

— Не знаю.

— Какъ зовутъ твоего папашу?

— Иванъ Петровичъ.

— Фамилія?

Я молчу.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Девятый годъ.

Придя домой, я, чтобы не видать, какъ ужинаютъ, по-

скорѣ ложусь въ постель и, закрывши глаза, мечтаю о томъ, какъ хорошо было бы претерпѣть мученія отъ какого-нибудь Ирода или Діоскора, жить въ пустынѣ и, подобно старцу Серафиму, кормить медвѣдей, жить въ келіи и питаться одной просфорой, раздать имущество бѣднымъ, идти въ Кіевъ. Мнѣ слышно, какъ въ столовой накрываютъ на столъ—это собираются ужинать; будутъ ѣсть винигреть, пирожки съ капустой и жаренаго судака. Какъ мнѣ хочется ѣсть! Я согласенъ терпѣть всякія мученія, жить въ пустынѣ безъ матери, кормить медвѣдей изъ собственныхъ рукъ, но только сначала съѣсть бы хоть одинъ пирожокъ съ капустой!

— Боже очисти меня грѣшнаго,—молюсь я, укрываясь съ головой.—Ангель хранитель, защити меня съ нечистаго духа.

На другой день, въ четвергъ, я просыпаюсь съ душой ясной и чистой, какъ хорошій весенній день. Въ церковь я иду весело, смѣло, чувствуя, что я причастникъ, что на мнѣ роскошная и дорогая рубаха, сшитая изъ шелковаго платья, оставшагося послѣ бабушки. Въ церкви все дышитъ радостью, счастьемъ и весной; лица Богородицы и Іоанна Богослова не такъ печальны, какъ вчера, лица причастниковъ озарены надеждой, и кажется, все прошлое предано забвенію, все прощено. Митька тоже причесанъ и одѣтъ по-праздничному. Я весело гляжу на его оттопыренные уши и, чтобы показать, что я противъ него ничего не имѣю, говорю ему:

— Ты сегодня красивый, и если бы у тебя не торчали такъ волосы, и если бы ты не былъ такъ бѣдно одѣтъ, то всё бы подумали, что твоя мать не прачка, а благородная. Приходи ко мнѣ на Пасху, будемъ въ бабки играть.

Митька недоувѣрчиво глядитъ на меня и грозитъ мнѣ подъ полый кулакомъ.

А вчерашняя дама кажется мнѣ прекрасной. На ней свѣтло-голубое платье и большая, сверкающая бронь въ видѣ подковы. Я люблюсь ею и думаю, что когда я вырасту большой, то непременно женюсь на такой женщинѣ, но вспомнивъ, что жениться—стыдно, я перестаю объ этомъ думать и иду на клиросъ, гдѣ дьячокъ уже читаетъ часы.

PERPETUUM MOBILE.

Судебный слѣдователь Гришуткинъ, старикъ, начавшій службу еще въ до-реформенное время, и докторъ Свистицкій, меланхолическій господинъ, ѣхали на вскрытіе. Ыхали они осенью по проселочной дорогѣ. Темнота была страшная, лиль неистовый дождь.

— Въдь этакая подлость,—ворчалъ слѣдователь.— Не те что цивилизаціи и гуманности, даже климата порядочнаго нѣтъ. Страна, нечего сказать! Европа тоже, подумаешь... Дождь-то, дожди! Словно нанялся, подлець! Да вези ты, анаема, поскорѣй, если не хочешь, чтобы я тебѣ, подлецу этакому, негодюю, всѣ зубы выбилъ!—крикнулъ онъ работнику, сидѣвшему на козлахъ.

— Странно, Агей Алексѣичъ!—говорилъ докторъ, вздыхая и кутаясь въ мокрую шубу.— Я даже не замѣчаю этой погоды. Меня гнететъ какое-то странное, тяжелое предчувствіе. Вотъ-вотъ, кажется мнѣ, стряется надо мной какое-то несчастіе. А я вѣрю въ предчувствія п... жду. Все можетъ случиться. Трупное зараженіе... смерть любимаго существа...

— Хотя при Мишкѣ-то постыдитесь говорить о предчувствіяхъ, баба вы этакая. Хуже того, что есть, не можетъ быть. Этакій дождь—чего хуже? Знаете что, Тимоѣей Васильчъ? Я болѣе не въ состояніи такъ ѣхать. Хотя убейте, а не могу. Нужно остановиться гдѣ-нибудь переночевать... Кто тутъ близко живетъ?

— Яванъ Яванычъ Ежовъ,—сказалъ Мишка.— Сейчас за лѣсомъ, только мостикъ переѣхать.

— Ежовъ? Валяй къ Ежову! Кстати, давно ужъ не былъ у этого стараго грѣшника.

Проѣхали лѣсъ и мостикъ, повернули налѣво, потомъ направо и въѣхали въ большой дворъ предсѣдателя мирового сѣзда, отставнаго генераль-маіора Ежова.

— Дома!—сказалъ Гришуткинъ, вылѣзая изъ тарантаса и глядя на окна дома, которыя свѣтились. — Это хорошо, что дома. И напьемся, и наѣдимся, и выспимся... Хоть и дрянной человѣчишка, но гостепріимень, надо отдать справедливость.

Въ передней встрѣтилъ ихъ самъ Ежовъ, маленькій, сморщенный старикъ, съ лицомъ, собравшимся въ колючій комокъ.

— Очень кстати, очень кстати, господа... — заговорилъ онъ. — А мы только-что сѣли ужинать и буженину ѣдимъ, тридцать три моментально. А у меня, знаете, товарищъ прокурора сидитъ. Спасибо ему, ангелу, заѣхалъ за мной. Завтра съ нимъ на сѣздъ ѣхать. У насъ завтра сѣздъ... тридцать три моментально...

Гришуткинъ и Свистицкій вошли въ залъ. Тамъ стоялъ большой столъ, уставленный закусками и винами. За однимъ приборомъ сидѣла дочь хозяина Надежда Ивановна, молодая брюнетка, въ глубокомъ траурѣ по недавно умершемъ мужѣ; за другимъ, рядомъ съ ней, товарищъ прокурора Тюльпанскій, молодой человѣкъ съ бачками и множествомъ синихъ жилокъ на лицѣ.

— Знакомы? — говорилъ Ежовъ, тыча во всѣхъ пальцами.—Это вотъ прокуроръ, это—дочь моя...

Брюнетка улыбнулась и, прищуривъ глаза, подала ново-прибывшимъ руку.

— Итакъ... съ дорожки, господа!—сказалъ Ежовъ, наливая три рюмки. — Дерзайте, людие Божіи! И я выпью за компанію, тридцать три моментально. Ну-съ, будемте здоровы...

Выпили. Гришуткинъ закусилъ огурчикомъ и принялся за буженину. Докторъ выпилъ и вздохнулъ. Тюльпанскій закурилъ сигару, попросивъ предварительно у дамы позволенія, причемъ оскалилъ зубы такъ, что показалось, будто у него во рту по крайней мѣрѣ сто зубовъ.

— Ну, что жъ, господа? Рюмки-то вѣдь не ждуть! А? Прокуроры! Докторъ! За медицину! Люблю медицину. Вообще люблю молодежь, тридцать три моментально. Что бы

тамъ ни говорили, а молодежь всегда будетъ идти впереди. Ну-съ, будемте здоровы.

Разговорились. Говорили всѣ, кромѣ прокурора Тюльпанскаго, который сидѣлъ, молчалъ и пускалъ черезъ ноздри табачный дымъ. Было очевидно, что онъ считалъ себя аристократомъ и презиралъ доктора и слѣдователя. Послѣ ужина Ежовъ, Гришуткинъ и товарищъ прокурора сѣли играть въ винтъ съ болваномъ. Докторъ и Надежда Ивановна сѣли около рояля и разговорились.

— Вы на вскрытіе ѣдете? — начала хорошенькая вдовушка.—Вскрывать мертвеца? Ахъ! Какую надо имѣть силу воли, какой желѣзный характеръ, чтобы, не морщась, не мигнувъ глазомъ, заносить ножъ и вонзать его по рукоятку въ тѣло бездыханнаго человѣка. Я, знаете ли, благоговѣю передъ докторами. Это особенные люди, святые люди. Докторъ, отчего вы такъ печальны?—спросила она.

— Предчувствіе какое-то... Меня гнететъ какое-то странное, тяжелое предчувствіе. Точно ждетъ меня потеря любимаго существа.

— А вы, докторъ, женаты? У васъ есть близкіе?

— Ни души. Я одинокъ и не имѣю даже знакомыхъ. Скажите, сударыня, вы вѣрите въ предчувствія?

— О, я вѣрю въ предчувствія.

И въ то время, какъ докторъ и вдовушка толковали о предчувствіяхъ, Ежовъ и слѣдователь Гришуткинъ то и дѣло вставали изъ-за картъ и подходили къ столу съ закуской. Въ два часа ночи проигравшійся Ежовъ вдругъ вспомнилъ о завтрашнемъ сѣздѣ и хлопнулъ себя по лбу.

— Батюшки! Что же мы дѣлаемъ?! Ахъ, мы незаконники, беззаконники! Завтра чуть-свѣтъ на сѣздѣ ѣхать, а мы играемъ! Спать, спать, тридцать три моментально! Надька, маршь спать! Объявляю засѣданіе закрытымъ.

— Счастливы вы, докторъ, что можете спать въ такую ночь! — сказала Надежда Ивановна, прощаясь съ докторомъ.—Я не могу спать, когда дождь барабанитъ въ окна и когда стонуть мои бѣдныя сосны. Пойду сейчасъ и буду скучать за книгой. Я не въ состояніи спать. Вообще, если въ коридорчикѣ на окнѣ противъ моей двери горитъ лампочка, то это значить, что я не сплю и меня сѣждаетъ скука...

Докторъ и Гришуткинъ въ отведенной для нихъ комнатѣ

нашли двѣ громадныя постели, посланныя на полу изъ перинъ. Докторъ раздѣлся, легъ и укрылся съ головой. Слѣдователь раздѣлся и легъ, но долго ворочался, потомъ всталъ и заходилъ изъ угла въ уголъ. Это былъ безпокойнѣйшій человѣкъ.

— Я все про барыньку думаю, про вдовушку,—сказаль онъ. — Этакая роскошь! Жизнь бы отдалъ! Глаза, плечи, ножки въ лиловыхъ чулочкахъ... огонь баба! Баба—ой-ой! Это сейчасъ видно! И этакая красота принадлежит чортъ знаетъ кому—правовѣду, прокурору! Этому жилистому дуралею, похожему на англичанина! Не выношу, братъ, этихъ правовѣдовъ! Когда ты съ ней о предчувствіяхъ говорилъ, онъ лопался отъ ревности! Что говорить, шикарная женщина! Замѣчательно шикарная! Чудо природы!

— Да, почтенная особа, —сказаль докторъ, высовывая голову изъ-подъ одѣяла.—Особа впечатлительная, нервная, отзывчивая, такая чуткая. Мы вотъ съ вами сейчасъ уснемъ, а она, бѣдная, не можетъ спать. Ея нервы не выносятъ такой бурной ночи. Она сказала мнѣ, что всю ночь напролетъ будетъ скучать и читать книжку. Бѣдняжка! Навѣрное, у ней теперь горитъ лампочка...

— Какая лампочка?

— Она сказала, что если около ея двери на огнѣ горитъ лампочка, то это значить, что она не спитъ.

— Она тебѣ это сказала? Тебѣ?

— Да, мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ я тебя не понимаю! Вѣдь, ежели она это тебѣ сказала, то значить, ты счастливѣйшій изъ смертныхъ! Молодецъ, докторъ! Молодчина! Хвалю, другъ! Хоть и завидую, но хвалю! Не такъ, братъ, за тебя радъ, какъ за правовѣда, за этого рыжаго каналью! Радъ, что ты ему рога наставишь! Ну, одѣвайся! Маршъ!

Гришуткинъ, когда бывалъ пьянъ, всѣмъ говорилъ «ты».

— Выдумываете вы, Агей Алексѣичъ! Богъ знаетъ что, право...—застѣнчиво отвѣчалъ докторъ.

— Ну, ну... не разговаривай, докторъ! Одѣвайся и валиай... Какъ, бишь, это поется въ «Жизни за Царя»? И на пути любви денекъ срываемъ мы, какъ бы цвѣтокъ... Одѣвайся, душа моя. Да ну же! Тимоша! Докторъ! Да ну же, скотина!

— Извините, я васъ не понимаю.

— Да что же тутъ не понимать! Астрономія тутъ, что ли? Одѣвайся и иди къ лампочкѣ, вотъ и все понятіе.

— Странно, что вы такого нелестнаго мнѣнія объ этой особѣ и обо мнѣ.

— Да брось ты философствовать!—разсердился Гришуткинъ.—Неужели ты можешь еще колебаться? Въдь это цинизмъ!

Онъ долго убѣждалъ доктора, сердился, умолялъ, даже становился на колѣни и кончилъ тѣмъ, что громко выбранился, плюнулъ и повалился въ постель. Но черезъ четверть часа вдругъ вскочилъ и разбудилъ доктора.

— Послушайте! Вы рѣшительно отказываетесь идти къ ней?—спросилъ онъ строго.

— Ахъ... зачѣмъ я пойду? Какой вы безпокойный человекъ, Агей Алексѣичъ! Съ вами ѣздить на вскрытіе — это ужасно!

— Ну, такъ чортъ васъ возьми, я пойду къ ней! Я... я не хуже какого-нибудь правовѣда, или бабы-доктора. Пойду!

Онъ быстро одѣлся и пошелъ къ двери.

Докторъ вопросительно поглядѣлъ на него, какъ бы не понимая, потомъ вскочилъ.

— Вы, полагаю, это шутите?—спросилъ онъ, загоразивая Гришуткину дорогу.

— Некогда мнѣ съ тобой разговаривать... Пусти!

— Нѣтъ, я не пущу васъ, Агей Алексѣичъ. Ложитесь спать... Вы пьяны!

— По какому это праву ты, эскулапъ, меня не пустишь?

— По праву человека, который обязанъ зацитить благородную женщину. Агей Алексѣичъ, опомнитесь, что вы хотите дѣлать! Вы старикъ! Вамъ шестьдесятъ семь лѣтъ!

— Я старикъ?—обидѣлся Гришуткинъ.—Какой это негодяй сказалъ тебѣ, что я старикъ?

— Вы, Агей Алексѣичъ, выпивши и возбуждены. Не хорошо! Не забывайте, что вы человекъ, а не животное! Животному прилично подчиняться инстинкту, а вы царь природы, Агей Алексѣичъ!

Царь природы побагровѣлъ и сунулъ руки въ карманы!

— Послѣдній разъ спрашиваю: пустишь ты меня, или

нѣтъ? — крикнулъ онъ вдругъ пронзительнымъ голосомъ, точно кричалъ въ полѣ на ямщика.—Каналья!

Но тотчасъ же онъ самъ испугался своего голоса и отошелъ отъ двери къ окну. Онъ хотя былъ и пьянъ, но ему стало стыдно этого своего пронзительнаго крика, который вѣроятно разбудилъ всѣхъ въ домѣ. Послѣ нѣкотораго молчанія къ нему подошелъ докторъ и тронулъ его за плечо. Глаза доктора были влажны, щеки пылали.

— Агей Алексѣичъ! — сказала онъ дрожащимъ голосомъ.—Послѣ рѣзкихъ словъ, послѣ того, какъ вы, забывъ всякое приличіе, обозвали меня канальей, согласитесь, намъ уже нельзя оставаться подъ одной крышей. Я вами страшно оскорбленъ... Допустимъ, что я виноватъ, но... въ чемъ я, въ сущности, виноватъ? Дама честная, благородная, и вдругъ вы позволяете себѣ подобныя выраженія. Извините, мы болѣе не товарищи.

— И отлично! Не надо мнѣ такихъ товарищей.

— Я уѣзжаю сію минуту, больше оставаться я съ вами не могу, и... надѣюсь, мы больше не встрѣтимся.

— Вы уѣдете на чемъ-съ?

— На своихъ лошадахъ.

— А я на чемъ же уѣду? Вы что же это! До конца хотите подличать? Вы меня привезли на вашихъ лошадахъ, на вашихъ же обязаны и увезти.

— Я васъ доведу, если угодно. Только сейчасъ... Я сейчасъ ѣду. Я такъ взволнованъ, что больше не могу здѣсь оставаться.

Затѣмъ Гришуткинъ и Свистицкій молча одѣлись и вышли на дворъ. Разбудили Мишку, потомъ сѣли въ тарантасъ и поѣхали...

— Циникъ...—бормоталъ всю дорогу слѣдователь.—Если не умѣешь обращаться съ порядочными женщинами, то сиди дома, не бывай въ домахъ, гдѣ женщины.

Себя ли это бранилъ онъ, или доктора, трудно было понять. Когда тарантасъ остановился около его квартиры, онъ спрыгнулъ и, скрываясь за воротами, проговорилъ:

— Не желаю быть знакомымъ!

Прошло три дня. Докторъ, окончивъ свою визитацію, лежалъ у себя на диванѣ и отъ нечего-дѣлать читалъ въ «Календарѣ для врачей» фамиліи петербургскихъ и московскихъ докторовъ, стараясь отыскать самую звучную и кра-

сивую. На душѣ у него было тихо, хорошо, плавно, какъ на небѣ, въ синевѣ котораго неподвижно стоитъ жаворонокъ, и это благодаря тому, что въ прошлую ночь онъ видѣлъ во снѣ пожаръ, что означало счастье. Вдругъ послышался шумъ подѣхавшихъ саней (выпалъ снѣжокъ), и на порогѣ показался слѣдователь Гришуткинъ. Это былъ неожиданный гость. Докторъ поднялся и поглядѣлъ на него сконфуженно и со страхомъ. Гришуткинъ кашлянулъ, потупилъ глаза и медленно направился къ дивану.

— Я прѣхалъ извиниться, Тимоѣей Васильичъ, — началъ онъ. — Я былъ по отношенію къ вамъ немножко нелюбезенъ и даже, кажется, сказалъ вамъ какую-то неприятность. Вы, конечно, поймете мое тогдашнее возбужденное состояніе, вслѣдствіе наливки, выпитой у той старой канальи, и извините...

Докторъ привскочилъ и, со слезами на глазахъ, пожалъ протянутую руку.

— Ахъ... помилите! Марья, чаю!

— Нѣтъ, не надо чаю... Некогда. Вмѣсто чаю, если можно, прикажите квасу подать. Выпьемъ квасу и поѣдемъ трупъ вскрывать.

— Какой трупъ?

— Да все тотъ же унтеръ-офицерскій, который тогда ѣздили вскрывать, да не доѣхали.

Гришуткинъ и Свистицкій вышли квасу и поѣхали на вскрытіе.

— Конечно, я извиняюсь, — говорилъ дорѣгой слѣдователь: — я тогда погорячился, но все же, знаете ли, обидно, что вы не наставили роговъ этому чоккурору... ккканальѣ.

Проѣзжая черезъ Алимово, они увидѣли около трактира ежевскую тройку...

— Ежовъ тутъ! — сказалъ Гришуткинъ. — Его лошади. Зайдемте, повидаемся... Выпьемъ зельтерской воды и кстати на сидѣлочку поглядимъ. Тутъ знаменитая сидѣлка! Баба ой-ой! Чудо природы!

Путники вылѣзли изъ саней и пошли въ трактиръ. Тамъ сидѣли Ежовъ и Тюльпанскій и пили чай съ клюквеннымъ морсомъ.

— Вы куда? Откуда? — удивился Ежовъ, увидѣвъ Гришуткина и доктора.

— На вскрытіе все ѣздимъ, да никакъ не доѣдемъ. Въ заколдованный кругъ попали. А вы куда?

— Да на слѣздъ, батенька!

— Заѣмъ такъ часто? Вѣдь вы третьяго дня ѣздили!

— Кой чортъ, ѣздили... У прокурора зубы болѣли, да и я не въ себѣ какъ-то былъ всѣ эти дни. Ну, что пить будете? Присаживайтесь, тридцать три моментально. Водки, или пива? Дай-ка намъ, братъ сидѣлочка, того и другого. Ахъ, что за сидѣлка!

— Да, знаменитая сидѣлка,—согласился слѣдователь.— Замѣчательная сидѣлка. Баба ой-ой-ой!

Черезъ два часа изъ трактира вышелъ докторскій Мишка и сказалъ генеральскому кучеру, чтобы тотъ распрягъ и поводитъ лошадей.

— Баринъ велѣлъ... Въ карты заѣли! — сказалъ онъ и махнулъ рукой.— Теперь до завтраго отсюда не выберемся. И-ну, и исправникъ ѣдетъ! Стало-быть, до послѣ-завтра тутъ сидѣть будемъ!

Къ трактиру подкатили исправникъ. Узнавъ ежовскихъ лошадей, онъ приятно улыбнулся и воѣжалъ по лѣсенкѣ...

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЯ.

(РАЗСКАЗЪ ОТСТАВНОГО КОЛЛЕЖСКАГО РЕГИСТРАТОРА.)

Въ пятницу на масляной всѣ отправились ѣсть блины къ Алексѣю Ивановичу Козулину. Козулина вы не знаете; для васъ, быть-можетъ, онъ ничтожество, нуль, для нашего же брата, не парящаго высоко подъ небесами, онъ великъ, всемогущъ, высокомудръ. Отправились къ нему всѣ, составляющіе его, такъ сказать, подножіе. Пошелъ и я съ папашей.

Блины были такіе великолѣпные, что выразить вамъ не могу, милостивый государь: пухленькіе, рыхленькіе, румянькіе. Возьмешь одинъ, чортъ его знаетъ, обмакнешь его въ горячее масло, съѣшь—другой самъ въ ротъ лѣзетъ. Деталими, орнаментами и комментаріями были: сметана, съѣжая икра, семга, тертый сыръ. Винъ и водокъ цѣлое море. Послѣ блиновъ осетровую уху ѣли, а послѣ ухи куропатокъ съ подливкой. Такъ укомплектовались, что папаша мой тайкомъ разстегнулъ пуговики на животѣ и, чтобы кто не замѣтилъ сего либерализма, накрылся салфеткой. Алексѣй Ивановичъ, на правахъ нашего начальника, которому все позволено, разстегнулъ жилетку и сорочку. Послѣ обѣда, не вставая изъ-за стола, закурили, съ дозволенія начальства, сигары и повели бесѣду. Мы слушали, а его превосходительство, Алексѣй Ивановичъ, говорилъ. Сюжетцы были все больше юмористическаго характера, масленичнаго... Начальникъ рассказывалъ и видимо желалъ казаться остроумнымъ. Не знаю, сказалъ ли онъ что-нибудь смѣшное,

по только помню, что папаша ежеминутно толкалъ меня въ бокъ и говорилъ:

— Смѣйся!

Я раскрывалъ широко ротъ и смѣялся. Разъ даже взвизгнулъ отъ смѣха, чѣмъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

— Такъ, такъ! — зашепталъ папаша. — Молодецы! Онъ глядитъ на тебя и смѣется... Это хорошо; можетъ, въ самомъ дѣлѣ, дать тебѣ мѣсто помощника писемоводителя!

— Ида-съ! — сказалъ между прочимъ Козулинъ, начальникъ нашъ, пыхтя и отдуваясь. — Теперь мы блины кушаемъ, наисвѣжайшую икру употребляемъ, жену бѣлотѣлую ласкаемъ. А дочки у меня такія красавицы, что не только ваша братія смиренная, а даже князья и графы засматриваются и вздыхаютъ. А квартира? Хе-хе-хе... То-то вот! Не ропщите, не сѣтуйте и вы, покуда до конца не доживете! Все бываетъ, ну и всякія перемѣны бываютъ... Ты теперь, положимъ, ничтожество, нуль, соринка... изюминка — а кто знаетъ? Можетъ-быть, современемъ и того... судьбы человѣческія за вихоръ возьмешь! Всякое бываетъ!

Алексѣй Иванычъ помолчалъ, покачалъ головой и продолжалъ:

— А прежде-то, прежде что было! А? Боже ты мой! Памяти своей не вѣришь. Безъ сапогъ, въ рваныхъ штанишкахъ, со страхомъ и трепетомъ... За цѣлковый, бывало, двѣ недѣли работаешь. Да не дадутъ тебѣ этотъ цѣлковый, нѣтъ! а скомкаютъ да въ лицо бросятъ: лопай! И всякій тебя раздавить можетъ, уколоть, обухомъ хватить... Всякій оконфузить можетъ... Идешь съ докладомъ, глядишь, а у дверей собачонка сидитъ. Подойдешь ты къ этой собачонкѣ, да за лапochку, за лапochку. Извините, молъ, что мимо прошелъ. Съ добрымъ утромъ-съ! А собачонка на тебя: рррр... Швейцаръ тебя локтемъ — толкы! а ты ему: мелкихъ нѣтъ, Иванъ Потапычъ!.. извините-съ! А больше всего я натерпѣлся и поношеній разныхъ вынесъ отъ этого вотъ сига копченаго, отъ этого вотъ... крокодила! Вотъ отъ этого самаго смиренника, отъ Курицина!

И Алексѣй Иванычъ указалъ на маленькаго, сторбленнаго старичка, сидѣвшаго рядомъ съ моимъ папашей. Старичокъ мигалъ утомленными глазками и съ отвращеніемъ курилъ сигару. Обыкновенно онъ никогда не курить, но

если начальство предлагать ему сигару, то онъ считаетъ неприличнымъ отказываться. Увидѣвъ устремленный на него палецъ, онъ страшно сконфузился и завертѣлся на стулѣ.

— Много я претерпѣлъ по милости этого смиренника!— продолжалъ Козулинъ.—Я вѣдь къ нему къ первому подъ начало попалъ. Привели меня къ нему смирененькаго, сѣренькаго, ничтожененькаго и посадили за его столъ. И сталъ онъ меня ѣсть... Что ни слово—то ножъ острый, что ни взглядъ—то пуля въ грудь. Теперь-то онъ червячкомъ глядитъ, убоженькимъ, а прежде что было! Пептунъ! Небеса разверзся! Долго онъ меня терзалъ! Я и писалъ ему, и за широкими бѣгалъ, перья чинилъ, тещу его старую по театрамъ водилъ. Всякія угожденія ему дѣлалъ. Табакъ нюхать выучился! Нда... А все для него... Нельзя, думаю, надо, чтобъ табакерка при мнѣ постоянно была на случай, ежели спросить. Курицынъ, помнишь? Приходить къ нему однажды моя матушка покойница и просить его, старушечка, чтобъ онъ сына, меня то-есть, на два дня къ тещкѣ отпустилъ, наследство дѣлать. Какъ накинется на нее, какъ вытаращитъ бѣлмы, какъ закричитъ: «Да онъ у тебя лѣнтый, да онъ у тебя дармоѣдъ, да чего ты, дура, смотришь!.. Подъ судъ, говорить, попадетъ!» Пошла старушечка домой да и слегла, заболѣла отъ перепугу, чуть не померла въ ту пору...

Алексѣй Ивановичъ вытеръ глаза платочкомъ и заномъ вышилъ стаканъ вина.

— Женить меня на своей собирался, да я на ту пору... къ счастью горячкой заболѣлъ: полгода въ больницѣ пролежалъ. Вотъ что прежде было! Вотъ какъ жилали! А теперь? Пф! А теперь я... я надъ нимъ... Онъ мою тещу въ театры водить, онъ мнѣ табакерку подастъ и вотъ сигару курить. Хе-хе-хе... Я ему въ жизнь перчику... перчику! Курицынъ!!

— Чего изволите-съ?—спросилъ Курицынъ, вставая и вытягиваясь въ струнку.

— Трагедію представъ!

— Слушаю!

Курицынъ вытянулся, нахмурился, поднялъ вверхъ руку, скорчилъ рожу и проиѣлъ сильнымъ, дребезжащимъ голосомъ:

— Умри, вѣроломная! Крррови жажду!!

Мы покатились со смѣху.

— Курицынъ! Съѣшь этотъ самый кусокъ хлѣба съ першкомъ!

Сытый Курицынъ взялъ большой кусокъ ржаного хлѣба, посыпалъ его перцемъ и сжевалъ при громкомъ смѣхѣ.

— Всякія перемѣны бываютъ,—продолжалъ Козулинъ.— Сядь, Курицынъ! Когда встанемъ, пропоешь что-нибудь... Тогда ты, а теперь я... Да... Такъ и померла старушечка... Да...

Козулинъ поднялся и покачнулся...

— А я — молчокъ, потому что маленькій, сѣренькій... Мучители... Варвары... А теперь зато я... Хе-хе-хе... А ну-ка ты! Ты! Тебѣ говорить, безусый!

И Козулинъ ткнулъ пальцемъ въ сторону папаша.

— Бѣгай вокругъ стола и пой пѣтушкомъ!

Папаша мой улынулся, пріятно покраснѣлъ и засмѣялся вокругъ стола. Я за нимъ.

— Ку-ку-реку! — заголосили мы оба и побѣжали быстро.

Я бѣгалъ и думалъ:

«Быть мнѣ помощникомъ писмоводителя!»

В О Р О Н А .

Было не больше шести часовъ вечера, когда блуждавшій по городу поручикъ Стрекачевъ, идя мимо большого трехъ-этажнаго дома, случайно бросилъ взглядъ на розовыя занавѣски бельэтажа.

— Тутъ мадамъ Дуду живетъ...—вспомнилъ онъ.—Давно ужъ я у нея не былъ. Не зайти ли?

Но прежде, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, Стрекачевъ вынулъ изъ кармана кошелекъ и робко взглянулъ въ него. Увидѣлъ онъ тамъ одинъ скомканный, пахнущій керосиномъ рубль, пуговицу, двѣ копейки и—больше ничего.

— Мало... Ну, да ничего,—рѣшилъ онъ.—Зайду такъ, посижку немножко.

Черезъ минуту Стрекачевъ стоялъ уже въ передней и полною грудью вдыхалъ густой запахъ духовъ и глицериноваго мыла. Пахло еще чѣмъ-то, чего описать нельзя, но что можно обонять въ любой женской, такъ - называемой одинокой квартирѣ: смѣсь женскихъ пачулей съ мужской сигарой. На вѣшалкѣ висѣло нѣсколько манто, ватерпруфовъ и одинъ мужской, лоснящійся цилиндръ. Войдя въ залу, поручикъ увидѣлъ то же, что видѣлъ онъ и въ прошломъ году: пианино съ порванными ногами, вазочку съ увядающими цвѣтами, пятно на полу отъ пролитаго ликера... Одна дверь вела въ гостиную, другая въ комнату, гдѣ m-me Дуду спала или играла въ пикетъ съ учителемъ танцевъ Вронди, старцемъ, очень похожимъ на Оффенбаха. Если взглянуть въ гостиную, то прямо видна была дверь и изъ нея выглядывалъ край кровати съ кисейнымъ, ро-

зовымъ пологомъ. Тамъ жили «воспитанницы» m-me Дуду, Барбъ и Бланшъ.

Въ залѣ никого не было. Поручикъ направился въ гостиную и тутъ увидѣлъ живое существо. За круглымъ столомъ, развалиясь на диванѣ, сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ съ щетинистыми волосами и синими мутными глазами, съ холоднымъ потомъ на лбу и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто вылѣзалъ изъ глубокой ямы, въ которой ему было темно и страшно. Одѣтъ онъ былъ щегольски, въ новую триковую пару, которая носила еще на себѣ слѣды уютной выправки; на груди болтался брелокъ; на ногахъ лакированные штиблеты съ пряжками, красные чулки. Молодой человѣкъ подпиралъ кулаками свои пухлыя щеки и тускло глядѣлъ на стоявшую передъ нимъ бутылочку зельтерской. Тутъ же на другомъ столѣ было нѣсколько бутылокъ, тарелка съ апельсинами.

Взглянувъ на вошедшаго поручика, франтъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ. Удивленный Стрекачевъ сдѣлалъ шагъ назадъ... Во франтъ съ трудомъ узналъ онъ писаря Филенкова, котораго онъ не далѣе какъ сегодня утромъ распекать въ канцеляріи за безграмотно написанную бумагу, за то, что слово «капуста» онъ написалъ такъ: «копусста».

Филенковъ медленно поднялся и уперся руками о столъ. Минуту онъ не спускалъ глазъ съ лица поручика и даже посинѣлъ отъ внутренняго напряженія.

— Ты какъ же это сюда попалъ? — строго спросилъ у него Стрекачевъ.

— Я, ваше благородіе, — застенчалъ писарь, потупя взоръ: — на днѣ рожденія-съ... При всеобщей повинной военности, когда всѣхъ уравнили, которые...

— Я тебя спрашиваю, какъ ты сюда попалъ? — возвысилъ голосъ поручикъ. — И что это за костюмъ?

— Я, ваше благородіе, чувствую свою виновность, но... ежели взять, что при всеобщей повинной... военной всеобщности всѣхъ уравнили, и къ тому какъ я все-таки человѣкъ образованный, не могу на днѣ рожденія мамзель Барбъ существовать въ формѣ нижняго чина, то я и надѣлъ оный костюмъ соотвѣтственно своему домашнему обиходу, какъ я, значить, потомственный почетный гражданинъ.

Увидѣвъ, что глаза поручика становятся все сердитѣе,

Филенковъ умолкъ и нагнулъ голову, словно ожидая, что его сейчас трахнуть по затылку. Поручикъ раскрылъ ротъ, чтобы произнести «пошелъ вонъ!», но въ это время въ гостиную вошла блондинка съ поднятыми бровями, въ капотѣ ярко-желтаго цвѣта. Узнавъ поручика, она взвизгнула и бросилась къ нему.

— Вася! Офицеръ!!

Увидѣвъ, что Барбъ (это была одна изъ воспитанницъ m-me Дуду) фамильярна съ поручикомъ, писарь оправился и ожилъ. Растопыривъ пальцы, онъ выскочилъ изъ-за стола и замахалъ руками.

— Ваше благородіе!—заговорилъ онъ, захлебываясь. — Со днемъ рожденія имѣю честь поздравить любимаго существа! Въ Парижѣ такой не сыщешь! Именно-съ! Огонь! Трехъ сотенныхъ не пожалѣлъ, а сшилъ ей этотъ капотъ по случаю дня рожденія любимаго существа! Ваше благородіе, шампанскаго! За новорожденную!

— А гдѣ Бланшъ?—спросилъ поручикъ.

— Сейчасъ выйдетъ, ваше благородіе!—отвѣтилъ писарь, хотя вопросъ относился не къ нему, а къ Барбъ. — Сію минуту! Дѣвица а ля компрене аревуаръ консоме! Намедни купецъ изъ Костромы пріѣзжалъ, пятьсотъ отвалилъ... Легко ли дѣло, пятьсотъ! Я тыщу дамъ, только спервоначалу характеръ мой уважь! Такъ ли я разсуждаю? Ваше благородіе, пожалуйста-съ!

Писарь подаль поручику и Барбъ по стакану шампанскаго, а самъ выпилъ рюмку водки. Поручикъ выпилъ, но тотчасъ же спохватился.

— Ты, я вижу, позволяешь себѣ лишнее,—сказалъ онъ.— Стунай-ка отсюда и скажи Демьянову, чтобы онъ тебя посадилъ на сутки.

— Ваше благородіе, да можетъ, вы думаете, что я какой ни-на-есть свинья? Такъ вы думаете? Господи! Да вѣдь мой папаша потомственный почетный гражданинъ, орденовъ кавалеръ! Меня, ежели желаете знать, генераль крестилъ. А вы думаете, что я, ежели писарь, то ужъ и свинья?.. Пожалуйста еще стаканчикъ... шиншечки... Барбъ, луи! Не стѣсняйся, за все можемъ заплатить. При современной образованности всѣхъ уравняли. Генеральскій или купеческій сынъ идетъ на службу все равно какъ мужикъ. Я, ваше благородіе, былъ и въ гимназїи, и въ реаль-

номъ, и въ коммерческомъ... Вездѣ выгопjali! Барбъ, лупи! Бери радужную, посылай за дюжинкой! Ваше благородіе, стаканчикъ!

Вошла и m-me Дуду высокая, полная дама съ ястребиннымъ лицомъ. За ней сѣменилъ Вронди, похожій на Оффенбаха. Немного погодя вошла и Бланшъ, маленькая брюнетка, лѣтъ 19-ти, со строгимъ лицомъ и съ греческимъ носомъ, повидимому, еврейка. Писарь выбросилъ еще одну радужную.

— Жарь во всѣ! Жги! Позвольте мнѣ эту вазу разбить! Отъ чувствъ!

M-me Дуду начала рассказывать, что теперь всякая честная дѣвушка можетъ составить себѣ приличную партію, и что дѣвушкамъ пить неприлично, а если она и позволяетъ своимъ дѣвушкамъ пить, то только потому, что надеется, что мужчины порядочные, а будь мужчины другіе, она и сидѣть бы имъ здѣсь не позволила.

Отъ вина и сосѣдства Бланшъ у поручика стала кружиться голова, и онъ забылъ о писарѣ.

— Музыку! — кричалъ отчаяннымъ голосомъ писарь. — Подавай музыку! На основаніи приказа за номеромъ сто двадцатымъ предлагаю вамъ танцевать! Ти-ише! — продолжалъ орать во все горло писарь, думая, что это не онъ самъ кричитъ, а кто-то другой. — Ти-ише! Я желаю, чтобъ танцевали! Вы должны мой характеръ уважить! Качучу! Качучу!

Барбъ и Бланшъ посоветовались съ m-me Дуду, старикъ Вронди сѣлъ за пианино. Танецъ начался. Филенковъ, топая въ тактъ ногами, слѣдилъ за движеніями четырехъ женскихъ ногъ и ржалъ отъ удовольствія.

— Рви! Вѣрно! Чувствуй! Отдирай, примерзло!

Немного погодя, вся компанія поѣхала въ коляскахъ въ «Аркадію». Филенковъ ѣхалъ съ Барбъ, поручикъ съ Бланшъ, Вронди съ m-me Дуду. Въ «Аркадіи» заняли столъ и потребовали ужинъ. Тутъ Филенковъ до того допился, что охрипъ и потерялъ способность махать руками. Онъ сидѣлъ мрачный и говорилъ, моргая глазами, какъ бы собираясь заплакать:

— Кто я? Нешто я человѣкъ? Я ворона! Потомственный почетный гражданинъ... — передразнилъ онъ себя. — Ворона ты, а не гра... гражданинъ.

Поручикъ, отуманенный виномъ, почти не замѣчалъ его. Разъ только, увидѣвъ въ туманѣ его пьяную физиономію, онъ махнулъ брови и сказалъ:

— Ты, я вижу, позволяешь себѣ очень...

Но тотчасъ же потерялъ способность соображать и чокнулся съ нимъ.

Изъ «Аркадіи» поѣхали въ Крестовскій садъ. Тутъ m-me Дуду простилась съ молодежью, сказавъ, что она вполне надѣется на порядочность мужчинъ, и уѣхала съ Вронди. Потомъ потребовали для освѣженія кофе съ коньякомъ и ликеровъ. Потомъ квасу и водки, и зернистой икры. Писарь вымазалъ себѣ лицо икрой и сказалъ:

— Я теперь арабъ или въ родѣ какъ бы нечистый духъ.

На другой день утромъ поручикъ, чувствуя въ головѣ свинець, а во рту жаръ и сухость, отправился къ себѣ въ канцелярію. Филенковъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ въ писарской формѣ и дрожащими руками шивалъ какія-то бумаги. Лицо его было сумрачно, не гладко, точно булыжникъ, щетинистые волосы глядѣли въ разныя стороны, глаза слипались... Увидѣвъ поручика, онъ тяжело поднялся, вздохнулъ и вытянулся во фронтъ. Поручикъ, злой и не опохмелившийся, отвернулся и занялся своимъ дѣломъ. Минуть десять длилось молчаніе, но вотъ глаза его встрѣтились съ мутными глазами писаря, и въ этихъ глазахъ прочелъ онъ все: красныя занавѣсочки, раздражительный танецъ, «Аркадію», профиль Бланшь...

— При всеобщей повинной военности... — забормоталъ Филенковъ:—когда даже... профессоровъ въ солдаты берутъ... когда всѣхъ уравниали... и даже свобода гласности...

Поручикъ хотѣлъ распечь его, послать къ Демьянову, но махнулъ рукой и сказалъ тихо:

— А ну тебя къ чорту!

И вышелъ изъ канцеляріи.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ.

Петръ Петровичъ Стрижинъ, племянникъ полковницы Ивановой, тотъ самый, у котораго въ прошломъ году украли новыя калоши, вернулся съ крестинъ ровно въ два часа ночи. Чтобы не разбудить своихъ, онъ осторожно раздѣлся въ передней, на цыпочкахъ, чуть дыша, пробрался къ себѣ въ спальню и, не зажигая огня, сталъ готовиться ко сну.

Стрижинъ ведетъ жизнь трезвую и регулярную, выраженіе лица у него душеспасительное, книжки онъ читаетъ только духовно-нравственныя, но на крестинахъ отъ радости, что Любовь Спиридоновна благополучно разрѣшилась отъ бремени, онъ позволилъ себѣ выпить четыре рюмки водки и стаканъ вина, напоминавшаго своимъ вкусомъ что-то среднее между уксусомъ и касторовымъ масломъ. Горячіе же напитки подобны морской водѣ или славѣ: чѣмъ больше пьешь, тѣмъ сильнѣе жаждешь... И теперь, раздѣваясь, Стрижинъ чувствовалъ непреодолимое желаніе выпить.

«У Дашеньки, кажется, есть водка въ шкапу, въ правомъ углу,—думалъ онъ.—Если я выпью одну рюмку, то она не замѣтитъ».

Послѣ нѣкотораго колебанія, пересиливъ свой страхъ, Стрижинъ направился къ шкапу. Отворивъ осторожно дверцу, онъ нащупалъ въ правомъ углу бутылку и рюмку, налилъ, поставилъ бутылку на мѣсто, потомъ перекрестился и выпилъ. И тотчасъ же произошло нѣчто въ родѣ чуда. Со страшной силой, точно бомбу, Стрижина вдругъ отбросило отъ шкапа къ сундуку. Въ глазахъ его засверкало, дыханіе сперло, по всему тѣлу пробѣжало такое ощущеніе, какъ-будто онъ упалъ въ болото, полное пьявокъ. Ему показалось, что вмѣсто водки онъ проглотилъ кусокъ динамита, который взорвалъ его тѣло, домъ, весь переулочекъ... Голова, руки, ноги—все оторвалось и полетѣло куда-то къ чорту, въ пространство...

Минуты три онъ лежалъ на сундукѣ неподвижно, не дыша, потомъ поднялся и спросилъ себя:

— Гдѣ я?

Первое, что онъ ясно ощутилъ, прійдя въ себя, это былъ рѣзкій запахъ керосина.

— Батюшки мои, это я вмѣсто водки керосину выпилъ!— ужаснулся онъ.—Святители угодники!

Отъ мысли, что онъ отравился, его бросило и въ холодъ, и въ жаръ. Что ядъ былъ дѣйствительно принять, свидѣтельствовало, кромѣ запаха въ комнатѣ, жженіе во рту, искры въ глазахъ, звонъ колоколовъ въ головѣ и колотье въ желудкѣ. Чувствуя приближеніе смерти и не обманывая себя напрасными надеждами, онъ пожелалъ проститься съ близкими и отправился въ спальню Дашеньки. (Будучи вдовымъ, онъ у себя въ квартирѣ держалъ вмѣсто хозяйки свою свояченицу Дашеньку, старую дѣву).

— Дашенька!—сказалъ онъ плачущимъ голосомъ, входя въ спальню.—Дорогая Дашенька!

Что-то заворчалось въ потемкахъ и испустило глубокій вздохъ.

— Дашенька!

— А? Что?—быстро заговорилъ женскій голосъ.—Это вы, Петръ Петровичъ? Уже вернулись? Ну, что? Какъ назвали дѣвочку? Кто былъ кумой?

— Кумой была Наталья Андреевна Великосвѣтская, а кумомъ Павелъ Ивановичъ Безсонницынъ... Я... я, Дашенька, кажется, умираю. А новорожденную назвали Олимпіадой въ честь ихней благодѣтельницы... Я... я, Дашенька, выпилъ керосину...

— Вотъ еще! Нешто тамъ подавали керосинъ?

— Признаться, я хотѣлъ, не спросясь васъ, водки выпить, и... и Богъ наказалъ: по нечаянности я въ потемкахъ керосину выпилъ... Что мнѣ дѣлать?

Дашенька, услышавъ, что безъ ея разрѣшенія отворяли шкапъ, оживилась... Она быстро зажгла свѣчку, прыгнула съ постели и въ одной сорочкѣ, весноватая, костлявая, въ папильоткахъ, зашлепала босыми ногами къ шкапу.

— Кто же это вамъ позволилъ?—спросила она строго, оглядывая внутренность шкапа.—Нешто водка для васъ поставлена?

— Я... я, дашенька, пилъ не водку, а керосинъ...—про-
бормоталъ Стрижинъ, отирая холодный потъ.

— А зачѣмъ вамъ керосинъ трогать? Развѣ это ваше
дѣло? Для васъ онъ поставленъ? Или, по-вашему, керосинъ
денегъ не стоить? А? Да вы знаете, почему теперь керо-
синъ? Знаете?

— Дорогая Дашенька!—простоналъ Стрижинъ.—Вопросъ
идеть о жизни и смерти, а вы о деньгахъ!

— Напился пьяный и въ шкалъ суетъ свой носъ!—
крикнула Дашенька, сердито хлопнувъ дверцей.— О, из-
верги, мучители! Страдалица я, несчастная, ни днемъ, ни
ночью покою! Аспиды-василиски, проды окаянные, чтобъ
вамъ на томъ свѣтѣ такъ жилось! Завтра же съѣзжаю! Я
дѣвица и не позволяю вамъ стоять передо мною въ одномъ
нижнемъ бѣльѣ! Вы не смѣете глядѣть на меня, когда я
не одѣта!

И пошла, и пошла... Зная, что разсерженную Дашеньку
не уймешь ни мольбами, ни клятвами, ни даже пальбой
изъ пушекъ, Стрижинъ махнулъ рукой, одѣлся и рѣшилъ
сходить къ доктору. Но доктора легко найти только тогда,
когда онъ не нуженъ. Избѣгавъ три улицы и позвонившись
разъ пять къ доктору Чепхарьянцу и семь разъ къ доктору
Бултыхину, Стрижинъ побѣжалъ въ аптеку: авось поможетъ
аптекарь. Тутъ, послѣ долгаго ожиданія, къ нему вышелъ
маленькій, чернявый и кудрявый фармацевтъ, заспанный,
въ халатѣ, и съ такимъ серьезнымъ и умнымъ лицомъ,
что даже стало страшно.

— Вамъ что угодно?—спросилъ онъ тономъ, какимъ мо-
гутъ говорить только очень умные и солидные фармацевты
іудейскаго вѣроисповѣданія.

— Ради Бога... прошу васъ!—проговорилъ Стрижинъ,
задыхаясь.— Дайте мнѣ чего-нибудь... Я сейчасъ по не-
чаянности керосину выпилъ! Умираю!

— Прошу васъ не волноваться и отвѣчать на вопросы,
которые я буду вамъ задавать. Уже одинъ тотъ фактъ, что
вы волнуетесь, не дозволяетъ мнѣ понимать васъ. Вы вы-
пили керосину? Да-а?

— Да, керосину! Спасите пожалуйста!

Фармацевтъ хладнокровно и серьезно подошелъ къ кон-
торкѣ, раскрылъ книгу и погрузился въ чтеніе. Прочитавъ
двѣ страницы, онъ пожалъ однимъ плечомъ, потѣмъ дру-

гимъ, соорилъ презрительную гримасу и, подумавъ, вышелъ въ смежную комнату. Часы пробили четыре. И когда они показывали десять минутъ пятого, фармацевтъ вернулся съ другой книгой и опять погрузился въ чтеніе.

— Гм!—сказалъ онъ, какъ бы недоумѣвая.—Уже одинъ тотъ фактъ, что вы чувствуете себя нехорошо, нужно, чтобъ вы обратились не въ аптеку, а къ врачу.

— Но я уже былъ у докторовъ! Не дозвонился!

— Гм... Вы насъ, фармацевтовъ, не считаете за людей и беспокоите даже въ четыре часа ночи, а каждая собака, каждый кошке имѣть покой... Вы ничего не желаете понимать, и, по-вашему, мы не люди и въ насъ нервы должны быть, какъ веровка.

Стрижинъ выслушалъ фармацевта, вздохнулъ и пошелъ домой.

— Стало-быть, суждено умереть!—думалъ онъ.

А во рту у него горѣло и пахло керосиномъ, въ желудкѣ рѣзало, въ ушахъ раздавалось: бумъ, бумъ, бумъ! Каждую минуту ему казалось, что конецъ его уже близокъ, что сердце его уже не бьется...

Придя домой, онъ посиѣнилъ написать: «Прошу въ моей смерти никого не винить», потомъ помолился Богу, легъ и укрылся съ головой. До утра онъ не спалъ и ждалъ смерти, и все время ему мерещилось, какъ его могила покрывается молодой зеленью и какъ надъ нею щебечутъ птички...

А утромъ онъ сидѣлъ на кровати и, улыбаясь, говорилъ Дашенькѣ:

— Кто ведетъ правильную и регулярную жизнь, дорогая сестрица, того никакая отравка не возьметъ. Вотъ хоть бы меня взять въ примѣръ. Былъ я на краю погибели, умиралъ, мучился, а теперь ничего. Только во рту пожгло и въ глоткѣ саднить, а все тѣло здорово, слава Богу... А отчего? Потому что регулярная жизнь.

— Нѣтъ, это значитъ—керосинъ плохой!—вздыхала Дашенька, думая о расходахъ и глядя въ одну точку.—Значитъ, лавочникъ мнѣ далъ не лучшаго, а того, что полторы копейки фунтъ. Страдалица я, несчастная, изверги-мучители, чтобъ вамъ на томъ свѣтѣ такъ жилось, продыокаянные...

И пошла, и пошла...

ХОРИСТКА.

Однажды, когда она еще была моложе, красивѣе и голо-систѣе, у нея на дачѣ, въ антресоляхъ сидѣлъ Николай Петровичъ Колпаковъ, ея обожатель. Было нестерпимо жарко и душно. Колпаковъ только-что пообедалъ и выпилъ цѣлую бутылку плохого портвейна, чувствовалъ себя не въ духѣ и нездорово. Оба скучали и ждали, когда спадетъ жара, чтобъ пойти гулять.

Вдругъ неожиданно въ передней позвонили. Колпаковъ, который былъ безъ сюртука и въ туфляхъ, вскочилъ и вопросительно поглядѣлъ на Пашу.

— Должно-быть, почтальонъ, или, можетъ, подруга, — сказала пѣвица.

Колпаковъ не стѣснялся ни подружки Пашини, ни почтальоновъ, но на всякій случай взялъ въ охапку свое платье и пошелъ въ смежную комнату, а Паша побѣжала отворять дверь. Къ ея великому удивленію, на порогѣ стоялъ не почтальонъ и не подруга, а какая-то незнакомая женщина, молодая, красивая, благородно одѣтая и, по всеѣмъ видимостямъ, изъ порядочныхъ.

Незнакомка была блѣдна и тяжело дышала, какъ отъ ходьбы по высокой лѣстницѣ.

— Что вамъ угодно?—спросила Паша.

Барыня не сразу отвѣтила. Она сдѣлала шагъ впередъ, медленно оглядѣла комнату и сѣла съ такимъ видомъ, какъ будто не могла стоять отъ усталости или нездоровья; потомъ она долго шевелила блѣдными губами стараясь что-то выговорить.

— Мой мужъ у васъ?—спросила она наконецъ, поднявъ на Пашу свои большіе глаза съ красными, заплаканными вѣками.

— Какой мужъ?—прошептала Паша и вдругъ испугалась такъ, что у нея похолодѣли руки и ноги.—Какой мужъ?—повторила она, начиная дрожать.

— Мой мужъ... Николай Петровичъ Колпаковъ.

— Нѣ... нѣтъ, сударыня... Я... я никакого мужа не знаю.

Прошла минута въ молчаніи. Незнакомка нѣсколько разъ провела платкомъ по блѣднымъ губамъ и, чтобы побороть внутреннюю дрожь, задерживала дыханіе, а Паша стояла передъ ней неподвижно, какъ вкопанная, и глядѣла на нее съ недоумѣніемъ и страхомъ.

— Такъ его, вы говорите, нѣтъ здѣсь?—спросила барыня уже твердымъ голосомъ и какъ-то странно улыбаясь.

— Я... я не знаю, про кого вы спрашиваете.

— Гадкая вы, подлая, мерзкая...—пробормотала незнакомка, оглядывая Пашу съ ненавистью и отвращеніемъ.— Да, да... вы гадкая. Очень, очень рада, что, наконецъ, могу высказать вамъ это!

Паша почувствовала, что на эту даму въ черномъ, съ сердитыми глазами и съ бѣлыми, тонкими пальцами, она производитъ впечатлѣніе чего-то гадкаго, безобразнаго, и ей стало стыдно своихъ пухлыхъ, красныхъ щекъ, рябинъ на носу и чолки на лбу, которая никакъ не зачесывалась наверхъ. И ей казалось, что если бы она была худенькая, не напудренная и безъ чолки, то можно было бы скрыть, что она непорядочная, и было бы не такъ страшно и стыдно стоять передъ незнакомой, таинственной дамой.

— Гдѣ мой мужъ?—продолжала дама.—Впрочемъ, здѣсь онъ, или нѣтъ, мнѣ все равно, но должна я вамъ сказать, что обнаружена растрата и Николая Петровича ищутъ... Его хотятъ арестовать. Вотъ что вы надѣлали!

Барыня встала и въ сильномъ волненіи прошлась по комнатѣ. Паша глядѣла на нее и отъ страха не понимала.

— Сегодня же его найдутъ и арестуютъ,—сказала барыня и всхлинула, и въ этомъ звукѣ слышались оскорбленіе и досада.—Я знаю, кто довелъ его до такого ужаса! Гадкая, мерзкая! Отвратительная, продажная тварь! (у барыни губы искривились и поморщился носъ отъ отвраще-

нія).—Я безсильна... слушайте вы, низкая женщина!.. я безсильна, вы сильнѣе меня, но есть кому вступиться за меня и моихъ дѣтей! Богъ все видитъ! Онъ справедливъ! Онъ взыщетъ съ васъ за каждую мою слезу, за всѣ бессонныя ночи! Будетъ время, вспомните вы меня!

Опять наступило молчаніе. Барыня ходила по комнатамъ и ломала руки, а Паша все еще глядѣла на нее тупо, съ недоумѣніемъ, не понимала и ждала отъ нея чего-то страшнаго.

— Я, сударыня, ничего не знаю,—проговорила она и вдругъ заплакала.

— Лжете вы!—крикнула барыня и злобно сверкнула на нее глазами.—Мнѣ все извѣстно! Я давно уже знаю васъ! Я знаю, въ послѣдній мѣсяцъ онъ простиживалъ у васъ каждый день!

— Да. Такъ что же? Что жъ изъ этого? У меня бываетъ много гостей, но я никого не неволю. Вольному воля.

— Я говорю вамъ: обнаружена растрата! Онъ растратилъ на службѣ чужія деньги! Ради такой... какъ вы, ради васъ онъ рѣшился на преступленіе. Послушайте,—сказала барыня рѣшительнымъ тономъ, останавливаясь передъ Пашей.—У васъ не можетъ быть принциповъ, вы живете для того только, чтобъ приносить зло, это цѣль ваша, но нельзя же думать, что вы такъ низко пали, что у васъ не осталось и слѣда человѣческаго чувства! У него есть жена, дѣти... Если его осудятъ и сошлютъ, то я и дѣти умремъ съ голода... Поймите вы это! А между тѣмъ есть средство спасти его и насъ отъ нищеты и позора. Если я сегодня внесу девятьсотъ рублей, то его оставятъ въ покоѣ. Только девятьсотъ рублей!

— Какіе девятьсотъ рублей?—тихо спросила Паша.— Я... я не знаю... Я не брала...

— Я не прошу у васъ девятисотъ рублей... у васъ нѣтъ денегъ, да и не нужно мнѣ вашего. Я прошу другого... Мужчины обыкновенно такимъ, какъ вы, дарятъ драгоценныя вещи. Возвратите мнѣ только тѣ вещи, которыя дарилъ вамъ мой мужъ!

— Сударыня, они никакихъ вещей мнѣ не дарили!—взвизгнула Паша, начиная понимать.

— Гдѣ же деньги? Онъ растратилъ свое, мое и чужое... Куда же все это дѣвалось? Послушайте, я прошу васъ! Я

была возмущена и наговорила вамъ много непріятнаго, но я извиняюсь. Вы должны меня ненавидѣть, я знаю, но если вы способны на состраданіе, то войдите въ мое положеніе! Умоляю васъ, отдайте мнѣ вещи!

— Гм...—сказала Паша и пожала плечами.—Я бы съ удовольствіемъ, но, накажи меня Богъ, они ничего мнѣ не давали. Вѣрьте совѣсти. Впрочемъ, правда ваша,—смутилась пѣвица:—они какъ-то привезли мнѣ двѣ штучки. Извольте, я отдамъ, ежели желаете...

Паша выдвинула одинъ изъ туалетныхъ ящичковъ и достала оттуда дутый золотой браслетъ и жидкое колечко съ рубиномъ.

— Извольте!—сказала она, подавая эти вещи гостьѣ.

Барыня вспыхнула, и лицо ея задрожало. Она оскорбилась.

— Что же вы мнѣ дадите?—сказала она.—Я не милостыни прошу, а того, что принадлежитъ не вамъ... что вы, пользуясь вашимъ положеніемъ, выжали изъ моего мужа... этого слабаго, несчастнаго человѣка... Въ четвергъ, когда я видѣла васъ съ мужемъ на пристани, на васъ были дорогие броши и браслеты. Стало-быть, нечего разыгрывать передо мной невиннаго барашка! Я въ послѣдній разъ прошу: дадите вы мнѣ вещи, или нѣтъ?

— Какія вы, ей-Богу, странныя...—сказала Паша, начиная обижаться.—Завѣряю васъ, что отъ вашего Николая Петровича я, кромѣ этой браслеты и колечка, ничего не видѣла. Они привозили мнѣ только сладкіе пирожки.

— Сладкіе пирожки...—усмѣхнулась незнакомка.—Дома дѣтямъ ѣсть нечего, а тутъ сладкіе пирожки. Вы рѣшительно отказываетесь возвратить вещи?

Не получивъ отвѣта, барыня сѣла и, о чемъ-то думая, уставилась въ одну точку.

— Что же теперь дѣлать?—проговорила она.—Если я не достану девятисотъ рублей, то и онъ погибъ, и я съ дѣтьми погибла. Убить эту мерзавку, или на колѣни стать передъ ней, что ли?

Барыня прижала платокъ къ лицу и зарыдала.

— Я прошу васъ!—слышалось сквозь ея рыданья.—Вы же вѣдь разорили и погубили мужа, спасите его... Вы не имѣете къ нему состраданія, но дѣти... дѣти... Чѣмъ дѣти виноваты?

Паша вообразила маленькихъ дѣтей, которыя стѣять па улицѣ и плачуть отъ голода, и сама зарыдала.

— Что же я могу сдѣлать, сударыня?—сказала она.— Вы говорите, что я мерзавка и разорила Николая Петровича, а я вамъ, какъ предъ истиннымъ Богомъ... завѣрю васъ, никакой пользы я отъ нихъ не имѣю... Въ нашемъ хорѣ только у одной Моти богатый содержатель, а всѣ мы перебываемся съ хлѣба на квасъ. Николай Петровичъ образованный и деликатный господинъ, ну, я и принимала. Намъ нельзя не принимать.

— Я прошу вещи! Вещи мнѣ дайте! Я плачу... унижаюсь... Извольте, я на колѣни стану! Извольте!

Паша вскрикнула отъ испуга и замахала руками. Она чувствовала, что эта блѣдная, красивая барыня, которая выражается благородно, какъ въ театрѣ, въ самомъ дѣлѣ можетъ стать передъ ней на колѣни, именно изъ гордости, изъ благородства, чтобы возвысить себя и унижить хористку.

— Хорошо, я отдамъ вамъ вещи!—засуетилась Паша, утирая глаза.—Извольте. Только онѣ не Николая Петровичевы... Я ихъ отъ другихъ гостей получила. Какъ вамъ угодно-съ...

Паша выдвинула верхній ящикъ комода, достала оттуда брошку съ алмазами, коралловую нитку, нѣсколько колець, браслетъ, и подала все это дамѣ.

— Возьмите, ежели желаете, только я отъ вашего мужа никакой пользы не имѣла. Берите, богатѣйте!—продолжала Паша, оскорбленная угрозой стать на колѣни.—А ежели вы благородная... законная ему супруга, то и держали бы его при себѣ. Стало-бытъ! Я его не звала къ себѣ, онъ самъ пришелъ...

Барыня сквозь слезы оглядѣла поданныя ей вещи и сказала:

— Это не все... Тутъ и на пятьсотъ рублей не будетъ.

Паша порывисто вышвырнула изъ комода еще золотые часы, портсигаръ и запонки, и сказала, разводя руками:

— А больше у меня ничего не осталось... Хоть общите!

Гостья вздохнула, дрожащими руками завернула вещи въ платочекъ и, не сказавъ ни слова, даже не кивнувъ головой, вышла.

Отворилась изъ сосѣдней комнаты дверь, и вошелъ Колпаковъ. Онъ былъ блѣденъ и нервно встряхивалъ головой, какъ будто только-что принялъ что-то очень горькое; на глазахъ у него блестѣли слезы.

— Какія вы мнѣ вещи приносили?—набросилась на него Паша.—Когда, позвольте васъ спросить?

— Вещи... Пустое это—вещи!—проговорилъ Колпаковъ и встряхнулъ головой.—Боже мой! Она передъ тобой плакала, унижалась...

— Я васъ спрашиваю: какія вы мнѣ вещи приносили?—крикнула Паша.

— Боже мой, она, порядочная, гордая, чистая... даже на колѣни хотѣла стать передъ... передъ этой дѣвкой! И я довелъ ее до этого! Я допустилъ!

Онъ схватилъ себя за голову и простоналъ:

— Нѣтъ, я никогда не прощу себѣ этого! Не прощу! Отойди отъ меня прочь... дрянь!—крикнулъ онъ съ отвращеніемъ, пятась отъ Пашы и отстраняя ее отъ себя дрожащими руками.—Она хотѣла стать на колѣни и... передъ кѣмъ? Передъ тобой! О, Боже мой!

Онъ быстро одѣлся и, брезгливо сторонясь Пашы, направился къ двери и вышелъ.

Паша легла и стала громко плакать. Ей уже было жаль своихъ вещей, которыя она сгоряча отдала, и было обидно. Она вспомнила, какъ три года назадъ ее ни за что, ни про что побилъ одинъ купецъ, и еще громче заплакала.

СТРАХИ.

За все время, пока я живу на этомъ свѣтѣ, мнѣ было страшно только три раза.

Первый настоящій страхъ, отъ котораго шевелились мои волосы и по тѣлу бѣгали мурашки, имѣлъ своей причиной ничтожное, но странное явленіе. Однажды, отъ нечего-дѣлать, ѣхалъ я іюльскимъ вечеромъ на почтовую станцію за газетами. Вечеръ былъ тихій, теплый и почти душный, какъ всѣ тѣ однообразные, іюльскіе вечера, которые, разъ начавшись, правильной, непрерывной чередой тянутся одинъ за другимъ недѣлю—двѣ, иногда и больше, и вдругъ обрываются бурной грозой съ роскошнымъ, надолго освѣжающимъ ливнемъ.

Солнце давно уже сѣло, и на всей землѣ лежала сплошная, сѣрая тѣнь. Въ неподвижномъ, застоявшемся воздухѣ ступались медово-приторныя испаренія травъ и цвѣтовъ.

Ѣхалъ я на простыхъ, ломовыхъ дрогахъ. За моей спиной, положивъ голову на мѣшокъ съ овсомъ, тихо похранывалъ сынъ садовника Паника, мальчикъ лѣтъ восьми, котораго я взялъ съ собою на случай, если бы представилась надобность присмотрѣть за лошадей. Путь нашъ лежалъ по узкой, но прямой, какъ линейка, проселочной дорогѣ, которая, какъ большая змѣя, пряталась въ высокой, густой ржи. Блѣдно догорала вечерняя заря; свѣтлая полоса перерѣзывалась узкимъ, неуклюжимъ облакомъ, которое походило то на лодку, то на человѣка, окутаннаго въ одѣяло...

Проѣхалъ я версты двѣ—три, и вотъ на блѣдномъ фонѣ зари стали вырастать одинъ за другимъ стройные, рослые тополи; вслѣдъ за ними заблестала рѣка, и предо мною вдругъ, какъ по волшебству, раскинулась богатая картина.

Нужно было остановить лошадь, такъ какъ наша прямая дорога обрывалась и ужъ шла внизъ по крутому, поросшему кустарникомъ скату. Мы стояли на горѣ, а внизу подъ нами находилась большая яма, полная сумерекъ, причудливыхъ формъ и простора. На днѣ этой ямы, на широкой равнинѣ, сторожимое тополями и ласкаемое блескомъ рѣки, ютилось село. Оно теперь спало... Его избы, церковь съ колокольною и деревья вырисовывались изъ сѣрыхъ сумерекъ, и на гладкой поверхности рѣки темнѣли ихъ отраженія.

Я разбудилъ Пашку, чтобъ онъ не свалился съ дрогъ, и сталъ осторожно спускаться.

— Пріѣхали въ Луково?—спросилъ Пашка, лѣниво поднимая голову.

— Пріѣхали. Держи вожжи!..

Я сводилъ съ горы лошадь и глядѣлъ на село. Съ перваго же взгляда меня заняло одно странное обстоятельство: въ самомъ верхнемъ ярусѣ колокольни, въ крошечномъ окнѣ, между куполомъ и колоколами, мерцалъ огонекъ. Этотъ огонь, похожій на свѣтъ потухающей лампадки, то замиралъ на мгновеніе, то ярко вспыхивалъ. Откуда онъ могъ взяться? Происхожденіе его было для меня непонятно. За окномъ онъ не могъ горѣть, потому что въ верхнемъ ярусѣ колокольни не было ни иконъ, ни лампадъ; тамъ, какъ я зналъ, были одиѣ только балки, пыль да паутина; пробраться въ этотъ ярусъ было трудно, потому что ходъ въ него изъ колокольни былъ наглухо забитъ.

Этотъ огонекъ могъ скорѣе всего быть отраженіемъ внѣшняго свѣта, но какъ я ни напрягалъ свое зрѣніе, въ громадномъ пространствѣ, которое лежало передо мной, я не увидѣлъ кромѣ этого огня ни одной свѣтлой точки. Луны не было. Блѣдная, совсѣмъ уже потухавшая полоска зари не могла отражаться, потому что окно съ огонькомъ глядѣло не на западъ, а на востокъ. Эти и другія подобныя соображенія бродили въ моей головѣ все время, пока я спускался съ лошадью внизъ. Внизу я сѣлъ на дроги и еще разъ взглянулъ на огонекъ. Онъ попрежнему мелькалъ и вспыхивалъ.

«Странно, — думалъ я, теряясь въ догадкахъ. — Очень странно».

И мною, мало-по-малу, овладѣло неприятное чувство. Сначала я думалъ, что это досада на то, что я не въ состояніи

объяснить простого явленія, но потомъ, когда я вдругъ въ ужасѣ отвернулся отъ огонька и ухватился одной рукой за Пашку, ясно стало, что мною овладѣваетъ страхъ... Меня охватило чувство одиночества, тоски и ужаса, точно меня противъ воли бросили въ эту большую, полную сумерекъ яму, гдѣ я одинъ-на-одинъ стоялъ съ колокольней, глядѣвшей на меня своимъ краснымъ глазомъ.

— Паша!—окликнулъ я, закрывая въ ужасѣ глаза.

— Ну?

— Паша, что это свѣтитса на колокольнѣ?

Пашка поглядѣлъ черезъ мое плечо на колокольню и зѣвнулъ.

— А кто жъ его знаетъ!

Этотъ короткій разговоръ съ мальчикомъ нѣсколько успокоилъ меня, но не надолго. Пашка, замѣтивъ мое безпокойство, устремилъ свои большіе глаза на огонекъ, поглядѣлъ еще разъ на меня, потомъ опять на огонекъ...

— Мнѣ страшно!—прошепталъ онъ.

Тутъ ужъ, не помня себя отъ страха, я обхватилъ мальчика одной рукой, прижался къ нему и сильно ударилъ по лошади.

— Глупо!—говорилъ я себѣ.—Это явленіе страшно только потому, что непонятно... Все непонятное таинственно и потому странно.

Я убѣждалъ себя и въ то же время не переставалъ стегать по лошади. Приѣхавъ на почтовую станцію, я нарочно проболталъ со смотрителемъ цѣлый часъ, прочелъ двѣ-три газеты, но безпокойство все еще не покидало меня. На обратномъ пути огонька уже не было, но зато силуэты избъ, тополей и гора, на которую пришлось вѣзжать, казались мнѣ одушевленными. А отчего былъ тотъ огонекъ, до сихъ поръ я не знаю.

Другой страхъ, пережитый мною, былъ вызванъ не менѣе ничтожнымъ обстоятельствомъ... Я возвращался со свиданія. Былъ часъ ночи—время, когда природа обыкновенно погружена въ самый крѣпкій и самый сладкій, предутренній сонъ. Въ этотъ же разъ природа не спала, и ночь нельзя было назвать тихой. Кричали коростели, перепелы, соловьи, кулички, трещали сверчки и медвѣдки. Надъ травой носился легкій туманъ, а на небѣ мимо луны куда-то безъ оглядки бѣжали облака. Не спала природа, точно боялась проспять лучшія мгновенія своей жизни.

Я шель по узкой тропинкѣ у самаго края желѣзнодорожной насыпи. Лунный свѣтъ скользилъ по рельсамъ, на которыхъ уже лежала роса. Большія тѣни отъ облаковъ то и дѣло пробѣгали по насыпи. Далеко впереди покойно горѣлъ тусклый, зеленый огонекъ.

«Значить, все благополучно»...—думалъ я, глядя на него.

На душѣ у меня было тихо, покойно и благополучно. Шель я со свиданія, спѣшить мнѣ было некуда, спать не хотѣлось, а здоровье и молодость чувствовались въ каждомъ вздохѣ, въ каждомъ моемъ шагѣ, глухо раздававшемся въ однообразномъ гулѣ ночи. Не помню, что я тогда чувствовалъ, но помню, что мнѣ было хорошо, очень хорошо!

Пройдя не больше версты, я вдругъ услышалъ позади себя однозвучный, похожий на журчанье большого ручья, рокотъ. Съ каждой секундой онъ становился все громче и громче и слышался все ближе и ближе. Я оглянулся: въ ста шагахъ отъ меня темнѣла роща, изъ которой я только-что вышелъ; тамъ насыпь красивымъ полукругомъ поворачивала направо и исчезала въ деревьяхъ. Я остановился въ недоумѣніи и сталъ ждать. Тотчасъ же на поворотѣ показалось большое, черное тѣло, которое съ шумомъ понеслось по направленію ко мнѣ и съ быстротою птицы пролетѣло возлѣ меня, по рельсамъ. Прошло меньше чѣмъ полминуты, и пятно исчезло, рокотъ смѣшался съ гуломъ ночи.

Это былъ обыкновенный товарный вагонъ. Самъ по себѣ онъ не представлялъ ничего особеннаго, но появленіе его одного, безъ локомотива, да еще ночью, меня озадачило. Откуда онъ могъ взяться и какія силы мчали его съ такой страшной быстротой по рельсамъ? Откуда и куда онъ летѣлъ?

Будь я съ предрасудками, я порѣшилъ бы, что это черти и вѣдьмы покатали на шабашъ, и пошелъ бы далѣе, но теперь это явленіе было для меня рѣшительно необъяснимо. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ и путался въ догадкахъ, какъ муха въ паутинѣ...

Я вдругъ почувствовалъ, что я одиночекъ, одинъ какъ перстъ на всемъ громадномъ пространствѣ, что ночь, которая казалась уже нелюдимой, засматриваетъ мнѣ въ лицо и сторожитъ мои шаги; всѣ звуки, крики птицъ и шопотъ деревьевъ казались уже зловѣщими, существующими только

для того, чтобы пугать мое воображение. Я, как сумасшедший, рванулся съ мѣста и, не отдавая себѣ отчета, побѣжалъ, стараясь бѣжать быстрѣй и быстрѣй. И тотчасъ же я услышалъ то, на что раньше не обращалъ вниманія, а именно жалобный стонъ телеграфныхъ проволокъ.

— Чортъ знаетъ что!—стыдилъ я себя.—Это малодушіе, глупо!..

Но малодушіе сильнѣе здраваго смысла. Я укоротилъ свои шаги только, когда добѣжалъ до зеленого огонька, гдѣ увидѣлъ темную желѣзнодорожную будку и возлѣ нея на насыпи человѣческую фигуру, вѣроятно, сторожа.

— Ты видѣлъ?—спросилъ я, задыхаясь.

— Кого? Чаво ты?

— Тутъ вагонъ пробѣжалъ!..

— Видалъ...—проговорилъ мужикъ нехотя.—Отъ товарнаго поѣзда оторвался. На сто двадцать первой верстѣ уклонъ... на гору поѣздъ тащить. Цѣпи въ заднемъ вагонѣ не выдержали, ну, онъ оторвался и назадъ... Поди теперь, догоняй!

Странное явленіе было объяснено и фантастичность его исчезла. Страхъ пропалъ, и я могъ продолжать путь дальше.

Третій хорошій страхъ мнѣ пришлось испытать, когда я однажды ранней весною возвращался съ тяги. Были вечернія сумерки. Лѣсная дорога была покрыта лужами отъ только-что бывшаго дождя, и почва всхлипывала подъ ногами. Багровая заря сквозила черезъ весь лѣсъ, крася бѣлые стволы березъ и молодую листву. Я былъ утомленъ и едва двигался.

Верстахъ въ 5—6 отъ дома, проходя лѣсной дорогой, я неожиданно встрѣтился съ большой черной собакой изъ породы водолазовъ. Пробѣгая мимо, песь пристально посмотрѣлъ на меня, прямо мнѣ въ лицо, и побѣжалъ дальше.

«Хорошая собака...—подумалъ я:—чья она?».

Я оглянулся. Песь стоялъ въ десяти шагахъ и не отрывалъ глазъ отъ меня. Минуту мы, молча, разсматривали другъ друга, затѣмъ песь, вѣроятно польщенный моимъ вниманіемъ, медленно подошелъ ко мнѣ и замахалъ хвостомъ...

Я пошелъ дальше. Песь за мной.

«Чья эта собака?—спрашивалъ я себя.—Откуда?»

За 30—40 верстъ я зналъ всѣхъ помѣщиковъ и зналъ

ихъ собакъ. Ни у одного изъ нихъ не было такого водолаза. Откуда же онъ могъ взяться здѣсь въ глухомъ лѣсу, на дорогѣ, по которой никто никогда не вѣдиль и только возили дрова? Отстать отъ какого-нибудь проѣзжаго онъ едва ли могъ, потому что по этой дорогѣ проѣзжать барамъ было некуда.

Я сѣлъ на пень отдохнуть и началъ разсматривать своего спутника. Онъ тоже сѣлъ, поднялъ голову и устремилъ на меня пристальный взоръ... Онъ глядѣлъ и не моргалъ. Не знаю, подъ вліяніемъ ли тишины, лѣсныхъ тѣней и звуковъ, или, быть-можетъ, вслѣдствіе утомленія, отъ пристальнаго взгляда обыкновенныхъ собачьихъ глазъ мнѣ стало вдругъ жутко. Я вспомнилъ про Фауста и его бульдога и про то, что нервные люди иногда вслѣдствіе утомленія бываютъ подвержены галлюцинаціямъ. Достаточно было этого, чтобы я быстро поднялся и быстро пошелъ дальше. Водолазъ за мной...

— Пошелъ прочь!—крикнулъ я.

Псу, вѣроятно, понравился мой голосъ, потому что онъ весело подпрыгнулъ и побѣжалъ впереди меня.

— Пошелъ прочь!—крикнулъ я еще разъ.

Несъ оглянувся, пристально поглядѣлъ на меня и весело замахалъ хвостомъ. Очевидно, его забавлялъ мой грозный тонъ. Мнѣ бы слѣдовало приласкать его, но Фаустовскій бульдогъ не выходилъ изъ моей головы, и чувство страха становилось все острѣй и острѣй... Наступали потемки, которыя меня окончательно смутили, и я всякій разъ, когда несъ подбѣгалъ ко мнѣ и билъ меня своимъ хвостомъ, малодушно закрывалъ глаза. Повторилась та же исторія, что съ огонькомъ въ колокольнѣ и съ вагономъ: я не выдержалъ и побѣжалъ...

Дома у себя я засталъ гостя, стараго пріятеля, который, поздоровавшись, началъ мнѣ жаловаться, что пока онъ вѣхалъ ко мнѣ, то заблудился въ лѣсу, и у него отстала хорошая дорогая собака.

ПОСЛѢ ТЕАТРА.

Надя Зеленина, вернувшись съ мамой изъ театра, гдѣ давали «Евгенія Онѣгина», и придя къ себѣ въ комнату, быстро сбросила платье, распустила косу и въ одной юбкѣ и въ бѣлой кофточкѣ поскорѣе сѣла за столъ, чтобы написать такое письмо, какъ Татьяна.

«Я люблю васъ,—написала она:—но вы меня не любите, не любите!».

Написала и засмѣялась.

Ей было только шестнадцать лѣтъ и она еще никого не любила. Она знала, что ее любятъ офицеръ Горный и студентъ Груздевъ, но теперь, послѣ оперы, ей хотѣлось сомнѣваться въ ихъ любви. Быть нелюбимой и несчастной—какъ это интересно! Въ томъ, когда одинъ любить больше, а другой равнодушенъ, есть что-то красивое, трогательное и поэтическое. Онѣгинъ интересенъ тѣмъ, что совсѣмъ не любитъ, а Татьяна очаровательна, потому что очень любить, и если бы они одинаково любили другъ друга и были счастливы, то, пожалуй, показались бы скучными.

«Перестаньте же увѣрять, что вы меня любите,—продолжала Надя писать, думая объ офицерѣ Горномъ.—Повѣрить вамъ я не могу. Вы очень умны, образованы, серьезны, у васъ громадный талантъ и, быть-можетъ, васъ ожидаетъ блестящая будущность, а я неинтересная, ничтожная дѣвушка, и вы сами отлично знаете, что въ вашей жизни я буду только помѣхой. Правда, вы увлеклись мною и вы думали, что встрѣтили во мнѣ вашъ идеалъ, но это была ошибка, и вы теперь уже спрашиваете себя въ отчаяніи: зачѣмъ я встрѣтилъ эту дѣвушку? И только ваша доброта мѣшаетъ вамъ сознаться въ этомъ!..»

Надѣ стало жаль себя, она заплакала и продолжала:

«Мнѣ тяжело оставить маму и брата, а то бы я надѣла

монашескую рясу и ушла, куда глаза глядятъ. А вы бы стали свободны и полюбили другую. Ахъ, если бы я умерла!»

Сквозь слезы нельзя было разобрать написаннаго: на столѣ, на полу и на потолкѣ дрожали короткія радуги, какъ будто Надя смотрѣла сквозь призму. Писать было нельзя, она откинулась на спинку кресла и стала думать о Горномъ.

Боже мой, какъ интересны, какъ обаятельны мужчины! Надя вспомнила, какое прекрасное выраженіе, заискивающее, виноватое и мягкое, бываетъ у офицера, когда съ нимъ спорять о музыкѣ, и какія при этомъ онъ дѣлаетъ усилія надъ собой, чтобы его голосъ не звучалъ страстно. Въ обществѣ, гдѣ холодное высокомеріе и равнодушіе слагаются признакомъ хорошаго воспитанія и благороднаго нрава, слѣдуетъ прятать свою страсть. И онъ прячетъ, но это ему не удается, и всѣ отлично знаютъ, что онъ страстно любитъ музыку. Безконечные споры о музыкѣ, смѣлая сужденія людей не понимающихъ—держатъ его въ постоянномъ напряженіи, онъ налуганъ, робокъ, молчаливъ. Играетъ онъ на роялѣ великолѣпно, какъ настоящій пианистъ, и если бы онъ не былъ офицеромъ, то навѣрное былъ бы знаменитымъ музыкантомъ.

Слезы высохли на глазахъ. Надя вспомнила, что Горный объяснялся ей въ любви въ симфоническомъ собраніи и потомъ внизу около вѣшалокъ, когда со всѣхъ сторонъ дулъ сквозной вѣтеръ.

«Я очень рада, что вы, наконецъ, познакомились со студентомъ Груздевымъ,—продолжала она писать.—Онъ очень умный человекъ и вы навѣрное его полюбите. Вчера онъ былъ у насъ и просидѣлъ до двухъ часовъ. Всѣ мы были въ восторгѣ и я жалѣла, что вы не приѣхали къ намъ. Онъ говорилъ много замѣчательнаго».

Надя положила на столъ руки и склонила на нихъ голову, и ея волосы закрыли письмо. Она вспомнила, что студентъ Груздевъ тоже любитъ ее и что онъ имѣетъ такое же право на ея письмо, какъ и Горный. Въ самомъ дѣлѣ, не написать ли лучше Груздеву? Безъ всякой причины въ груди ея шевельнулась радость: сначала радость была маленькая и каталась въ груди, какъ резиновый мячикъ, потомъ она стала шире, больше и хлынула, какъ вода. Надя

уже забыла про Горнаго и Груздева, мысли ея путались, а радость все росла и росла, изъ груди она пошла въ руки и въ ноги, и казалось, будто легкій прохладный вѣтерокъ подулъ на голову и зашевелилъ волосами. Плечи ея задрожали отъ тихаго смѣха, задрожалъ и столъ, и стекло на лампѣ, и на письмо брызнули изъ глазъ слезы. Она была не въ силахъ остановить этого смѣха и, чтобы показать самой себѣ, что она смѣется не безъ причины, она спѣшила вспомнить что-нибудь смѣшное.

— Какой смѣшной пудель!—проговорила она, чувствуя, что ей становится душно отъ смѣха.—Какой смѣшной пудель!

Она вспомнила, какъ Груздевъ вчера послѣ чаю шалилъ съ пуделемъ Максимомъ и потомъ рассказалъ про одного очень умиаго пуделя, который погнался на дворѣ за ворономъ, а воронъ оглянулся на него и сказалъ:

— Ахъ, ты, мошенникъ!

Пудель, не знавшій, что онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ ворономъ, страшно сконфузился и отступилъ въ недоумѣніи, потомъ сталъ лаять.

— Нѣтъ, буду лучше любить Груздева,—рѣшила Надя и разорвала письмо.

Она стала думать о студентѣ, объ его любви, о своей любви, но выходило такъ, что мысли въ головѣ расплывались и она думала обо всемъ: о мамѣ, объ улицѣ, о карандашѣ, о роялѣ... Думала она съ радостью и находила, что все хорошо, великолѣпно, а радость говорила ей, что это еще не все, что немного погода будетъ еще лучше. Скоро весна, лѣто, ѣхать съ мамой въ Горбики, пріѣдетъ въ отпускъ Горный, будетъ гулять съ нею по саду и ухаживать. Пріѣдетъ и Груздевъ. Онъ будетъ играть съ нею въ крокетъ и въ кегли, рассказывать ей смѣшныя, или удивительныя вещи. Ей страстно захотѣлось сада, темноты, чистаго неба, звѣздъ. Опять ея плечи задрожали отъ смѣха, и показалось ей, что въ комнатѣ запахло полыньию и будто въ окно ударила вѣтка.

Она пошла къ себѣ на постель, сѣла и, не зная, что дѣлать со своею большою радостью, которая томила ее, смотрѣла на образъ, висѣвшій на спинкѣ ея кровати, и говорила:

— Господи! Господи! Господи!

НЕНАСТЬЕ.

Въ темныя окна стучали крупныя дождевыя капли. Это былъ одинъ изъ тѣхъ противныхъ дачныхъ дождей, которые, обыкновенно, разъ начавшись, тянутся долго, по недѣлямъ, пока озябнувшій дачникъ, привыкнувъ, не погружается въ совершенную апатію. Было холодно, чувствовалась рѣзкая, непріятная сырость. Теща присяжнаго повѣреннаго Квашина и его жена, Надежда Филипповна, одѣтая въ ватерпруфы и шали, сидѣли въ столовой за обѣденнымъ столомъ. На лицѣ старухи было написано, что она, слава Богу, сыта, одѣта, здорова, выдала единственную дочку за хорошаго человѣка и теперь со спокойною совѣстью можетъ раскладывать пасьянсъ; дочь ея, небольшая, полная блондинка лѣтъ двадцати, съ кроткимъ, малокровнымъ лицомъ, поставивъ локти на столъ, читала книгу; судя по глазамъ, она не столько читала, сколько думала свои собственныя мысли, которыхъ не было въ книгѣ. Обѣ молчали. Слышался шумъ дождя и изъ кухни доносились протяжные зѣвки кухарки.

Самого Квашина не было дома. Въ дождливые дни онъ не пріѣзжалъ на дачу, оставался въ городѣ; сырая дачная погода дурно вліяла на его бронхитъ и мѣшала работать. Онъ держался того мнѣнія, что видъ сѣраго неба и дождевыя слезы на окнахъ отнимають энергію и нагоняють хандру. Въ городѣ же, гдѣ больше комфорта, ненастье почти не замѣтно.

Послѣ двухъ пасьянсовъ старуха смѣшала карты и взглянула на дочь.

— Я загадывала, будетъ ли завтра хорошая погода и пріѣдетъ ли нашъ Алексѣй Степанычъ, — сказала она. —

Ужъ пятый день, какъ его нѣтъ... Наказаль Богъ погодой...

Надежда Филипповна равнодушно поглядѣла на мать, встала и прошла изъ угла въ уголь.

— Вчера барометръ поднимался,—сказала она въ раздумьѣ:—а сегодня, говорятъ, опять падаетъ!

Старуха разложила карты въ три длинныхъ ряда и почала головой.

— Соскучилась?—спросила она, взглянувъ на дочь.

— Конечно!

— То-то я вижу. Какъ не соскучиться? Ужъ пятый день его нѣтъ. Бывало, въ маѣ, самое большое два дня, ну три, а теперь—шутка ли?—пятый день! Я ему не жена и то соскучилась. А вчера, какъ сказали мнѣ, что барометръ поднимается, я для него, для Алексѣя Степаныча-то, велѣла цыпленка зарѣзать и карасей почистить. Любитъ онъ. Покойный твой отецъ видѣть рыбы не могъ, а онъ любитъ. Всегда съ аппетитомъ кушаетъ.

— У меня за него сердце болитъ,—сказала дочь.—Намъ скучно, а вѣдь ему, мама, еще скучнѣе.

— Еще бы! День-денской по судамъ, а ночью, какъ сычъ, одинъ въ пустой квартирѣ.

— И что ужасно, мама, онъ тамъ одинъ, безъ прислуги, некому самоваръ поставить или воды подать. Почему бы не нанять на лѣтніе мѣсяцы лакея? Да и вообще къ чему эта дача, если онъ не любитъ? Говорила ему—не нужно, такъ нѣтъ. «Для твоего, говорить, здоровья». А какое мое здоровье? Я и болѣю-то оттого, что онъ изъ-за меня такіа мѹки терпитъ.

Глядя черезъ плечо матери, дочь замѣтила ошибку въ пасьянсѣ, нагнулась къ столу и стала поправлять. Наступило молчаніе. Обѣ глядѣли въ карты и воображали себѣ, какъ ихъ Алексѣй Степанычъ одинъ-одинешенекъ сидитъ теперь въ городѣ, въ своемъ мрачномъ, пустомъ кабинетѣ и работаетъ, голодный, утомленный, тоскующій по семьѣ...

— А знаешь что, мама?—сказала вдругъ Надежда Филипповна, и глаза ея засвѣтились.—Если завтра будетъ такая же погода, то я съ утреннимъ поѣздомъ поѣду къ нему въ городъ! По крайней мѣрѣ я хоть объ его здоровьѣ узнаю, погляжу на него, чаемъ его напою.

И обѣ стали удивляться, какъ эта мысль, такая простая и легко исполнимая, раньше не приходила имъ въ голову.

До города всего полчаса ѣзды, да потомъ на извозчикѣхъ минутъ двадцать. Онѣ поговорили еще немного и, довольныя, легли спать, вмѣстѣ въ одной комнатѣ.

— Охо-хо-хо... Господи, прости насъ грѣшныхъ!—вдохнула старуха, когда часы въ залѣ пробили два.—Не спится!

— Ты не спишь, мама?—спросила дочь шопотомъ.—А я все объ Алениѣ думаю. Какъ бы онъ своего здоровья не испортилъ въ городѣ! Обѣдаетъ онъ и завтракаетъ Богъ знаетъ гдѣ, въ ресторанахъ да въ трактирахъ.

— Я и сама объ этомъ думала,—вдохнула старуха.— Спаси и сохрани, Царица Небесная. А дождь-то, дождь!

Утромъ дождь уже не стучалъ въ окна, но небо по-вчерашнему было сѣро. Деревья стояли печальныя и при каждомъ налетѣ вѣтра сыпали съ себя брызги. Слѣды человѣческихъ ногъ на грязныхъ тропинкахъ, канавки и колесы были полны воды. Надежда Филипповна рѣшила ѣхать.

— Кланяйся же ему, — говорила старуха, укутывая дочь.— Скажи, чтобъ не очень-то по своимъ судамъ... И отдохнуть надо. Пускай, когда на улицу выходить, шею кутаешь: погода—спаси Богъ! Да возьми ему туда цыпленка; домашнее хоть и холодное, а все же лучше, чѣмъ въ трактирѣ.

Дочь уѣхала, сказавъ, что вернется съ вечернимъ поѣздомъ или завтра утромъ.

Но вернулась она гораздо раньше, передъ обѣдомъ, когда старуха сидѣла у себя въ спальнѣ на сундукѣ и, подремывая, придумывала, что бы такое изжарить къ вечеру для зятя.

Дочь, войдя къ ней въ комнату, блѣдная, разстроенная, и не сказавъ ни слова, не снимая шляпы, опустилась на постель и прислонилась головой къ подушкѣ.

— Да что съ тобой?—изумилась старуха.—Отчего такъ скоро? Алексѣй Степанычъ гдѣ?

Надежда Филипповна подняла голову и сухими, умоляющими глазами поглядѣла на мать

— Онъ обманываетъ насъ, мама!—проговорила она.

— Да что ты, Христось съ тобой!—испугалась старуха, и съ ея головы сползъ чепецъ.—Кто станетъ насъ съ тобой обманывать? Помилуй, Господи!

— Онъ обманываетъ насъ, мама!—повторила дочь, и подбородокъ у нея задрожалъ.

— Откуда ты взяла?—крикнула старуха, блѣднѣя.

— Наша квартира заперта. Дворникъ говоритъ, что въ эти пять дней Алеша ни разу домой не приходилъ. Онъ не дома живеть! Не дома! Не дома!

Она замахала руками и громко заплакала, произнося только:

— Не дома! Не дома!

Съ нею сдѣлалась истерика.

— Что же это такое?—бормотала старуха въ ужасѣ.— Вѣдь онъ же писалъ третьяго дня, что изъ дому не выходить! Ночуетъ онъ гдѣ? Святители-угодики!

Надежда Филипповна ослабѣла и не могла даже снять съ себя шляпу. Точно ей дали дурману, она бессмысленно поводила глазами и судорожно хватала мать за руки.

— Нашла кому повѣрить: дворнику!—говорила старуха, суетясь около дочери и плача.—Экая ревнивая! Не станеть онъ обманывать... Да и какъ онъ смѣеть обманывать? Развѣ мы какія-нибудь? Мы хоть и купческаго званія, а онъ не имѣеть права, потому что ты ему законная жена! Мы жаловаться можемъ! Я за тобой двадцать тысячъ дала! Ты не безприданница!

И старуха сама разрыдалась и махнула рукой, и тоже ослабѣла, и легла на свой сундукъ. Обѣ онѣ не замѣтили, какъ на небѣ показались голубыя пятна, раздѣлились облака, какъ въ саду по мокрой травѣ осторожно скользнулъ первый лучъ, какъ повеселѣвшіе воробьи залпрыгали около лужъ, въ которыхъ отражались бѣгущія облака.

Къ вечеру пріѣхалъ Квашинъ. Передъ выѣздомъ изъ города онъ побывалъ у себя на квартирѣ и узналъ отъ дворника, что въ его отсутствіе пріѣзжала жена.

— А вотъ и я!—сказалъ онъ весело, входя въ комнату тещи и дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ заплаканныхъ, суровыхъ лицъ.—А вотъ и я! Пять сутокъ не видались!

Онъ быстро поцѣловалъ руки женѣ и тещѣ и, съ видомъ человѣка, который радъ, что покончилъ съ тяжелой работой, повалился въ кресло.

— Уфъ!—сказалъ онъ, выпуская изъ легкихъ весь воздухъ.—То-есть, вотъ какъ замучился! Едва сижу! Почти пять сутокъ... день и ночь жилъ, какъ на бивуакахъ! На квартирѣ ни разу не былъ, можете себѣ представить! Все

время возился съ конкурсомъ Шинунова и Иванчикова, пришлось работать у Галдѣева, въ его конторѣ, при магазинѣ... Не ѣлъ, не пилъ, спалъ на какой-то скамейкѣ, весь иззябъ... Минуты свободной не было, некогда было даже у себя на квартирѣ побывать. Такъ, Надюша, я и не былъ дома...

И Квашинъ, держась за бока, точно у него отъ работы болѣла поясница, искоса поглядѣлъ на жену и тещу, чтобы узнать, какъ подѣйствовала его ложь, или, какъ онъ самъ называлъ, дипломатія. Теща и жена поглядывали другъ на друга съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто нежданно-негаданно нашли драгоценность, которую потеряли... Лица у нихъ сіяли, глаза горѣли...

— Голубчикъ ты мой,—заговорила теща, вскакивая:— что же это я сижу? Чаю! Скорѣй чаю! Можетъ, ѣсть хочешь?

— Конечно, хочеть!—сказала жена, срывая съ своей головы платокъ, смоченный въ уксусъ.—Мама, подавайте скорѣй вино и закуску! Наталья, собирай на столъ! Ажъ, Боже мой, ничего не готово!

И обѣ, испуганныя, счастливыя, засуетились, забѣгали по комнатамъ. Старуха не могла уже безъ смѣха глядѣть на дочь, которая оклеветала ни въ чемъ неповиннаго человѣка, а дочери было совѣстно...

Скоро столъ былъ накрытъ. Квашинъ, отъ котораго нахло мадерой и ликерами, и который еле дышалъ отъ сытости, жаловался на голодъ, насильно жевалъ и все говорилъ про конкурсъ Шинунова и Иванчикова, а жена и теща не отрывали глазъ отъ его лица и думали:

«Какой онъ у насъ умный, ласковый! Какой онъ красивый!»

«Важно!—думалъ Квашинъ, ложась послѣ ужина на большую, пухлую перину.—Хоть и кучихи онъ, хоть Азія, а все же есть своеобразная прелесть, и день-два въ недѣлю можно провести здѣсь со вкусомъ...»

Онъ укрылся, согрѣлся и проговорилъ, засыная:

— Важно!

ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ.

У регента соборной церкви Градусова сидѣлъ адвокатъ Калякинъ и, вертя въ рукахъ повѣстку отъ мирового на имя Градусова, говорилъ:

— Что ни говорите, Досифей Петровичъ, а вы вповагы-сь. Я уважаю васъ, цѣню ваше расположеніе, но при всемъ томъ съ прискорбіемъ долженъ вамъ замѣтить, что вы были неправы. Да-сь, неправы. Вы оскорбили моего кліента Деревяшкина... Ну, за что вы его оскорбили?

— Кой чортъ его оскорблялъ?—горячился Градусовъ, высокій старикъ съ узкимъ, мало обѣщающимъ лбомъ, густыми бровями и съ бронзовой медалькой въ петлицѣ.—Я ему только мораль нравственную прочелъ, только! Дураковъ нужно учить! Ежели дураковъ не учить, то тогда отъ нихъ прохода не будетъ.

— Но, Досифей Петровичъ, вы ему не наставленіе прочли. Вы, какъ заявляетъ онъ въ своемъ прошеніи, публично тыкали на него, называли его осломъ, мерзавцемъ и тому подобное... и даже разъ подняли руку, какъ бы желая нанести ему оскорбленіе дѣйствіемъ.

— Какъ же его не бить, ежели онъ того стѣдитъ? Не понимаю!

— Но поймите же, что вы не имѣете на это никакого права!

— Я не имѣю права? Ну, ужъ это извините-сь... Подите

кому другому рассказывайте, а меня не морочьте, сдѣлайте милость. Онъ у меня послѣ того, какъ его изъ архіерейскаго хора честью по шеѣ попросили, въ моемъ хорѣ десять лѣтъ прослужилъ. Я ему благодѣтель, ежели желаете знать. Ежели онъ сердится, что я его изъ хора прогналъ, то самъ же онъ виноватъ. Я его за философію прогналъ. Философствовать можетъ только образованный человѣкъ, который курсъ кончилъ, а ежели ты дуракъ, не высокаго ума, то ты сиди себѣ въ уголку и молчи... Молчи да слушай, какъ умные говорятъ, а онъ, болванъ, бывало такъ и норовить, чтобъ что-нибудь этакое запустить. Тутъ спѣвка, или обѣдня идетъ, а онъ про Бисмарка, да про разныхъ тамъ Гладстоновъ. Вѣрите ли, газету, каналья, выписывалъ! А сколько разъ я его за русско-турецкую войну по зубамъ билъ, такъ вы себѣ представить не можете! Тутъ нужно пѣть, а онъ наклонится къ тенорамъ, да и давай имъ рассказывать про то, какъ наши динамитомъ турецкій броненосецъ «Люфти-Джелиль» взорвали... Нешто это порядокъ? Конечно, пріятно, что наши побѣдили, но изъ этого не слѣдуетъ, что пѣть не надо... Можешь и послѣ обѣдни поговорить. Свинья, однимъ словомъ.

— Стало-быть, вы и прежде его оскорбляли!

— Прежде онъ и не обижался. Чувствовалъ, что я это для его же пользы, понималъ!.. Зналъ, что старшимъ и благодѣтелямъ грѣхъ прекословить, а какъ въ полицію въ писаря поступилъ—ну, и шабашъ, зазнался, пересталъ понимать. «Я, говоритъ, теперь не пѣвчій, а чиновникъ. На коллежскаго регистратора, говоритъ, экзамень держать буду». Ну, и дуракъ, говорю... Поменьше бы ты, говорю, философію разводилъ, да почаще бы носъ утиралъ, такъ это лучше было бы, чѣмъ о чинахъ думать. Тебѣ, говорю, не чины свойственны, а убожество. И слушать не хочетъ! Да вотъ хоть бы взять этотъ случай,—за что онъ на меня мировому подалъ? Ну, не хамово ли отродье? Сижу я въ трактирѣ Самоплюева и съ нашимъ церковнымъ старостой чай пью. Публики тьма, ни одного свободнаго мѣста... Гляжу, и онъ сидитъ тутъ же, со своими писарями пиво трескаетъ. Франтъ такой, морду поднялъ, оретъ... руками размахиваетъ... Прислушиваюсь—про холеру говоритъ... Ну, что вы съ нимъ тутъ подѣлаете? Философствуетъ! Я, знаете ли, молчу, терплю... Болтай, думаю, болтай... Языкъ безъ костей... Вдругъ

па бѣду машина заиграла... Расчувствовался онъ, хамъ, поднялся и говорить своимъ пріятелямъ: «Вышьемъ, говорить, за процвѣтаніе! Я, говорить, сынъ своего отечества и славянофиль своей родины! Положу свою единственную грудь! Выходите, враги, на одну руку! Кто со мной не согласенъ, того я желаю видѣть!» И какъ стукнетъ кулакомъ по столу! Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ... Подхожу къ нему и говорю деликатно: Послушай, Осипъ... Ежели ты, свинья, ничего не понимаешь, то лучше молчи и не разсуждай. Образованный человѣкъ можетъ умствовать, а ты смирись. Ты тля, пепель... Я ему слово, онъ мнѣ десять... Пошло и пошло... Я ему, конечно, на пользу, а онъ по глузости... Обидѣлся—вотъ и подаль мировому...

— Да,—вздыхнулъ Калякинъ.—Плохо... Изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ и чортъ знаетъ что вышло. Человѣкъ вы семейный, уважаемый, а тутъ судъ этотъ, разговоры, перетолки, арестъ... Покончить это дѣло нужно, Досифей Петровичъ. Есть у васъ одинъ выходъ, на который соглашается и Деревяшкінъ. Вы пойдете сегодня со мной въ трактиръ Самоплюева въ шесть часовъ, когда собираются тамъ писаря, актеры и прочая публика, при которой вы оскорбили его, и извинитесь передъ нимъ. Тогда онъ возьметъ свое прошеніе назадъ. Поняли? Полагаю, что вы согласитесь, Досифей Петровичъ... Говорю вамъ, какъ другу... Вы оскорбили Деревяшкина, осрамили его, а главное заподозрили его похвальныя чувства и даже... профанировали эти чувства. Въ наше время, знаете ли, нельзя такъ. Надо поосторожнѣй. Вашимъ словамъ приданъ оттѣнокъ этакій, какъ бы вамъ сказать, который въ наше время, однимъ словомъ, не того... Сейчасъ безъ четверти шесть... Угодно вамъ идти со мной?

Градусовъ замоталъ головой, но когда Калякинъ нарисовалъ ему въ яркихъ краскахъ «оттѣнокъ», приданный его словамъ, и могущія быть отъ этого оттѣнка послѣдствія, Градусовъ струсиль и согласился.

— Вы, смотрите же, извинитесь, какъ слѣдуетъ, по формѣ,—училъ его адвокатъ по пути въ трактиръ.—Подойдите къ нему и на «вы»... «извините... беру свои слова назадъ» и прочее тому подобное.

Придя въ трактиръ, Градусовъ и Калякинъ нашли въ немъ цѣлое собраніе. Тутъ сидѣли купцы, актеры, чинов-

ники, полицейскіе писаря—вообще вся «шваль», имѣвшая обыкновеніе собираться въ трактирѣ по вечерамъ, пить чай и пиво. Между писарями сидѣлъ и самъ Деревяшкінъ, малый неопредѣленнаго возраста, бѣтый, съ большими но моргающими глазами, придавленнымъ носомъ и такими жесткими волосами, что, при взглядѣ на нихъ, являлось желаніе чистить сапоги... Его лицо было такъ счастливо устроено, что, разъ взглянувши на него, можно было узнать все: что онъ и пьяница, и поэтъ басомъ, и глупъ, но не настолько, чтобъ не считать себя очень умнымъ человѣкомъ. Увидѣвъ входящаго регента, онъ приподнялся и какъ котъ пошевелилъ усами. Сборище, повидимому предувѣдомленное о томъ, что будетъ публичное покаянiе, наострило уши.

— Вотъ... Господинъ Градусовъ согласенъ!—сказалъ Калыкинъ, входя.

Регентъ кое-съ-къмъ поздоровался, громко высморкался, покраснѣлъ и подошелъ къ Деревяшкіну.

— Извините...—забормоталъ онъ, не глядя на него и пряча въ карманъ платокъ.—При всемъ обществѣ беру свои слова назадъ.

— Извиняю!—пробасилъ Деревяшкінъ и, побѣдоносно взглянувъ на всю публику, сѣлъ.—Я удовлетворенъ! Господинъ адвокатъ, прошу прекратить мое дѣло!

— Я извиняюсь,—продолжалъ Градусовъ.—Извините... Не люблю неудовольствій... Хочешь, чтобъ я тебѣ «вы» говорилъ, изволь, буду... Хочешь, чтобъ я тебя за умнаго почиталъ, изволь... Миѣ наплевать... Я, братъ, не злопаятень. Шутъ съ тобой...

— Да вы позвольте-съ! Вы извиняйтесь, а не ругайтесь!

— Какъ же миѣ еще извиняться? Я извиняюсь! Только что вотъ не «выкнулъ», такъ это по забывчивости. Не на колѣннѣ же миѣ становиться... Извиняюсь и даже благодарю Бога, что у тебя хватило ума это дѣло прекратить. Миѣ некогда по судамъ шляться... Вѣкъ я не судился, судиться не буду и тебѣ не совѣтую... вамъ то-есть...

— Конечно! Не желаете ли выпить для санстефанскаго миру?

— И выпить можно... Только ты, братъ, Осипъ, свинья... Это я не то что ругаюсь, а такъ... къ примѣру... Свинья, братъ! Помнишь, какъ ты у меня въ ногахъ валялся, когда тебя изъ архіерейскаго хора по шеѣ? А? И ты смѣешь на

благодѣтеля жалобу подавать? Рыло ты, рыло! И тебѣ не стыдно? Господа посѣтители, и ему не стыдно?

— Позвольте-съ! Это опять выходитъ ругательство!

— Какое ругательство? Я тебѣ только говорю, насталяю... Помирился и въ послѣдній разъ говорю, я ругаться не думаю... Стану я съ тобой, съ лѣшимъ, связываться послѣ того, какъ ты на своего благодѣтеля жалобу подалъ! Да ну тебя къ чорту! И говорить съ тобой не желаю! А ежели я тебя сейчасъ свиньей нечаянно обозвалъ, такъ ты и есть свинья... Въмѣсто того, чтобъ за благодѣтеля вѣчно Бога молить, что онъ тебя десять лѣтъ кормилъ да нотамъ выучилъ, ты жалобу глупую подаешь, да разныхъ чертей-адвокатовъ подсылаешь.

— Позвольте же, Досифей Петровичъ,—обидѣлся Калякинъ.—Ие черти у васъ были, а я былъ!.. Поосторожнѣй, прошу васъ!

— Да нешто я про васъ? Ходите хоть каждый день, милости пресимъ. Только мнѣ удивительно, какъ это вы курсъ кончили, образованіе получили, а вмѣсто того, чтобъ этого нидюка наставлять, руку его держите. Да я бы его на вашемъ мѣстѣ въ острогъ сгноилъ! И потомъ, чего вы сердитесь? Вѣдь я извинялся? Чего же вамъ отъ меня еще нужно? Не понимаю! Господа посѣтители, вы будьте свидѣтелями, я извинялся, а извиняться въ другой разъ передъ какимъ-нибудь дуракомъ я не намѣренъ!

— Вы сами дуракъ!—прохрипѣвъ Осипъ и въ негодованіи ударилъ себя по груди.

— Я дуракъ? Я? И ты можешь мнѣ это говорить?..

Градусовъ побагровѣлъ и затрясся...

— И ты осмѣлился? На же тебѣ!.. И кромѣ того, что я тебѣ, подлецу, сейчасъ оплеуху далъ, я еще на тебя мировому подамъ! Я покажу тебѣ, какъ оскорблять! Господа, будьте свидѣтели! Господинъ околоточный, что же вы стоите тамъ и смотрите? Меня оскорбляютъ, а вы смотрите? Жалованье получаете, а какъ за порядкомъ смотрѣть, такъ и не ваше дѣло? А? Вы думаете, что на васъ и суда нѣтъ?

Къ Градусову подошелъ околоточный и—началась исторія.

Черезъ недѣлю Градусовъ стоялъ передъ мировымъ судьей и судился за оскорбленіе Деревлянкина, адвоката и околоточнаго надзирателя, при исполненіи послѣднимъ своихъ служебныхъ обязанностей. Сначала онъ не понималъ, истецъ

онъ, или обвиняемый, потомъ же, когда мировой приговорилъ его «по совокупности» къ двухмѣсячному аресту, то онъ горько улыбнулся и проворчалъ:

— Гм... Меня оскорбили, да я же еще и сидѣть долженъ... Удивленіе... Надо, господинъ мировой судья, по закону судить, а не умствуя. Ваша покойная маменька, Варвара Сергѣевна, дай ей Богъ царство небесное, такихъ, какъ Осипъ, съчъ приказывала, а вы имъ поблажку даете... Что жъ изъ этого выйдетъ? Вы ихъ, шельмовъ, оправдаете, другой оправдастъ... Куда же идти тогда жаловаться?

— Приговоръ можетъ быть обжалованъ въ двухнедѣльный срокъ... и прошу не разсуждать! Можете идти!

— Конечно... Иныче вѣдь на одно жалованье не проживешь,—проговорилъ Градусовъ и подмигнулъ значительно.— Поневолѣ, ежели кушать хочется, невиннаго въ кутузку засадишь... Это такъ... И винить нельзя...

— Что-съ?!

— Ничего-съ... Это я такъ... насчетъ хапень зи гевезень... Вы думаете, какъ вы въ золотой цѣпѣ, такъ на васъ и суда нѣтъ? Не безпокойтесь... Выведу на чистую воду!

Закипѣло дѣло «объ оскорбленіи судьи»; но вступился соборный протоіерей, и дѣло кое-какъ замяли.

Перенося свое дѣло въ сѣздъ, Градусовъ былъ убѣжденъ, что не только его оправдаютъ, но даже Осипа посадятъ въ острогъ. Такъ онъ думалъ и во время самаго разбирательства. Стоя передъ судьями, онъ велъ себя миролюбиво, сдержанно, не говоря лишнихъ словъ. Разъ только, когда предсѣдатель предложилъ ему съѣсть, онъ обидѣлся и сказалъ:

— Нешто въ законахъ написано, чтобъ регентъ рядомъ се своимъ пѣвчимъ сидѣлъ?

А когда сѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи, онъ прищурилъ глаза...

— Какъ-съ? Что-съ?—спросилъ онъ.—Это какъ же прикажете понимать-съ? Это вы о чемъ же-съ?

— Сѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи. Если вы недовольны, то можете подавать въ сенатъ.

— Такъ-съ. Чувствительно васъ благодаримъ, ваше превосходительство, за скорый и праведный судъ. Конечно, на

одно жалованье не проживешь, это я отлично понимаю, но извините-сь, мы и неподкупной судьи найдемъ.

Не стану приводить всего того, что Градусовъ наговорилъ съѣзду... Въ настоящее время онъ судится за «оскорбленіе съѣзда» и слушать не хочетъ, когда знакомые стараются объяснить ему, что онъ виноватъ... Онъ убѣжденъ въ своей невинности и вѣруеть, что рано или поздно ему скажутъ спасибо за открытыя имъ злоупотребленія.

— Ничего съ этимъ дуракомъ не подѣлаешь!—говоритъ соборный настоятель, безнадежно помахивая рукой. — Не понимаетъ!

БЪГЛЕЦЪ.

Это была длинная процедура. Сначала Пашка шелъ съ матерью подъ дождемъ, то по скошенному полю, то по лѣснымъ тропинкамъ, гдѣ къ его салогамъ лили желтые листья, шелъ до тѣхъ поръ, пока не разсвѣло. Потомъ онъ часа два стоялъ въ темныхъ сѣняхъ и ждалъ, когда отпрутъ дверь. Въ сѣняхъ было не такъ холодно и сыро, какъ на дворѣ, но при вѣтрѣ и сюда залетали дождевыя брызги. Когда сѣни мало-по-малу биткомъ набились народомъ, стиснутый Пашка припалъ лицомъ къ чьему-то тулупу, отъ котораго пахло сильно соленой рыбой, и вздремнулъ. Но вотъ щелкнула задвижка, дверь распахнулась, и Пашка съ матерью вошелъ въ пріемную. Тутъ опять пришлось долго ждать. Всѣ больные сидѣли на скамьяхъ, не шевелились и молчали. Пашка оглядывалъ ихъ и тоже молчалъ, хотя видѣлъ много страннаго и смѣшнаго. Разъ только, когда въ пріемную, подпрыгивая на одной ногѣ, вошелъ какой-то парень, Пашкѣ самому захотѣлось также попрыгать; онъ толкнулъ мать подъ локоть, прыснулъ въ рукавъ и сказалъ:

— Мама, гляди: воробей!

— Молчи, дѣтка, молчи!—сказала мать.

Въ маленькомъ окошечкѣ показался заспанный фельдшеръ.

— Подходи записываться!—пробасилъ онъ.

Всѣ, въ томъ числѣ и смѣшной подпрыгивающій парень, потянулись къ окошечку. У каждаго фельдшеръ спрашивалъ имя и отчество, лѣта, мѣстожителство, давно ли боленъ и

проч. Изъ отвѣтовъ своей матери Пашка узналъ, что зовутъ его не Пашкой, а Павломъ Галактионовымъ, что ему семь лѣтъ, что онъ не грамотенъ и боленъ съ самой Пасхи.

Вскорѣ послѣ записыванія нужно было ненадолго встать; черезъ пріемную прошелъ докторъ въ бѣломъ фартукѣ и подпоясанный полотенцемъ. Проходя мимо подпрыгивающаго парня, онъ пожалъ плечами и сказалъ пѣвучимъ тоноромъ:

— Ну, и дуракъ! Что жъ, развѣ не дуракъ? Я велѣлъ тебѣ яридти въ понедѣльникъ, а ты приходишь въ пятницу. По мнѣ хоть вовсе не ходи, но вѣдь, дуракъ этакой, нога пропадетъ!

Парень сдѣлалъ такое жалостное лицо, какъ будто собрался просить милостыню, заморгалъ и сказалъ:

— Сдѣлайте такую милость, Иванъ Николаичъ!

— Тутъ нечего—Иванъ Николаичъ!—передразнилъ докторъ. — Сказано въ понедѣльникъ, и надо слушаться. Дуракъ, вотъ и все...

Началась приемка. Докторъ сидѣлъ у себя въ комнаткѣ и выкликалъ больныхъ по очереди. То и дѣло изъ комнаты слышались пронзительные вопли, дѣтскій плачь, или сердитые возгласы доктора:

— Ну, что орешь? Рѣжу я тебя, что ли? Сиди смирно! Настала очередь Пашки.

— Павелъ Галактионовъ!—крикнулъ докторъ.

Мать обомлѣла, точно не ждала этого вызова, и, взявъ Пашку за руку, повела его въ комнатку. Докторъ сидѣлъ у стола и машинально стучалъ по толстой книгѣ молоточкомъ.

— Что болить?—спросилъ онъ, не глядя на вошедшихъ.

— У парнишки болячка на локтѣ, батюшка, — отвѣтила мать, и лицо ея приняло такое выраженіе, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ ужасно опечалена Пашкиной болячкой.

— Раздѣнь его!

Пашка, пыхтя, распуталъ на шеѣ платокъ, потомъ вытеръ рукавомъ носъ и сталъ не спѣша стаскивать тулупчикъ.

— Баба, не въ гости пришла! — сказалъ сердито докторъ.—Что возишься? Вѣдь ты у меня не одна тутъ.

Пашка торопливо сбросилъ тулупчикъ на землю и съ

помощью матери снялъ рубаху... Докторъ лѣниво поглядѣлъ на него и похлопалъ его по голому животу.

— Важное, братъ Пашка, ты себѣ пузо отростилъ, — сказалъ онъ и вздохнулъ.—Ну, показывай свой локоть.

Пашка покосился на тазъ съ кровяными помоями, поглядѣлъ на докторскій фартукъ и заплакалъ.

— Ме-е!—передразнилъ докторъ. — Женить пора баловника, а онъ реветъ! Безсовѣстный.

Стараясь не плакать, Пашка поглядѣлъ на мать, и въ этомъ его взглядѣ была написана просьба: «ты же не рассказывай дома, что я въ больницѣ плакалъ!»

Докторъ осмотрѣлъ его локоть, подавилъ, вздохнулъ, чмокнулъ губами, потомъ опять подавилъ.

— Бить тебя, баба, да некому, — сказалъ онъ.—Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то вѣдь пропадающая! Глядика-сь, дура, вѣдь это суставъ болитъ!

— Вамъ лучше знать, батюшка...—вздохнула баба.

— Батюшка... Сгноила парню руку, да теперь и батюшка. Какой онъ работникъ безъ руки? Вотъ вѣкъ цѣлый и будешь съ нимъ нянчиться. Небось, какъ у самой прыщъ на носу вскочить, такъ сейчасъ же въ больницу бѣжишь, а мальчишку полгода гноила. Все вы такія.

Докторъ закурилъ папироску. Пока папироска дымилась, онъ распекалъ бабу и покачивалъ головой въ тактъ пѣсни, которую напѣвалъ мысленно, и все думалъ о чемъ-то. Голый Пашка стоялъ передъ нимъ, слушалъ и глядѣлъ на дымъ. Когда же папироса потухла, докторъ встрепенулся и заговорилъ тономъ ниже:

— Ну, слушай, баба. Мазями да каплями тутъ не можешь. Падо его въ больницѣ оставить.

— Ежели нужно, батюшка, то почему не оставить?

— Мы ему операцію сдѣлаемъ. А ты, Пашка, оставайся.—сказалъ докторъ, хлопая Пашку по плечу.—Пусть мать ѣдетъ, а мы съ тобой, братъ, тутъ останемся. У меня, братъ, хорошо, разлили малина! Мы съ тобой, Пашка, вотъ какъ управимся, чижей пойдемъ ловить, я тебѣ лисицу покажу! Въ гости вмѣстѣ поѣдемъ! А? Хочешь? А мать за тобой завтра прѣдетъ! А?

Пашка вопросительно поглядѣлъ на мать.

— Оставайся, дѣтка!—сказала та.

— Остается, остается!—весело закричалъ докторъ. — И

толковать нечего! Я ему живую лисицу покажу! Поѣдемъ вмѣстѣ на ярмарку леденцы покупать! Марья Денисовна, сведите его наверхъ!

Докторъ, повидимому, веселый и покладистый малый, радъ былъ компаніи; Пашка захотѣлъ уважить его, тѣмъ болѣе, что отродясь не бывалъ на ярмаркѣ и охотно бы поглядѣлъ на живую лисицу, но какъ обойтись безъ матери? Подумавъ немного, онъ рѣшилъ попросить доктора остаться въ больницѣ и мать, но не успѣлъ онъ раскрыть рта, какъ фельдшерница уже вела его вверхъ по лѣстницѣ. Шелъ онъ и, разинувъ ротъ, глядѣлъ по сторонамъ. Лѣстница, полы и косяки—все громадное, прямое и яркое—были выкрашены въ великолѣпную желтую краску и издавали вкусный запахъ постнаго масла. Всюду висѣли лампы, тянулись половики, торчали въ стѣнахъ мѣдные краны. По больше всего Пашкѣ понравилась кровать, на которую его посадили, и сѣрое шершавое одѣяло. Онъ потрогалъ руками подушки и одѣяло, оглядѣлъ палату и рѣшилъ, что доктору живется очень недурно.

Палата была не велика и состояла только изъ трехъ кроватей. Одна кровать стояла пустой, другая была занята Пашкой, а на третьей сидѣлъ какой-то старикъ съ кислыми глазами, который все время кашлялъ и плевалъ въ кружку. Съ Пашкиной кровати видна была въ дверь часть другой палаты съ двумя кроватями: на одной спалъ какой-то очень блѣдный, тонкій человекъ съ каучуковымъ пузырькомъ на головѣ; на другой, разставивъ руки, сидѣлъ мужикъ съ повязанной головой, очень похожій на бабу.

Фельдшерница, усадивъ Пашку, вышла и немного погодя вернулась, держа въ охапкѣ кучу одежды.

— Это тебѣ,—сказала она.—Одѣвайся.

Пашка раздѣлся и не безъ удовольствія сталъ облачатся въ новое платье. Надѣвши рубаху, штаны и сѣрый халатикъ, онъ самодовольно оглядѣлъ себя и подумалъ, что въ такомъ костюмѣ недурно бы пройтись по деревнѣ. Его воображеніе нарисовало, какъ мать посылаетъ его на огородъ къ рѣкѣ нарвать для поросенка капустныхъ листьевъ; онъ идетъ, а мальчишки и дѣвчонки окружили его и съ завистью глядятъ на его халатикъ.

Въ палату вошла сидѣлка, держа въ рукахъ двѣ оловяч-

ныхъ миски, ложки и два куска хлѣба. Одну миску она поставила передъ старикомъ, другую — передъ Пашкой.

— Ышь! — сказала она.

Взглянувъ въ миску, Пашка увидѣлъ жирныя щи, а въ шахъ кусокъ мяса, и опять подумалъ, что доктору живется очень недурно и что докторъ вовсе не такъ сердитъ, какимъ показался сначала. Долго онъ ѣлъ щи, облизывая послѣ каждаго хлебка ложку, потомъ, когда, кромѣ мяса, въ мискѣ ничего не осталось, покосился на старика и позавидовалъ, что тотъ все еще хлебасть. Со вздохомъ онъ принялся за мясо, стараясь ѣсть его возможно дольше, но старанія его ни къ чему не привели: скоро исчезло и мясо. Остался только кусокъ хлѣба. Не вкусно ѣсть одинъ хлѣбъ безъ приправы, но дѣлать было нечего, Пашка подумалъ и съѣлъ хлѣбъ. Въ это время вошла сидѣлка съ новыми мисками. На этотъ разъ въ мискахъ было жаркое съ картофелемъ.

— А гдѣ же хлѣбъ-то? — спросила сидѣлка.

Вмѣсто отвѣта Пашка надулъ щеки и выдыхнулъ воздухъ.

— Ну, зачѣмъ сожралъ? — сказала укоризненно сидѣлка. — А съ чѣмъ же ты жаркое ѣсть будешь?

Она вышла и принесла новый кусокъ хлѣба. Пашка отродясь не ѣлъ жаренаго мяса и, испробовавъ его теперь, нашелъ, что оно очень вкусно. Исчезло оно быстро, и послѣ него остался кусокъ хлѣба больше, чѣмъ послѣ щей. Старикъ, пообѣдавъ, спряталъ свой оставшійся хлѣбъ въ столикъ; Пашка хотѣлъ сдѣлать то же самое, но подумалъ и съѣлъ свой кусокъ.

Навѣвшись, онъ пошелъ прогуляться. Въ сосѣдней палатѣ, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ дверь, находилось еще четыре человѣка. Изъ нихъ только одинъ обратилъ на себя его вниманіе. Это былъ высокій, крайне исхудалый мужикъ съ угрюмымъ волосатымъ лицомъ; онъ сидѣлъ на кровати и все время, какъ маятникомъ, кивалъ головой и махалъ правой рукой. Пашка долго не отрывалъ отъ него глазъ. Сначала маятникообразныя, мѣрныя киванія мужика казались ему курьезными, производимыми для всеобщей потѣхи, но когда онъ взглянулъ въ лицо мужика, ему стало жутко, и онъ понялъ, что этотъ мужикъ нестерпимо боленъ. Пройдя въ третью палату, онъ увидѣлъ двухъ мужиковъ съ темно-красными лицами, точно вымазанными глиной. Они

неподвижно сидѣли на кроватяхъ и со своими странными лицами, на которыхъ трудно было различить черты, походили на языческихъ божковъ.

— Тетка, зачѣмъ они такіе? — спросилъ Пашка у сидѣлки.

— У нихъ, парнишка, воспа.

Вернувшись къ себѣ въ палату, Пашка сѣлъ на кровать и сталъ дожидаться доктора, чтобы идти съ нимъ ловить чижей или ѣхать на ярмарку. Но докторъ не шелъ. Въ дверяхъ сосѣдней палаты мелькнулъ не надолго фельдшеръ. Онъ нагнулся къ тому больному, у котораго на головѣ лежалъ мѣшокъ со льдомъ, и крикнулъ:

— Михайло!

Спавшій Михайло не шевельнулся. Фельдшеръ махнулъ рукой и ушелъ. Въ ожиданіи доктора, Пашка осматривалъ своего сосѣда-старика. Старикъ, не переставая, кашлялъ и плевалъ въ кружку; кашель у него былъ протяжный, скрипучій. Пашкѣ понравилась одна особенность старика: когда онъ, кашляя, вдыхалъ въ себя воздухъ, то въ груди его что-то свистѣло и пѣло на разные голоса.

— Дѣдь, что это у тебя свиститъ?—спросилъ Пашка.

Старикъ ничего не отвѣтилъ. Пашка подождать немного и спросилъ:

— Дѣдь, а гдѣ лисица?

— Какая лисица?

— Живая.

— Гдѣ жъ ей быть? Въ лѣсу!

Прошло много времени, но докторъ все еще не являлся. Сидѣлка принесла чай и побранила Пашку за то, что онъ не оставилъ себѣ хлѣба къ чаю; приходилъ еще разъ фельдшеръ и принимался будить Михайлу; за окнами посинѣло, въ палатахъ зажглись огни, а докторъ не показывался. Было уже поздно ѣхать на ярмарку и ловить чижей; Пашка растянулся на постели и сталъ думать. Вспомнилъ онъ леденцы, обѣщанные докторомъ, лицо и голосъ матери, потемки въ своей избѣ, печку, ворчливую бабку Егоровну... и ему стало вдругъ скучно и грустно. Вспомнилъ онъ, что завтра мать придетъ за нимъ, улыбнулся и закрылъ глаза.

Его разбудилъ шорохъ. Въ сосѣдней палатѣ кто-то шагалъ и говорилъ полупропотомъ. При тускломъ свѣтѣ ноч-

никовъ и лампадъ возлѣ кровати Михайлы двигались три фигуры.

— Понесемъ съ кроватью, аль такъ? — спросила одна изъ нихъ.

— Такъ. Не пройдешь съ кроватью. Эка, померъ не во время, царство небесное!

Одинъ взялъ Михайлу за плечи, другой—за ноги и приподняли: руки Михайлы и полы его халата слабо повисли въ воздухѣ. Третій—это былъ мужикъ, похожій на бабу—закрестился, и всѣ трое, безпорядочно стуча ногами и стулая на полы Михайлы, пошли изъ палаты.

Въ груди спавшаго старика раздавались свистъ и разногласное пѣніе. Пашка прислушался, взглянулъ на темныя окна и въ ужасѣ вскочилъ съ кровати.

— Ма-а-ма!—простоналъ онъ басомъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ бросился въ сосѣдную палату. Тутъ свѣтъ лампадки и ночника еле-еле прояснялъ потемки; больные, потревоженные смертью Михайлы, сидѣли на своихъ кроватяхъ; мѣшался съ тѣнями, исключенные, они представлялись шире, выше ростомъ и, казалось, становились все больше и больше; на крайней кровати въ углу, гдѣ было темнѣе, сидѣлъ мужикъ и кивалъ головой и рукой.

Пашка, не разбирая дверей, бросился въ палату оспенныхъ, оттуда въ коридоръ, изъ коридора влетѣлъ въ большую комнату, гдѣ лежали и сидѣли на кроватяхъ чудовища съ длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробѣжавъ черезъ женское отдѣленіе, онъ опять очутился въ коридорѣ, увидѣлъ перила знакомой лѣстницы и побѣжалъ внизъ. Тутъ онъ узналъ пріемную, въ которой сидѣлъ утромъ, и сталъ искать выходной двери.

Задвижка щелкнула, пахнулъ холодный вѣтеръ, и Пашка, спотыкаясь, выбѣжалъ на дворъ. У него была одна мысль—бѣжать и бѣжать! Дороги онъ не зналъ, но былъ увѣренъ, что если побѣжить, то непременно очутится дома у матери. Ночь была пасмурная, но за облаками свѣтила луна. Пашка побѣжалъ отъ крыльца прямо впередъ, обогнулъ сарай и наткнулся на пустые кусты; постоявъ немного и подумавъ, онъ бросился назадъ къ больницѣ, обѣжалъ ее и опять остановился въ нерѣшимости: за больничнымъ корпусомъ бѣдѣли могильные кресты.

— Ма-амка!—закричалъ онъ и бросился назадъ.

Пробѣгая мимо темныхъ, суровыхъ строеній, онъ увидѣлъ одно освѣщенное окно.

Яркое красное пятно въ потемкахъ казалось страшнымъ, но Пашка, обезумѣвшій отъ страха, не знавшій, куда бѣжать, повернулъ къ нему. Рядомъ съ окномъ было крыльцо со ступенями и парадная дверь съ бѣлой дощечкой; Пашка взбѣжалъ на ступени, взглянулъ въ окно, и острая, захватывающая радость вдругъ овладѣла имъ. Въ окно онъ увидѣлъ веселаго, покладистаго доктора, который сидѣлъ за столомъ и читалъ книгу. Смѣясь отъ счастья, Пашка протянулъ къ знакомому лицу руки, хотѣлъ крикнуть, но невѣдомая сила сжала его дыханіе, ударила по ногамъ; онъ покачнулся и безъ чувствъ повалился на ступени.

Когда онъ пришелъ въ себя, было уже свѣтло, и очень знакомый голосъ, общавшій вчера ярмарку, чижей и лисцу, говорилъ возлѣ него:

— Ну, и дуракъ Пашка! Развѣ не дуракъ? Бить бы тебя, да некому.

ПРОИСШЕСТВІЕ.

(Разсказъ ямщика.)

Вотъ въ этомъ лѣсочкѣ, что за балкой, случилась, сударь, исторія. Мой покойный батенька, царство имъ небесное, везли къ барину пятьсотъ цѣлковыхъ денегъ; тогда наши и шенелевскіе мужики снимали у барина землю въ аренду, такъ батенька везли деньги за полгода. Человѣкъ они были богобоязненный, писаніе читали, и чтобы обсчитать кого, или обидѣть, или, скажемъ, не ровень часъ, обжулить—это не дай Богъ, и мужики ихъ очень обожали, и когда нужно было кого въ городъ послать—по начальству, или съ деньгами, то ихъ посылали. Были они выдѣляющее изъ обыкновеннаго, но не въ обиду будь сказано, сидѣла въ нихъ малодушная фантазія. Любили они муху зашибить. Бывало мимо кабака проѣхать нѣтъ возможности: зайдутъ, выпьютъ стаканчикъ—и унеси ты мое горе! Знали они за собой эту слабость и, когда общественныя деньги возили, то, чтобы не заснуть, или случаемъ не обронить, завсегда брали съ собой меня, или сестрицу Анютку.

По совѣсти сказать, все наше семейство до водки очень охотники. Я грамотный, въ городѣ въ табачномъ магазинѣ служилъ шесть лѣтъ и могу поговорить со всякимъ образованнымъ господиномъ, и разныя хорошія слова могу говорить, но какъ я читалъ въ одной книжкѣ, что водка есть кровь сатаны, такъ это доподлинно вѣрно, сударь. Отъ водки я потемнѣлъ съ лица, и нѣтъ во мнѣ никакой сообразности, и вотъ, изволите видѣть, служу въ ямщикахъ, какъ неграмотный мужикъ, какъ невѣжа.

Такъ вотъ, рассказываю я вамъ, если батенька деньги гь барину, съ ними Анютка ѣхала, а въ тѣ поры Анюткѣ было семь годочковъ, не то восемь—дура-дурой, отъ земли не видать. До Каланчика проѣхали благополучно, тверезы были, а какъ доѣхали до Каланчика, да зашли къ Моисейкѣ въ кабакъ, началась у нихъ фантазія эта самая. Выпили они три стаканчика и давай похваляться при народѣ:

— Человѣкъ, говорятъ, я небольшой, простой, а въ карманѣ пятьсотъ цѣлковыхъ; захочу, говорятъ, такъ и кабакъ, и всю посуду, и Моисейку съ его жидовкой и жиденятами куплю. Все, говорятъ, могу купить и выкупить.

Этакимъ, значить, манеромъ пошутили, а потомъ этого стали жаловаться:

— Бѣда, говорятъ, православные, быть богатымъ человекомъ, купцомъ или въ родѣ. Нѣтъ денегъ, нѣтъ и заботы, есть деньги, держись все время за карманъ, чтобъ злые люди не украли. Страшно жить на свѣтѣ, у котораго денегъ много.

Цыяный народъ, конечно, слушалъ, смекалъ и на усъ собѣ моталъ. А тогда тутъ на Каланчикѣ чугунку строили, и всякой швали и босоногой команды было видимо-невидимо, словно саранчи. Батенька потомъ спохватились, да ужъ поздно было. Слово не воробей, вылетитъ—не поймаешь. Ъдутъ они, сударь, лѣсочкомъ, и вдругъ это самое, кто-то сзади верхомъ скачетъ. Батенька былъ не робкаго десятка,—этого нельзя сказать, но усумнились; тамъ, въ лѣсочкѣ, дорога непроѣзжая, только сѣно да дрова возять, и скакать тамъ некому и незачѣмъ, особливо въ рабочую пору. За хорошимъ дѣломъ не поскачешь.

— Какъ будто погоня,—говорятъ батенька Анюткѣ:—ужъ больно шибко скачутъ. Въ кабакъ-то надо было мнѣ молчать, типунъ мнѣ на языкъ. Ой, дочка, чуетъ мое сердце, тутъ что-то недоброе!

Пораздумались они малое время насчетъ своего опаснаго положенія и говорятъ сестрицѣ своей Анюткѣ:

— Дѣло выходитъ неосновательное, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ погоня. Какъ никакъ, милая Аннунька, возьми-ка ты, братъ, деньги, схорони ихъ себѣ въ подолъ и поди за кустъ, спрячься. Не ровенъ часъ, если нападуть, проклятые, такъ ты бѣги къ матери и отдай ей деньги, пускай она ихъ старшинѣ снесетъ. Только ты, гляди, никому на глаза

не понадайся, бѣги гдѣ лѣсомъ, гдѣ балочкой, чтобъ тебѣ никто не увидѣлъ. Бѣги себѣ, да Бога милосерднаго призывай. Христось съ тобой!

Батенька сунулъ Анюткѣ узелокъ съ деньгами, а она выглядѣла кустъ, какой поуще, и спряталась. Погодя немного, подскочили къ батенькѣ трое верховыхъ; одинъ здоровый, мордастый, въ кумачевой рубахѣ и большихъ сапогахъ, и другіе два оборванные, ошарпанные, знать, съ чугунки. Какъ батенька сумнѣвались, такъ и вышло, сударь, дѣйствительно. Тотъ, что въ кумачевой рубахѣ, мужикъ здоровый, сильный, выдѣляющее изъ обыкновеннаго, лошадей сстановилъ и всѣ трое принялись за батеньку.

— Стой, такой-сякой! Гдѣ деньги?

— Какія такія деньги? Пошелъ къ лѣшему!

— А тѣ деньги, что баршу везешь за аренду! Давай, такой-сякой, чортъ лысый, а то душу загубишь, пропадешь безъ покаянія!

И начали они надъ батенькой свою подлость показывать, а батенька замѣсто того, чтобъ просить ихъ, плакать или что, разсердились и начали ихъ отдѣлывать, по всей, значить, строгости.

— Что вы, говорятъ, окаянные пристали? Сволочной вы народъ, Бога въ васъ нѣтъ, нѣтъ на васъ холеры! Не денегъ вамъ надо, а розогъ, чтобъ потомъ года три спина чесалась. Уходите, болваны, а то обороняться стану! У меня пистолеть шестистволка за пазухой есть!

А разбойники отъ такихъ словъ еще пуще, и стали бить батеньку, чѣмъ попада.

Обыскали они всю повозку, обшарили всего батеньку и даже сапоги съ него сняли; когда увидѣли, что отъ битья батенька только пуще ругаются, стали они его на разные манеры мучить. Анютка, тѣмъ временемъ, сидѣла за кустомъ и, сердечная, все видѣла. Когда ужъ увидѣла, что батенька лежать на землѣ и храпятъ, схватилась она съ мѣста и что есть духу побѣжала, гдѣ кустикомъ, гдѣ балочкой, назадъ къ дому. Дѣвчонка она была малая, безъ всякаго понятія, дороги не знала и бѣжала такъ, куда глаза глядятъ. До дому было верстъ девять. Другой бы въ одинъ часъ добѣжалъ, а малое дитя, извѣстно, шагъ впередъ, два въ сторону, да и не всякое тебѣ можетъ босыми ногами по лѣснымъ колючкамъ; тоже надо привычку имѣть, а наши

дѣвчонки все, бывало, на печкѣ гомозятся, или на дворѣ, а въ лѣсъ боялись бѣгать.

Къ вечеру Анютка кое-какъ добѣжала до жилья, глядитъ— чья-то изба. А то была изба лѣсничаго за Сухоруковымъ, въ казенномъ лѣсу, купцы тогда арендовали, уголь жгли. Постучалась. Выходитъ къ ней баба, жена лѣсника. Анютка сейчасъ, первое дѣло, въ слезы и объяснила ей все, какъ есть, все на чистоту, и даже про деньги объяснила. Лѣсничиха разжалобилась.

— Сердечная ты моя! Ягодка! Это тебя, такую махонькую, Богъ сохранилъ! Дѣточка моя родная! Пойдемъ въ избу, я тебѣ хоть поѣсть дамъ!

Значитъ, стала подвѣзжать къ Анюткѣ, покормила ее, напоила и даже поплакала съ ей вмѣстѣ и такъ ее разуважила, что дѣвчонка даже, подумай, узелокъ ей съ деньгами отдала.

— Я, ясочка, спрячу, а завтра, говорить, по утру отдамъ и до дому тебя провожу, касатка.

Взяла баба деньги, а Анютку уложила спать на печкѣ, гдѣ о ту пору сушились вѣнники. И на этой самой печкѣ, на вѣнникахъ, спала дочка лѣсника, такая же махонькая, какъ и наша Анютка. И потомъ Анютка намъ рассказывала, духъ такой отъ вѣнниковъ былъ, медомъ пахло! Легла Анютка, а спать не можетъ, потихоньку плачетъ: батеньку жалко и страшно. Только, сударь, проходитъ часъ-другой, и видитъ она, въ избу входятъ тѣ три разбойника, что батеньку мучили. Вотъ тотъ, что мордастый въ кумачевой рубахѣ, атаманъ ихній, подходитъ къ бабѣ и говоритъ:

— Ну, жена, только даромъ душу загубили. Нынче, говорить, въ обѣдъ мы человѣка убили. Убить-то убили, а денегъ ни гроша не нашли.

Стало-быть, этоть-то, въ кумачевой рубахѣ, лѣсничихинъ мужъ выходить.

— Пропалъ задаромъ человѣкъ,—говорять его товарищи, оборванные:—понапрасну мы грѣхъ на душу приняли.

Лѣсничиха поглядѣла на всѣхъ трехъ и усмѣхается.

— Чего, дура, смѣешься?

— А то смѣюсь, что вотъ я и души не стубила, и грѣха на душеньку свою не принимала, а деньги нашла.

— Какія деньги? Что брешешь?

— А вотъ погляди, какъ я брешу:

Лѣсничиха развязала узелокъ и показала имъ, окалина,я,

деньги, потомъ рассказала все, какъ пришла къ ей Анютка, какъ говорила Анютка и прочее. Душегубы обрадовались, стали дѣлиться промежь себя, чуть не подрались, потомъ, значить, сѣли за столъ трескаться. А Анютка лежитъ, бѣдная, слышитъ всѣ ихнія слова и трясется, какъ жидъ на сковородѣ. Что тутъ дѣлать? И изъ ихнихъ словъ она узнала, что батенька померли и лежатъ поперекъ дороги, и мерещится ей, глупенькой, будто бѣднаго батеньку ѣдятъ волки и собаки, будто лошадь наша ушла далеко въ лѣсъ и ее тоже волки сѣли, и будто саму Анютку за то, что денегъ не уберегла, въ острогъ посадятъ, бить будутъ.

А разбойники напоялись и послали бабу за водкой. Лять рублей ей дали, чтобы и водки купила, и сладкаго вина. Пошло у нихъ на чужія деньги и пьянство, и пѣсни. Пили, пили, собаки, и опять бабу послали, чтобъ, значить, пить безъ конца краю.

— Будемъ до утра гулять!—кричатъ.—Денегъ у насъ теперь много, жалѣть нечего! Пей, да ума не пропивай!

Этакъ, къ полночи, когда всѣ были здорово урѣзавши, баба побѣжала за водкой третій разъ, а лѣсникъ прошелся раза два по избѣ, а самъ шатается.

— А что, говоритъ, братцы, вѣдь дѣвчонку прибрать надо! Ежели мы ее такъ оставимъ, такъ она на насъ будетъ первая доказчица.

Посудили, порядили и такъ рѣшили: не быть Анюткѣ живой—зарѣзать. Извѣстно, зарѣзать невиннаго младенца страшно, за такое дѣло нешто пьяный возьметъ, или угорѣлый. Можетъ, съ часъ спорили, кому убивать, другъ другу нанимали, чуть не подрались опять и—никто не согласенъ; тогда и бросили жребій. Лѣснику досталось. Выпилъ онъ еще полный стаканъ, крикнулъ и пошелъ въ сѣни за топоромъ.

А Анютка дѣвка не промахъ. Даромъ, что дура, а надумала, скажи на милость, такое, что не всякому и грамотному на умъ вскочить. Можетъ, Господь надъ ней сжалился и на это время разсудокъ ей послалъ, а можетъ, поумнѣла отъ страха а только, на повѣрку, вышло, что она хитрѣй всѣхъ. Встала потихоньку, Богу помолилась, взяла тулупчикъ тотъ самый, что ее лѣсничиха укрыла, и,—понимаешь, съ ней на печкѣ лѣсникова дѣвочка лежала, однихъ годочковъ съ ней,—она эту дѣвочку укрыла тулупчикомъ,

а съ нея взяла бабью кофту и накинула на себя. Помѣнялась, значитъ. Накинула себѣ на голову и такъ прошла черезъ избу, мимо пьяницъ, а тѣ думали, что это лѣсникова дочка, и даже не взглянули. На ея счастье, бабы въ избѣ не было, за водкой пошла, а то бы, пожалуй, не миновать ей топора, потому бабій глазъ видочій, какъ у кобца. У бабы глазъ острый.

Вышла Анютка изъ избы и давай Богъ ноги, куда глаза глядятъ. Всю ночь по лѣсу путалась, а утромъ выбралась на опушку и побѣжала по дорогѣ. Далъ Богъ, повстрѣчался ей писарь Егоръ Данилычъ, царство небесное. Шелъ онъ съ удочками рыбу ловить. Разказала ему Анютка все до чиста. Онъ скорѣй назадъ—до рыбы ли тутъ?—въ деревню, собралъ мужиковъ и айда къ лѣснику.

Пришли туда, а душегубы всѣ въ повалку, натрескавшись, лежатъ, гдѣ кто упалъ. Съ ними и няная баба. Обыскали ихъ первымъ дѣломъ, забрали деньги, а когда поглядѣли на печку, то—съ нами крестная сила!—лежитъ лѣсникова дѣвочка на вѣникахъ, подъ тулупчикомъ, а голова вся въ крови, топоромъ зарублена. Побудили мужиковъ и бабу, связали руки назадъ и повели въ волость. Баба воетъ, а лѣсникъ только мотааетъ головой и проситъ:

— Опохмѣлитесь бы, братцы! Голова болитъ.

Потомъ своимъ порядкомъ судъ былъ въ городѣ, наказывали по всей строгости законовъ.

Такъ вотъ какая исторія случилась, сударь, за тѣмъ лѣсомъ, что за балкой. Уже еле видать его, садится за нимъ солнышко красное. Разговорился я съ вами, а лошади стали, словно и онѣ слушаютъ. Эй вы, милія, хорошія! Бѣгите веселѣй, баринъ—господинъ хорошій, на чай пожалуетъ! Эй вы, голуби!

ЗЛОУМЫШЛЕННИКЪ.

Передъ судебнымъ слѣдователемъ стоитъ маленькій, чрезвычайно тощій мужичонко въ пестрядинной рубахѣ и латаныхъ портахъ. Его обросшее волосами и изъѣденное рябинами лицо и глаза, едва видны изъ-за густыхъ, нависшихъ бровей, имѣютъ выраженіе угрюмой суровости. На головѣ цѣлая шапка давно уже нечесанныхъ, путанныхъ волосъ, что придаетъ ему еще бѣльшую, научью суровость. Онъ босъ.

— Денись Григорьевъ! — начинаетъ слѣдователь. — Подойди поближе и отвѣчай на мои вопросы. Седьмого числа сего іюля желѣзнодорожный сторожъ Иванъ Семеновъ Акинфовъ, проходя утромъ по линіи, на 141-й верстѣ, засталъ тебя за отвинчиваніемъ гайки, коей рельсы прикрѣпляются къ шпаламъ. Вотъ она, эта гайка!.. Съ каковою гайкой онъ и задержалъ тебя. Такъ ли это было?

— Чаво?

— Такъ ли все это было, какъ объясняетъ Акинфовъ?

— Знамо, было.

— Хорошо; ну, а для чего ты отвинчивалъ гайку?

— Чаво?

— Ты это свое «чаво» брось, а отвѣчай на вопросъ: для чего ты отвинчивалъ гайку?

— Коли бъ не нужна была, не отвинчивалъ бы, — хрипитъ Денись, косясь на потолокъ.

— Для чего же тебѣ понадобилась эта гайка?

— Гайка-то? Мы изъ гаекъ грузила дѣлаемъ...

— Кто это—мы?

— Мы, народъ... Климовскіе мужики, то-есть.

— Послушай, братецъ, не прикидывайся ты мнѣ идіотомъ, а говори толкомъ. Нечего тутъ про грузила врать!

— Отродясь не вралъ, а тутъ вру...—бормочетъ Денись, мигая глазами. — Да нешто, ваше благородіе, можно безъ грузила? Ежели ты живца, или выволозка на крючокъ сажаешь, то нешто онъ пойдетъ ко дну безъ грузила? Вру...—усмѣхается Денись.—Чортъ ли въ немъ, въ живцѣ-то, ежели поверху плавать будетъ! Окунь, щука, налимы всегда на донную идутъ, а которая ежели поверху плаваетъ, то ту развѣ только шилинперъ схватить, да и то рѣдко... Въ нашей рѣкѣ не живетъ шилинперъ... Эта рыба просторъ любитъ.

— Для чего ты мнѣ про шилинпера рассказываешь?

— Чаво? Да вѣдь вы сами спрашиваете! У насъ и господа такъ ловятъ. Самый послѣдній мальчишка не станетъ тебѣ безъ грузила ловить. Конечно, который непонимающій, ну, тотъ и безъ грузила пойдетъ ловить. Дураку законъ не писанъ...

— Такъ ты говоришь, что ты отвинтилъ эту гайку для того, чтобы сдѣлать изъ нея грузило?

— А то что же? Не въ бабки жъ играть!

— Но для грузила ты могъ взять свинецъ, пулю... гвоздикъ какой-нибудь...

— Свинецъ на дорогѣ не найдешь, купить надо, а гвоздикъ не годится. Лучшие гайки и не найдить... И тяжелая, и дыра есть.

— Дуракомъ какимъ прикидывается! Точно вчера родился, или съ неба упалъ. Развѣ ты не понимаешь, глупая голова, къ чему ведетъ это отвинчиваніе? Не догляди сторожъ, такъ вѣдь поѣздъ могъ бы сойти съ рельсовъ. людей бы убило! Ты людей убилъ бы!

— Избави Господи, ваше благородіе! Зачѣмъ убивать? Нешто мы некрещеные, или злодѣи какіе? Слава те Господи, господинъ хорошій, вѣкъ свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей такихъ въ головѣ не было... Спаси и помилуй, Царица Небесная... Что вы-съ!

— А отчего, по-твоему, происходятъ крушенія поѣздовъ? Отвинти двѣ-три гайки, вотъ тебѣ и крушеніе!

Денись усмѣхается и недовѣрчиво щуритъ на слѣдователя глаза.

— Ну! Ужь сколько лѣтъ всей деревней гайки отвинчиваемъ и храниль Господь, а тутъ крушеніе... людей убилъ... Ежели бъ я рельсу унесъ, или, положимъ, бревно поперекъ ейнаго пути положилъ, ну, тогда, пожалуй, своротило бы поѣздъ, а то... тѣфу! гайка!

— Да пойми же, гайками прикрѣпляется рельса къ шпаламъ!

— Это мы понимаемъ... Мы вѣдь не всѣ отвинчиваемъ... оставляемъ... Не безъ ума дѣлаемъ... понимаемъ...

Денись зѣваетъ и креститъ ротъ.

— Въ прошломъ году здѣсь сошелъ поѣздъ съ рельсовъ,— говоритъ слѣдователь.—Теперь понятно, почему...

— Чего изволите?

— Теперь, говорю, понятно, отчего въ прошломъ году сошелъ поѣздъ съ рельсовъ... Я понимаю!

— На то вы и образованные, чтобы понимать, милостивцы наши... Господь зналъ, кому понятіе давалъ... Вы вотъ и разсудили, какъ и что, а сторожъ тотъ же мужикъ, безъ всякаго понятія, хватается за шиворотъ и тащить... Ты разсуди, а потомъ и тащи! Сказано — мужикъ, мужицкій и умъ... Защищите также, ваше благородіе, что онъ меня два раза по зубамъ ударилъ и въ груди.

— Когда у тебя дѣлали обыскъ, то нашли еще одну гайку... Эту въ какомъ мѣстѣ ты отвинтилъ и когда?

— Это вы про ту гайку, что подъ краснымъ сундучкомъ лежала?

— Не знаю, гдѣ она у тебя лежала, но только нашли ее. Когда ты ее отвинтилъ?

— Я ее не отвинчивалъ, ее мнѣ Игнашка, Семена кривого сынъ, далъ. Это я про ту, что подъ сундучкомъ, а ту, что на дворѣ въ саияхъ, мы вмѣстѣ съ Митрофаномъ вывнтили.

— Съ какимъ Митрофаномъ?

— Съ Митрофаномъ Петровымъ... Нешто не слышали? Невода у насъ дѣлаетъ и господамъ продаетъ. Ему много этихъ самыхъ гаекъ требуется. На каждый неводъ, почитай, штукъ десять...

— Послушай... 1081 статья уложенія о наказаніяхъ говорить, что за всякое съ умысломъ учиненное поврежденіе

жельзной дороги, когда оно может подвергнуть опасности слѣдующій по сей дорогѣ транспортъ и виновный знать, что послѣдствіемъ сего должно быть несчастье... понимаешь? знать! А ты не могъ не знать, къ чему ведетъ это отвинчиваніе... онъ приговаривается къ ссылкѣ въ каторжныя работы.

— Конечно, вы лучше знаете... Мы люди темные... нешто мы понимаемъ?

— Все ты понимаешь! Это ты врешь, прикидываешься!

— Зачѣмъ врать? Спросите на деревнѣ, коли не вѣрите... Безъ грузила только уклеюку ловятъ, а на что хуже пискаря, да и тотъ не пойдетъ тебѣ безъ грузила.

— Ты еще про шилишпера расскажи!—улыбается слѣдователь.

— Шилишперъ у насъ не водится... Пуцаемъ леску безъ грузила поверхъ воды на бабочку, идетъ голавль, да и то рѣдко.

— Ну, молчи...

Наступаетъ молчаніе. Денисъ переминается съ ноги на ногу, глядитъ на столъ съ зеленымъ сукномъ и усиленно мигаетъ глазами, словно видитъ предъ собой не сукно, а солнце. Слѣдователь быстро пишетъ.

— Мнѣ иттить?—спрашиваетъ Денисъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ. Я долженъ взять тебя подѣ стражу и отослать въ тюрьму.

Денисъ перестаетъ мигать и, приподнявъ свои густыя брови, вопросительно глядитъ на чиновника.

— То-есть, какъ же въ тюрьму? Ваше благородіе! Мнѣ некогда, мнѣ надо на ярмарку; съ Егора три рубля за сало получить...

— Молчи, не мѣшай.

— Въ тюрьму... Было бъ за что, пошелъ бы, а то такъ... здорово живешь... За что? И не кралъ, кажись, и не дрался... А ежели вы насчетъ недоимки сомнѣваетесь, ваше благородіе, то не вѣрьте старостѣ... Вы господина непремѣннаго члена спросите... Креста на немъ нѣтъ, на старостѣ-то...

— Молчи!

— Я и такъ молчу...—бормочетъ Денисъ.—А что староста набрехалъ въ учетъ, это я хоть подѣ присягой... Насѣ

три брата: Кузьма Григорьевъ, стало-быть, Егоръ Григорьевъ и я, Денисъ Григорьевъ...

— Ты мнѣ мѣшаешь... Эй, Семень! — кричитъ слѣдователь.—Увести его!

— Насъ три брата,—бормочетъ Денисъ, когда два дюжихъ солдата берутъ и ведутъ его изъ камеры.—Братъ за брата не отвѣтчикъ... Кузьма не платить, а ты, Денисъ, отвѣчай... Судьи! Померъ покойникъ баринъ-генераль, царство небесное, а то показаль бы онъ вамъ, судьямъ... Надо судить умѣючи, не зря... Хоть и высѣки, но чтобъ за дѣло, по совѣсти...

ДѢТВОРА.

Папы, мамы и тети Нади нѣтъ дома. Они уѣхали на крестины къ тому старому офицеру, который ѣздитъ на маленькой сѣрой лошади. Въ ожиданіи ихъ возвращенія, Гриша, Аня, Алеша, Соня и кухаркинъ сынъ Андрей сидятъ въ столовой за обѣденнымъ столомъ и играютъ въ лото. Говоря по совѣсти, имъ пора уже спать; но развѣ можно уснуть, не узнавъ отъ мамы, какой на крестинахъ былъ ребеночекъ и что подавали за ужиномъ? Столъ, освѣщаемый висячей лампой, пестритъ цифрами, орѣховой скорлупой, бумажками и стеклышками. Передъ каждымъ изъ играющихъ лежатъ по двѣ карты и по кучкѣ стеклышекъ для покрывки цифръ. Посреди стола бѣлѣетъ блюдечко съ пятью копеечными монетами. Возлѣ блюдечка недоѣденное яблоко, ножницы и тарелка, въ которую приказано класть орѣховую скорлупу. Играютъ дѣти на деньги. Ставка—копейка. Условіе: если кто смошенничаетъ, того немедленно вонъ. Въ столовой, кромѣ играющихъ, нѣтъ никого. Няня Агафья Ивановна сидитъ внизу въ кухнѣ и учитъ тамъ кухарку кроить, а старшій братъ Вася, ученикъ V класса, лежитъ въ гостиной на диванѣ и скучаетъ.

Играютъ съ азартомъ. Самый большой азартъ написанъ на лицѣ у Гриши. Это маленькій, девятилѣтній мальчикъ съ до-гола остриженной головой, пухлыми щеками и съ жирными, какъ у негра, губами. Онъ уже учился въ приготовительномъ классѣ, а потому считается большимъ и самымъ умнымъ. Играетъ онъ исключительно изъ-за денегъ. Не судъ на блюдечкѣ копеекъ, онъ давно бы уже спалъ. Его

каріе глазки безокойно и ревниво бѣгають по картамъ партнеровъ. Страхъ, что онъ можетъ не выиграть, зависть и финансовыя соображенія, наполняющія его стриженую голову, не даютъ ему сидѣть покойно, сосредоточиться. Вертится онъ, какъ на иголкахъ. Выигравъ, онъ съ жадностью хватается деньги и тотчасъ же прячетъ ихъ въ карманъ. Сестра его Аня, дѣвочка лѣтъ восьми, съ острымъ подбородкомъ и умными, блестящими глазами, тоже боится, чтобы кто-нибудь не выигралъ. Она краснѣетъ, блѣднѣетъ и зорко слѣдитъ за игроками. Копейки ея не интересуютъ. Счастье въ игрѣ для нея вопросъ самолюбія. Другая сестра, Соня, дѣвочка шести лѣтъ, съ кудрявой головкой и съ цвѣтомъ лица, какой бываетъ только у очень здоровыхъ дѣтей, у дорогихъ куколъ и на бонбоньеркахъ, играетъ въ лото ради процесса игры. По лицу ея разлито умиленіе. Кто бы ни выигралъ, она одинаково хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши. Алеша, пухлый, шаровидный карапузикъ, пыхтитъ, сонитъ и пучитъ глаза на карты. У него ни корыстолюбія, ни самолюбія. Не гонять изъ-за стола, не укладываютъ спать — и на томъ спасибо. По виду онъ флегма, но въ душѣ порядочная бестія. Сълзъ онъ не столько для лото, сколько ради недоразумѣній, которыя неизбѣжны при игрѣ. Ужасно ему пріятно, если кто ударитъ или обругаетъ кого. Ему давно уже нужно кое-куда сбѣгать, но онъ не выходитъ изъ-за стола ни на минугу, боясь, чтобы безъ него не похитили его стеклышекъ и копеекъ. Такъ какъ онъ знаетъ однѣ только единицы и тѣ числа, которыя оканчиваются нулями, то за него покрываетъ цифры Аня. Пятый партнеръ, кухаркинъ сынъ Андрей, черномазый, болѣзненный мальчикъ, въ ситцевой рубашкѣ и съ мѣднымъ крестикомъ на груди, стоитъ неподвижно и мечтательно глядитъ на цифры. Къ выигрышу и къ чужимъ успѣхамъ онъ относится безучастно, потому что весь погруженъ въ ариѳметику игры, въ ея несложную философію: сколько на этомъ свѣтѣ разныхъ цифръ, и какъ это онѣ не перепутаются!

Выкрикиваютъ числа всѣ по очереди, кромѣ Сони и Алеши. Въ виду однообразія чиселъ, практика выработала много терминовъ и смѣхотворныхъ прозвищъ. Такъ, семь у игроковъ называется кочергой, одиннадцать — палочками, семьдесятъ семь — Семень Семенычемъ, девяносто — дѣдушкой и т. д. Игра идетъ бойко,

— Тридцать два!— кричит Гриша, вытаскивая из отцовской шапки желтые цилиндрики.— Семнадцать! Кочерга! Двадцать восемь— съно косимъ!

Аня видитъ, что Андрей прозѣвалъ 28. Въ другое время она указала бы ему на это, теперь же, когда на блюдечкѣ вмѣстѣ съ копейкой лежитъ ея самолюбіе, она торжествуетъ.

— Двадцать три!— продолжаетъ Гриша.— Семень Семечнычъ! Девять!

— Прусакъ, прусакъ!— вскрикиваетъ Соня, указывая на прусака, бѣгущаго черезъ столъ.— Ай!

— Не бей его,— говоритъ басомъ Алеша.— У него, можетъ-быть, есть дѣти...

Соня провожаетъ глазами прусака и думаетъ о его дѣтихъ: какіе это, должно быть, маленькіе прусачата!

— Сорокъ три! Одинъ!— продолжаетъ Гриша, страдая отъ мысли, что у Ани уже двѣ катерны.— Шесть!

— Партія! У меня партія!— кричитъ Соня, кокетливо закатывая глаза и хохоча.

У партнеровъ вытягиваются фізіономіи.

— Провѣрить!— говоритъ Гриша, съ ненавистью глядя на Соню.

На правахъ большого и самаго умнаго, Гриша забралъ себѣ рѣшающій голосъ. Чтò онъ хочетъ, то и дѣлаютъ. Долго и тщательно провѣряютъ Соню, и къ величайшему сожалѣнію ея партнеровъ оказывается, что она не смошенничала. Начинается слѣдующая партія.

— А что я вчера видѣла!— говоритъ Аня какъ бы про себя.— Филиппъ Филиппычъ заворотилъ какъ-то вѣки, и у него сдѣлались глаза красные, страшные, какъ у нечистаго духа.

— Я тоже видѣлъ,— говоритъ Гриша.— Восемь! А у насъ ученикъ умѣетъ ушами двигать. Двадцать семь!

Андрей поднимаетъ глаза на Гришу, думаетъ и говоритъ:

— И я умѣю ушами шевелить...

— А ну-ка, пошевели!

Андрей шевелитъ глазами, губами и пальцами, и ему кажется, что его уши приходятъ въ движеніе. Всеобщій смѣхъ.

— Нехорошій человекъ этотъ Филиппъ Филиппычъ,—

вздыхаетъ Соня. — Вчера входитъ къ намъ въ дѣтскую, а я въ одной сорочкѣ... И мнѣ стало такъ неприлично!

— Партія!—вскрикиваетъ вдругъ Гриша, хватая съ блюдечка деньги.—У меня партія! Провѣряйте, если хотите!

Кухаркинъ сынъ поднимаетъ глаза и блѣднѣетъ.

— Мнѣ, значить, ужъ больше нельзя играть, — шепчетъ онъ.

— Почему?

— Потому что... потому что у меня больше денегъ нѣтъ.

— Безъ денегъ нельзя!—говоритъ Гриша.

Андрей на всякій случай еще разъ роется въ карманахъ. Не найдя въ нихъ ничего, кромѣ крошекъ и искусаннаго карандашика, онъ кривитъ ротъ и начинаетъ страдальчески мигать глазами. Сейчасъ онъ заплачетъ... —

— Я за тебя поставлю!—говоритъ Соня, не вынося его мученическаго взгляда.—Только смотри, отдашь послѣ.

Деньги вносятся, и игра продолжается.

— Кажется, гдѣ-то звонять,—говоритъ Аня, дѣлая большіе глаза.

Всѣ перестаютъ играть и, раскрывъ рты, глядятъ на темное окно. За темнотой мелькаетъ отраженіе лампы.

— Это слышалось.

— Ночью только на кладбищѣ звонять... — говоритъ Андрей.

— А зачѣмъ тамъ звонять?

— Чтобъ разбойники въ церковь не забрались. Звона они боятся.

— А для чего разбойникамъ въ церковь забираться? — спрашиваетъ Соня.

— Известно для чего: сторожен поубивать!

Проходитъ минута въ молчаніи. Всѣ переглядываются, вздрагиваютъ и продолжаютъ игру. На этотъ разъ выигрываетъ Андрей.

— Онъ смошенничаль,—баситъ ни съ того, ни съ сего Алеша.

— Врешь, я не смошенничаль!

Андрей блѣднѣетъ, кривитъ ротъ и хлопъ Алешу по головѣ! Алеша злобно таращитъ глаза, вскакиваетъ, становится однимъ колыномъ на столъ и, въ свою очередь,—хлопъ Андрея по щекѣ! Оба даютъ другъ другу еще по одной пощечинѣ и ревуть. Соня, не выносящая такихъ

ужасовъ, тоже начинаетъ плакать, и столовая оглашается разноголосымъ ревомъ. Но не думайте, что игра отъ этого кончилась. Не проходитъ и пяти минутъ, какъ дѣти опять хохочутъ и мирно бесѣдуютъ. Лица залюбованы, но это не мѣшаетъ имъ улыбаться. Алеша даже счастливъ: недоразумѣнїе было!

Въ столовую входитъ Вася, ученикъ V класса. Видъ у него заспанный, разочарованный.

«Это возмутительно! — думаетъ онъ, глядя, какъ Гриша ощупываетъ карманъ, въ которомъ звякаютъ копейки. — Развѣ можно давать дѣтямъ деньги? И развѣ можно позволять имъ играть въ азартныя игры? Хороша педагогїя, нечего сказать. Возмутительно!»

Но дѣти играютъ такъ вкусно, что у него самого является охота присосѣдиться къ нимъ и попытать счастья.

— Погодите, и я сяду играть, — говоритъ онъ.

— Ставь копейку!

— Сейчасъ, — говоритъ онъ, роясь въ карманахъ. — У меня копейки нѣтъ, но вотъ есть рубль. Я ставлю рубль.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... копейку ставь!

— Дураки вы. Вѣдь рубль во всякомъ случаѣ дороже копейки, — объясняетъ гимназистъ. — Кто выиграетъ, тотъ мнѣ сдачи сдать.

— Нѣтъ, пожалуйста! Уходи

Ученикъ V класса пожимаетъ плечами и идетъ въ кухню взять у прислуги мелочи. Въ кухнѣ не оказывается ни копейки.

— Въ такомъ случаѣ размѣняй мнѣ, — пристааетъ онъ къ Гришѣ, придя изъ кухни. — Я тебѣ промѣнй заплачу. Не хочешь? Ну, продай мнѣ за рубль десять копеекъ.

Гриша подозрительно косится на Васю; не подвохъ ли это какой-нибудь, не жульничество ли?

— Не хочу, — говоритъ онъ, держась за карманъ.

Вася начинаетъ выходить изъ себя, бранится, называя игроковъ болванами и чугунными мозгами.

— Вася, да я за тебя поставлю! — говоритъ Соня. — Садись!

Гимназистъ садится и кладетъ передъ собою двѣ карты. Аня начинаетъ читать числа.

— Копейку уронилъ! — заявляетъ вдругъ Гриша взволнованнымъ голосомъ. — Пойдите!

Снимаютъ лампу и лѣзутъ подъ столъ искать копейку. Хватаютъ руками плевки, орѣховую скорлупу, стучаются головами, но копейки не находятъ. Начинаютъ искать снова и ищутъ до тѣхъ поръ, пока Вася не вырываетъ изъ рукъ Гриши лампу и не ставитъ ея на мѣсто. Гриша продолжаетъ искать въ потемкахъ.

Но вотъ, наконецъ, копейка найдена. Игроки садятся за столъ и хотятъ продолжать игру.

— Соня спать!—заявляетъ Алеша.

Соня, положивъ кудрявую голову на руки, спитъ сладко, безмятежно и крѣпко, словно она уснула часъ тому назадъ. Уснула она нечаянно, пока другіе искали копейку.

— Поди, на мамину постель ложись! — говоритъ Аня, уводя ее изъ столовой.—Иди!

Ее ведутъ всѣ гурьбой, и черезъ какія-нибудь пять минутъ мамина постель представляетъ собой любопытное зрѣлище. Спитъ Соня. Возлѣ нея похрапываетъ Алеша. Положивъ на ихъ ноги голову, спятъ Гриша и Аня. Тутъ же кстати заодно примостился и кухаркинъ сынъ Андрей. Возлѣ нихъ валяются копейки, потерявшія свою силу впрядь до новой игры. Спокойной ночи!

МЕРТВОЕ ТѢЛО.

Тихая августовская ночь. Съ поля медленно поднимается туманъ и матовой целеной застилаетъ все, доступное для глаза. Освѣщенный луною, этотъ туманъ даетъ впечатлѣніе то спокойнаго, безпредѣльнаго моря, то громадной бѣлой стѣны. Въ воздухѣ сыро и холодно. Утро еще далеко. На шагъ отъ проселочной дороги, идущей по опушкѣ лѣса, свѣтится огонекъ. Тутъ, подъ молодымъ дубомъ лежитъ мертвое тѣло, покрытое съ головы до ногъ новой бѣлой холстиной. На груди большой деревянный образокъ. Возлѣ трупа, почти у самой дороги, сидитъ «очередь» — два мужика, исполняющихъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ и неприглядныхъ крестьянскихъ повинностей. Одинъ — молодой, высокій паренъ съ едва замѣтными усами и съ густыми, черными бровями, въ рваномъ полушубкѣ и лаптяхъ, сидитъ на мокрой травѣ, протянувъ впередъ ноги, и старается скоротать время работой. Онъ нагнулъ свою длинную шею и, громко сопя, дѣлаетъ изъ большой, угловатой деревяшки ложку. Другой — маленькій мужичонко со старческимъ лицомъ, тощій, рябой, съ жидкими усами и козлиной бородкой, свѣсилъ на колѣни руки и, не двигаясь, глядитъ безучастно на огонь. Между обоими лѣнливо догораетъ небольшой костеръ и освѣщаетъ ихъ лица въ красный цвѣтъ. Тишина. Слышно только, какъ скрипитъ подъ ножомъ деревяшка и потрескиваютъ въ кострѣ сырыя бревнышки.

— А ты, Сема, не спи...—говоритъ молодой.

— Я... не сплю...—заикается козлиная бородка.

— То-то...! Одному сидѣть жутко, страхъ беретъ. Раз-
Хвазаль бы что-нибудь, Сема!

— Не.. не умѣю...

— Чудной ты человѣкъ, Семушка! Другіе люди и по-
смѣются, и необылицу какую расскажутъ, и пѣсню споютъ,
а ты—Богъ тебя знаетъ, какой. Сидишь, какъ пугало ого-
родное, и глаза на огонь таращишь. Слова путемъ сказать
не умѣешь... Говоришь и будто боишься. Чай, ужъ годовъ
пятьдесятъ есть, а разсудка меньше, чѣмъ въ дитѣ... И
тебѣ не жалко, что ты дурачокъ?

— Жалко...—угрюмо отвѣчаетъ козлиная бородка.

— А намъ нешто не жалко глядѣть на твою глупость?
Мужикъ ты добрый, тверезый, одно только горе — ума въ
головѣ нѣту. А ты бы, ежели Господь тебя обидѣлъ, раз-
судка не далъ, самъ бы ума набирался... Ты понатужься,
Сема... Гдѣ что хорошее скажутъ, ты и вникай, бери себѣ
въ толкъ, да все думай, думай... Ежели какое слово тебѣ
непонятно, ты понатужься и разсуди въ головѣ, въ какихъ
смыслахъ это самое слово. Понялъ? Понатужься! А ежели
самъ до ума доходить не будешь, то такъ и помрешь ду-
рачкомъ, послѣднимъ человѣкомъ.

Вдругъ въ лѣсу раздается протяжный, стонущій звукъ.
Что-то, какъ будто сорвавшись съ самой верхушки дерева,
шелеститъ листвою и падаетъ на землю. Всему этому глухо
вторить эхо. Молодой вздрагиваетъ и вопросительно гля-
дитъ на своего товарища.

— Это сова пташекъ забираетъ, — говоритъ угрюмо
Сема.

— А что, Сема, вѣдь ужъ время птицамъ летѣть въ
теплые края!

— Знамо, время.

— Холодные нынче зори стали. Х-холодно! Журавль
зьябкая тварь, нѣжная. Для него такой холодъ — смерть.
Вотъ я не журавль, а замерзъ... Подложь-ка дровецъ!

Сема поднимается и исчезаетъ въ темной чащѣ. Пока
онъ возится за кустами и ломаетъ сухіе сучья, его това-
рищъ закрываетъ руками глаза и вздрагиваетъ отъ каж-
даго звука. Сема приноситъ охапку хворосту и кладетъ ее
на костеръ. Огонь нерѣшительно облизываетъ язычками
черные сучья, потомъ вдругъ, словно по командѣ, охваты-
ваетъ ихъ и освѣщаетъ въ багровый свѣтъ лица, дорогу,

бѣлую холстину съ ея рельефами отъ рукъ и ногъ мѣртвца, образокъ... «Очередь» молчить. Молодой еще ниже нагибаетъ шею и еще нервнѣе принимается за работу. Козлиная бородка сидитъ попрежнему неподвижно и не сводитъ глазъ съ огня...

— «Ненавидящіе Сіона... посрамитесь отъ Господа»...— слышится вдругъ въ ночной тишинѣ поющая фистула, потомъ слышатся тихіе шаги, и на дорогѣ въ багровыхъ лучахъ костра вырастаетъ темная человѣческая фигура въ короткой монашеской ряскѣ, широкополой шляпѣ и съ котомкой за плечами.

— Господи, Твоя воля! Мать честная! — говоритъ эта фигура сильнымъ дискантомъ.— Увидѣль огонь во тьмѣ кромѣиной и взыгрался духомъ... Сначала думалъ—ночное, потомъ же и думаю: какое же это ночное, ежели коней не видать? Не тати ли сіе, думаю, не разбойники ли, богатаго Лазаря ожидающіе? Не цыганская ли это нація, жертвы идоламъ приносящая? И взыгрался духъ мой... Иди, говорю себѣ, рабъ Θεодосій, и прими вѣнецъ мученическій! И понесло меня на огонь, какъ мотыля легкокрылаго. Теперь стою передъ вами и по наружнымъ фізіогноміямъ вашимъ сужу о душахъ вашихъ: не тати вы и не язычники. Миръ вамъ!

— Здорово.

— Православные, не знаете ли вы, какъ тутъ пройти до Макухинскихъ кирпичныхъ заводовъ?

— Близко. Вотъ это, стало-быть, пойдете прямо по дорогѣ; версты двѣ пройдете, тамъ будетъ Ананова, наша деревня. Отъ деревни, батюшка, возьмешь вправо, берегомъ, и дойдешь до заводовъ. Отъ Ананова версты три будетъ.

— Дай Богъ здоровья. А вы чего тутъ сидите?

— Понятыми сидимъ. Вишь, мертвое тѣло...

— Что? Какое тѣло? Мать честная!

Странникъ видитъ бѣлую холстину съ образкомъ и вздрагиваетъ такъ сильно, что его ноги дѣлаютъ легкій прыжокъ. Это неожиданное зрѣлище дѣйствуетъ на него подавляюще. Онъ весь съеживается и, раскрывъ ротъ, выпуча глаза, стоитъ какъ вкопанный... Минуты три онъ молчитъ, словно не вѣритъ глазамъ своимъ, потомъ начинаетъ бормотать:

— Господи! Мать честная! Шель себѣ, никого не трогать, и вдругъ этакое наказаніе...

— Вы изъ какихъ будете?—спрашиваетъ парень.—Изъ духовенства?

— Нѣ... нѣтъ... Я по монастырямъ хожу... Знаешь Ми... Михайлу Поликарпыча, заводскаго управляющаго? Такъ вотъ я ихній племянникъ... Господи, Твоя воля! Зачѣмъ же вы тутъ?

— Сторожимъ... Велятъ.

— Такъ, такъ...—бормочетъ ряска, поводя рукой по глазамъ.—А откуда покойникъ-то?

— Прохожій.

— Жизнь наша! Одначе, братцы, я тово... пойду... Осторожь беретъ. Боюсь мертвецовъ пуще всего, родимые мои... Вѣдь вотъ, скажи на милость! Покуда этотъ человѣкъ живъ былъ, не замѣчали его, теперь же, когда онъ мертвъ и тѣлу предается, мы трепещемъ передъ нимъ, какъ передъ какимъ-нибудь славнымъ полководцемъ или преосвященнымъ владыкою... Жизнь наша! Что жъ, его убили, что ли?

— Христось его знаетъ! Можетъ, убили, а можетъ и самъ померъ.

— Такъ, такъ... Кто знаетъ, братцы, можетъ, душа его теперь сладости райскія вкушаетъ!

— Душа его еще здѣсь около тѣла ходить...—говоритъ парень.—Она три дня отъ тѣла не идетъ.

— М-да... Холода какіе нынче! Зубъ на зубъ не попадетъ... Такъ, стало-быть, идти все прямо и прямо...

— Покуда въ деревню не упрешься, а тамъ возьмешь вправо, берегомъ.

— Берегомъ... Такъ... Что жъ это я стою? Идти надо... Прощайте, братцы!

Ряска дѣлаетъ шаговъ пять по дорогѣ и останавливается.

— Забылъ копеечку на погребеніе положить,—говоритъ онъ.—Православные, можно монетку положить?

— Тебѣ это лучше знать, ты по монастырямъ ходишь. Ежели настоящей смертью онъ померъ, то пойдетъ за душу, ежели самоубивецъ, то грѣхъ.

— Вѣрно... Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ самоубійца! Такъ ужъ лучше я свою монетку при себѣ оставлю. Охъ, грѣхи,

грѣхи! Дай мнѣ тыщу рублей, и то бѣ не согласился тутъ сидѣть... Прощайте, братцы.

Ряска медленно отходить и опять остапавливается.

— Ума не приложу, какъ мнѣ быть...—бормочетъ она.— Тутъ около огня остаться, разсвѣта подождать... страшно. Идти тоже страшно. Всю дорогу въ потемкахъ покойникъ будетъ мерещиться... Вотъ наказаль Господь! Пятисотъ верстъ пѣшкомъ прошелъ, и ничего, а къ дому сталъ подходить, и горе... Не могу идти!

— Это правда, что страшно...

— Не боюсь ни волковъ, ни татей, ни тьмы, а покойниковъ боюсь. Боюсь, да и шабашъ! Братцы православные, молю васъ колѣнопреклоненно, проводите меня до деревни!

— Намъ не велѣно отъ тѣла отходить.

— Никто не увидитъ, братцы! Ей же ей, не увидитъ! Господь вамъ сторицею воздастъ! Борода, проводи, сдѣлай милость! Борода! Что ты все молчишь?

— Оиъ у насъ дурачокъ...—говоритъ парень.

— Проводи, другъ! Пятачокъ дамъ!

— За пятакъ бы можно,—говоритъ парень, почесывая затылокъ:—да не велѣно... Ежели вотъ Сема, дурачокъ-то, одинъ посидитъ, то провожу. Сема, посидишь тутъ одинъ?

— Посижу...—соглашается дурачокъ.

— Ну, и ладно. Пойдемъ!

Парень поднимается и идетъ съ ряской. Черезъ минуту ихъ шаги и говоръ смолкаютъ. Сема закрываетъ глаза и тихо дремлетъ. Костеръ начинаетъ тухнуть, и на мертвое тѣло ложится большая черная тѣнь.

ЗИНОЧКА.

Компанія охотниковъ ночевала въ мужицкой избѣ на свѣжѣмъ снѣгѣ. Въ окна глядѣла луна, на улицѣ грустно пиликала гармоника, сѣно издавало приторный, слегка возбуждающій запахъ. Охотники говорили о собакахъ, о женщинахъ, о первой любви, о бекасахъ. Послѣ того, какъ были перебраны косточки всѣхъ знакомыхъ барынь и была рассказана сотня анекдотовъ, самый толстый изъ охотниковъ, похожій въ потемкахъ на копы сѣна и говорившій густымъ штабъ-офицерскимъ басомъ, громко зѣвнулъ и сказалъ:

— Не велика штука быть любимымъ: барыни на то и созданы, чтобъ любить нашего брата. А вотъ, господа, былъ ли кто-нибудь изъ васъ ненавидимъ, ненавидимъ страстно, бѣшено? Не наблюдалъ ли кто-нибудь изъ васъ восторговъ ненависти? А?

Отвѣта не послѣдовало.

— Никто, господа?—спросилъ штабъ-офицерскій басъ.— А вотъ я былъ ненавидимъ, ненавидимъ хорошенькой дѣвушкой и на себѣ самомъ могъ изучить симптомы первой ненависти. Первой, господа, потому что то было иѣчто какъ разъ противоположное первой любви. Впрочемъ, то, что я сейчасъ расскажу, происходило, когда я еще ничего не смыслилъ ни въ любви, ни въ ненависти. Мнѣ было-тогда лѣтъ восемь, но это не бѣда: тутъ, господа, важенъ не онъ, а *она*. Ну-съ, прошу вниманія. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, передъ заходомъ солнца, я и моя гувернантка Зиночка, очень милое и поэтическое созданье, незадолго передъ тѣмъ выпущенное изъ института, сидѣли въ дѣтской и занимались. Зиночка разсѣянно глядѣла въ окно и говорила:

— Такъ. Мы вдыхаемъ кислородъ. Теперь скажите мнѣ, Петя, что мы выдыхаемъ?

— Углекислоту,—отвѣчалъ я, глядя въ то же окно.

— Такъ, — соглашалась Зиночка. — Растенія же наоборотъ: вдыхаютъ углекислоту и выдыхаютъ кислородъ. Углекислота содержится въ зельтерской водѣ и въ самоварномъ угарѣ... Это очень вредный газъ. Близъ Неаполя есть такъ-называемая Собачья пещера, содержащая въ себѣ углекислоту; пущенная въ нее собака задыхается и умираетъ.

Эта несчастная Собачья пещера близъ Неаполя составляетъ химическую мудрость, дальше которой не рѣшится шагнуть ни одна гувернантка. Зиночка всегда горячо отстаивала пользу естественныхъ наукъ, но едва ли знала по химіи еще что-нибудь, кромѣ этой пещеры.

Ну-съ, она приказала повторить. Я повторилъ. Она спросила, что такое горизонтъ. Я отвѣтилъ. А на дворѣ въ это время, пока мы жевали горизонтъ да пещеру, мой отецъ собирался на охоту. Собаки выли, пристяжные нетерпѣливо переминались съ ноги на ногу и кокетничали съ кучерами, лакеи начиняли тарантасъ кулками и всякой всячиной. Возлѣ тарантаса стояла линейка, въ которую сажались мать и сестры, чтобы ѣхать къ Иваницкимъ на именины. Дома оставались только я, Зиночка да мой старшій братъ—студентъ, у котораго болѣли зубы. Можете представить мою зависть и скуку!

— Такъ что же мы вдыхаемъ?—спросила Зиночка, глядя въ окно.

— Кислородъ...

— Да, а горизонтомъ называется мѣсто, гдѣ, какъ намъ кажется, земля сходится съ небомъ...

Но вотъ тронулся тарантасъ, за нимъ линейка... Я видѣлъ, какъ Зиночка вытащила изъ кармана какую-то запяточку, судорожно скомкала ее и прижала къ виску, потомъ вспыхнула и поглядѣла на часы.

— Такъ помните же,—сказала она:—близъ Неаполя есть такъ-называемая Собачья пещера...—она опять взглянула на часы и продолжала:—гдѣ, какъ намъ кажется, небо сходится съ землею...

Бѣдняжка въ сильномъ волненіи прошлась по комнатѣ и еще разъ взглянула на часы. До конца нашего урока оставалось еще болѣе полчаса.

— Теперь арифметика, — сказала она, тяжело дыша и перелистывая дрожащей рукой задачник. — Вот решите задачу № 325, а я... сейчас приду...

Она вышла. Я слышалъ, какъ она спорхнула внизъ по лѣстницѣ, и затѣмъ видѣлъ въ окно, какъ ея голубое платье, промелькнувъ черезъ дворъ, исчезло въ садовой калиткѣ. Быстрота ея движеній, краска ланить и волненіе заинтриговали меня. Куда она побѣжала и затѣмъ? Будучи уменъ не по лѣтамъ, я скоро сообразилъ и понялъ все: она побѣжала въ садъ затѣмъ, чтобы, пользуясь отсутствіемъ моихъ строгихъ родителей, забраться въ малинникъ, или же нарвать себѣ черешень! Когда такъ, и я же, чертъ возьми, пойду ѣсть черешни! Бросилъ я задачникъ и побѣжалъ въ садъ. Подбѣгаю къ черешнямъ, но ея уже тамъ нѣтъ. Миновавъ малинникъ, крыжовникъ, шалашъ сторожа, она черезъ огородъ идетъ къ пруду, блѣдная, вздрагивающая отъ малѣйшаго шума. Я крадусь за ней и вижу, господа, слѣдующее. На берегу пруда, между толстыми стволами двухъ старыхъ вербъ, стоитъ мой старшій братъ Саша; по его лицу незамѣтно, чтобы у него болѣли зубы. Онъ глядитъ навстрѣчу Зиночкѣ, и вся его фигура, какъ солнцемъ, озарена выраженіемъ счастья. А Зиночка, точно ее гонять въ Собачью пещеру и заставляють дышать углекислотой, идетъ къ нему, едва двигая ногами, тяжело дыша и закинувъ назадъ голову... По всему видно, что на рандеву она идетъ первый разъ въ жизни. Но вотъ она подходитъ... Полминуты они молча глядятъ другъ на друга и какъ будто не вѣрятъ своимъ глазамъ. Засимъ какая-то сила толкаетъ Зиночку въ спину, она кладетъ руки на плечи Саши и склоняетъ свою головку на его жилетку. Саша смѣется, бормочетъ что-то несвязное и съ неуклюжестью очень влюбленнаго человѣка кладетъ обѣ свои ладони на Зиночкину физиомордію. А погода, господа, чудесная... Бугоръ, за которымъ прячется солнце, двѣ вербы, зеленые берега, небо— все это вмѣстѣ съ Сашей и съ Зиночкой отражается въ прудѣ. Тишина, можете себѣ представить. Надъ осокой золотятся милліоны мотыльковъ съ длинными усиками, за садомъ гонятъ стадо. Однимъ словомъ, хоть картину рисуй.

Изъ всего видѣннаго я понялъ только то, что Саша цѣловался съ Зиночкой. Это неприлично. Если узнаетъ мамъ п, то обоимъ достанется. Чувствуя, что мнѣ почему-то стыдно,

я ушелъ къ себѣ въ дѣтскую, не дожидаясь конца рандеву. Потомъ я сидѣлъ надъ задачникѣмъ, думалъ и соображалъ. По моей рождѣ плавала побѣдоносная улыбка. Съ одной стороны, пріятно быть владѣльцемъ чужой тайны, съ другой — тоже весьма пріятно сознавать, что такіе авторитеты, какъ Саша и Зиночка, во всякую минуту могутъ быть уличены мною въ незнаніи свѣтскихъ приличій. Теперь они въ моей власти и ихъ спокойствіе находится въ полной зависимости отъ моего великодушія. Я же имъ покажу!

Когда я дожился спать, Зиночка, по обновленію, зашла въ дѣтскую узнать, не уснулъ ли я въ одеждѣ и молился ли Богу. Я посмотрѣлъ на ея хорошенькое, счастливое лицо и ухмыльнулся. Тайна распирала меня и просилась наружу. Нужно было намекнуть и насладиться эффектомъ.

— А я знаю! — сказалъ я, ухмыляясь. — Гы-ы!

— Что вы знаете?

— Гы-ы! Я видѣлъ, какъ около вербъ вы цѣловались съ Сашей. Я пошелъ за вами и все видѣлъ...

Зиночка вздрогнула, вся покраснѣла и, пораженная моимъ намекомъ, опустила на стулъ, на которомъ стояли стаканъ съ водой и подсвѣчникъ.

— Я видѣлъ, какъ вы... цѣловались... — повторилъ я, хихикая и наслаждаясь ея смущеніемъ. — Ага! Вотъ я скажу мамѣ!

Малодушная Зиночка пристально посмотрѣла на меня и, убѣдившись, что я дѣйствительно все знаю, въ отчаяніи схватила меня за руку и забормотала дрожащимъ шопотомъ:

— Петя, это низко... Я васъ умоляю, ради Бога... Будьте мужчиной... не говорите никому... Порядочные люди не шпіонятъ... Это низко... умоляю васъ...

Бѣдняжка, какъ огня, боялась моей матери, дамы добродѣтельной и строгой — это разъ; во-вторыхъ, мое ухмыляющееся рыло не могло не осквернять ея первой, чистенькой и поэтической любви, а потому можете себѣ представить состояніе ея духа. По моей милости, она не спала всю ночь и на утро явилась къ чаю съ синими кругами подъ глазами... Встрѣтись послѣ чая съ Сашей, я не вытерпѣлъ, чтобъ не ухмыльнуться и не похвастать:

— А я знаю! Я видѣлъ, какъ ты вчера цѣловался съ m-ле Зиной!

Саша посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Ты глупъ.

Онъ не былъ такъ малодушенъ, какъ Зиночка, а потому эффектъ не удался. Это меня еще больше подзадорило. Если Саша не псугался, то, очевидно, онъ не вѣрилъ, что я все видѣлъ и знаю; такъ постой же, я тебѣ докажу!

Занимаясь со мной до обѣда, Зиночка не глядѣла на меня и заикалась. Въмѣсто того, чтобы припугнуть, она всячески заискивала у меня, ставя мнѣ пятерки и не жалуясь отцу на мои шалости. Будучи уменъ не по лѣтамъ, я эксплуатировалъ ея тайну, какъ хотѣлъ: не училъ уроковъ, ходилъ въ классной вверхъ ногами и говорилъ дерзости. Однимъ словомъ, продолжай я въ такомъ духѣ до сегодня, изъ меня выработался бы прекрасный шантажистъ. Ну-съ, прошла недѣля. Чужая тайна подзадоривала и мучила меня, какъ заноза въ душѣ. Мнѣ, во что бы то ни стало, хотѣлось выболтать ее и полюбоваться эффектомъ. И вотъ однажды за обѣдомъ, когда у насъ было много гостей, я преглуно ухмыльнулся, ехидно поглядѣлъ на Зиночку и сказалъ:

— А я знаю... Гы-ы! Я видѣлъ...

— Что ты знаешь? — спросила мать.

Я еще ехиднѣе поглядѣлъ на Зиночку и Сашу. Надо было видѣть, какъ вспыхнула дѣвушка и какіе злые глаза сдѣлала Саша! Я прикусилъ языкъ и не продолжалъ. Зиночка постепенно поблѣднѣла, стиснула зубы и ужъ ничего не фла. Въ тотъ же день во время вечернихъ занятій, я въ лицѣ Зиночки замѣтилъ рѣзкую перемѣну. Оно казалось строже, холоднѣе, какъ будто мраморнѣе, а глаза глядѣли странно, прямо мнѣ въ лицо, и, я вамъ даю честное слово, даже у гончихъ, когда онѣ догоняють волка, я никогда не видѣлъ такихъ поражающихъ, уничтожающихъ глаза! Выраженіе ихъ я отлично понималъ, когда она среди урока вдругъ стиснула зубы и процѣдила:

— Ненавижу! О, если бъ вы, гадкій, отвратительный, знали, какъ я васъ ненавижу, какъ мнѣ противна ваша стриженная голова, ваши пошлыя, оттопыренные уши!

Но тотчасъ же она испугалась и сказала:

— Это я не вамъ говорю, а повторяю роль...

Потомъ, господа, ночью я видѣлъ, какъ она подходила къ моей постели и долго глядѣла мнѣ въ лицо. Она ненавидѣла страстно и ужъ не могла жить безъ меня. Созерца-

лице моей ненавистной рожи стало для нея необходимостью. А то, помню, былъ прелестный лѣтній вечеръ. Пахло съномъ, была тишина и прочее. Свѣтила луна. Я ходилъ по аллеѣ и думалъ о вишневомъ вареньѣ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ блѣдная, прекрасная Зиночка, хватаетъ меня за руку и, задыхаясь, начинаетъ объясняться:

— О, какъ я тебя ненавижу! Никому я не желала столько зла, какъ тебѣ! Пойми это! Мнѣ хочется, чтобы ты понималъ это!

Понимаете ли, луна, блѣдное лицо, дышащее страстью, тишина... даже мнѣ, свиненку, стало приятно. Слушалъ я ее, глядѣлъ на ея глаза... Сначала мнѣ было приятно и ново, но потомъ пробралъ страхъ, я вскрикнулъ и, сломя голову, побѣжалъ въ домъ.

Я рѣшилъ, что самое лучшее, это — пожаловаться маман. И я пожаловался, рассказавъ кстати и о томъ, какъ Саша цѣловался съ Зиночкой. Я былъ глупъ и не зналъ послѣдствій, иначе бы я оставилъ тайну при себѣ. Маман, выслушавъ меня, вспыхнула негодованіемъ и сказала:

— Не твое дѣло говорить объ этомъ, ты еще очень молодъ... Но, однако, какой примѣръ для дѣтей!

Моя маман была не только добродѣтельна, но и тактична. Она, чтобы не поднимать скандала, выжила Зиночку не сразу, а постепенно, систематически, какъ вообще выживаютъ порядочныхъ, но нетерпимыхъ людей. Помню, когда уѣзжала отъ насъ Зиночка, то послѣдній ея взглядъ, который она бросила на домъ, былъ направленъ къ окну, гдѣ я сидѣлъ, и, увѣряю васъ, я до сихъ поръ помню этотъ взглядъ.

Зиночка скоро стала женою брата. Это Зинаида Николаевна, которую вы знаете. Потомъ я встрѣтился съ нею когда уже былъ юнкеромъ. При всемъ ея стараніи, она никакъ не могла узнать въ усатомъ юнкерѣ ненавистнаго Петю, но все же обошлась со мной не совсѣмъ по-родственному... И теперь даже, несмотря на мою добродушную плѣшь, смиренное брюшко и покорный видъ, она все еще косо глядитъ на меня и чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ, когда я заѣзжаю къ брату. Очевидно, ненависть такъ же не забывается, какъ и любовь... Чу! Я слышу, поетъ пѣтухъ. Спокойной ночи! Милордъ, на мѣсто!

НАХЛЪБНИКИ.

Мѣщанинъ Михайль Петровъ Зотовъ, старикъ лѣтъ семидесяти, дряхлый и одинокій, проснулся отъ холода и старческой лютости во всемя тѣлѣ. Въ комнатѣ было темно, но лампадка передъ образомъ уже не горѣла. Зотовъ приподнялъ занавѣску и поглядѣлъ въ окно. Облака, облежавшія небо, начинали уже подергиваться бѣлизной, и воздухъ становился прозрачнымъ, — стало-быть, былъ пятый часъ, не больше.

Зотовъ покрякалъ, покашлялъ и, пожимаясь отъ холода, всталъ съ постели. По давнишней привычкѣ, онъ долго стоялъ передъ образомъ и молился. Прочелъ «Отче нашъ», «Богородицу», «Вѣрую» и помянулъ длинный рядъ именъ. Кому принадлежать эти имена, онъ давно уже забылъ и поминалъ только по привычкѣ. По той же привычкѣ онъ подмелъ комнату и сѣни и поставилъ свой толстеный чепуховый самоварчикъ изъ красной мѣди. Не будь у Зотова этихъ привычекъ, онъ не зналъ бы, чѣмъ наполнить свою старость.

Поставленный самоварчикъ медленно разгорался и вдругъ неожиданно загудѣлъ дрожащимъ басомъ.

— Ну, загудѣлъ! — проворчалъ Зотовъ. — Гуди на свою голову!

Тутъ же кстати старикъ вспомнилъ, что въ истекшую ночь ему снилась печь, а видѣть во снѣ печь означаетъ печаль.

Снѣ и примѣты составляли единственное, что еще могло возбуждать его къ размышленіямъ. И на этотъ разъ онъ съ особенною любовью погрузился въ рѣшеніе вопросовъ: къ чему гудитъ самоваръ, какую печаль пророчить печь?

Сонъ на первыхъ же порахъ оказался въ руку: когда Зотовъ вышолоскалъ чайникъ и захотѣлъ заварить чай, то у него въ коробочкѣ не нашлось ни одной чайнки.

— Жизнь каторжная! — ворчалъ онъ, перекатывая языкомъ во рту крохи черного хлѣба. — Экая доля собачья! Чаю нѣту! Добро бы, простой мужикъ былъ, а то вѣдь мѣщанинъ, домовладѣлецъ. Срамота!

Ворча и разговаривая съ самимъ собой, Зотовъ надѣлъ свое похожее на кринолинъ пальто, сунулъ ноги въ громадные неуклюжія калоши (сшитыя сапожникомъ Прохорычемъ въ 1867 г.) и вышелъ на дворъ. Воздухъ былъ сѣръ, холоденъ и угрюмо-покоенъ. Большой дворъ, кудрявый отъ ренейника и усыпанный желтыми листьями, слегка серебрился осеннею изморосью. Ни вѣтра, ни звуковъ. Старикъ сѣлъ на ступени своего покосившагося крылечка, и тотчасъ же произошло то, что происходитъ аккуратно каждое утро: къ нему подошла его собака Лыска, большой дворовый песъ, бѣлый съ черными пятнами, облѣзлый, полухлопый, съ закрытымъ правымъ глазомъ. Подходила Лыска робко, трусливо изгибаясь, точно ея лапы касались не земли, а раскаленной плиты, и все ея дряхлое тѣло выражало крайнюю забитость. Зотовъ сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нее вниманія; но когда она, слабо шевеля хвостомъ и попрежнему изгибаясь, лизнула ему калошу, то онъ сердито топнулъ ногой.

— Пшла, чтобъ ты издохла! — крикнулъ онъ. — Прокля-та-я!

Лыска отомла въ сторону, сѣла и уставилась своимъ единственнымъ глазомъ на хозяина.

— Черти! — продолжалъ Зотовъ. — Васъ еще недоставало, продовъ, на мою голову!

И онъ съ ненавистью поглядѣлъ на свой сарай съ кривой поросшей крышей; тамъ изъ двери сарайчика глядѣла на него большая лошадиная голова. Вѣроятно, польщенная вниманіемъ хозяина, голова задвигалась, подалась впередъ, и изъ сарая показалась цѣлая лошадь, такая же дряхлая, какъ Лыска, такая же робкая и забитая, тонконогая, сѣдая, съ втянутымъ животомъ и костистой спиною. Она вышла изъ сарая и въ нерѣшительности остановилась, точно сконфузилась.

— Провала на васъ нѣтъ... — продолжалъ Зотовъ. — Не

стинули вы еще съ глазъ моихъ, фараоны каторжные... Небось, кушать желаете! — усмѣхнулся онъ, кривя свое злое лицо презрительной улыбкой. — Извольте, сію минуту! Для такого стѣящаго рысака овса самолучшаго сколько угодно! Кушайте! Сію минуту! И великолѣпную дорогую собаку есть чѣмъ покормить! Ежели такая дорогая собака, какъ вы, хлѣба не желаете, то говядинки можно.

Зотовъ ворчалъ съ полчаса, раздражаясь все больше и больше; подъ конецъ онъ, не вынося накопившей въ немъ злобы, вскочилъ, затопалъ калошными и забрюзжалъ на весь дворъ:

— Не обязанъ я кормить васъ, дармоѣды! Я не миліонщикъ какой, чтобъ вы меня объѣдали и опивали! Миѣ самому ѣсть нечего, одры поганые, чтобъ васъ холера забрала! Ни радости миѣ отъ васъ, ни корысти, а одно только горе и разоренье! Почему вы не околѣваете? Что вы за такія персоны, что васъ даже и смерть не беретъ? Живите, чортъ съ вами, но не желаю васъ кормить! Довольно съ меня! Не желаю!

Зотовъ возмущался, негодовалъ, а лошадь и собака слушали. Понимали ли эти два нахлѣбника, что ихъ попрекаютъ кускомъ хлѣба — не знаю, но животы ихъ еще болѣе втянулись и фигуры съжились, потускнѣли и стали забитѣе... Ихъ смиренный видъ еще болѣе раздражилъ Зотова.

— Вонъ! — закричалъ онъ, охваченный какимъ-то вдохновеніемъ. — Вонъ изъ моего дома! Чтобъ и глаза мои васъ не видѣли! Не обязанъ я у себя на дворѣ всякую дрянъ держать! Вонъ!

Старикъ засѣменилъ къ воротамъ, отворилъ ихъ и, поднявъ съ земли палку, еталъ выгонять со двора своихъ нахлѣбниковъ. Лошадь мотнула головой, задвигала лопатками и захромала въ ворота; собака за ней. Обѣ вышли на улицу и, пройдя шаговъ двадцать, остановились у забора.

— Я васъ! — пригрозилъ имъ Зотовъ.

Выгнавъ нахлѣбниковъ, онъ успокоился и началъ мести дворъ. Изрѣдка онъ выглядывалъ на улицу: лошадь и собака, какъ вкопанныя, стояли у забора и уныло глядѣли на ворота.

— Поживите-ка безъ меня! — ворчалъ старикъ, чувствуя, какъ у него отъ сердца отлегааетъ злоба. — Пушай-ка кто другой поглядитъ теперь за вами! Я и скупой, и злой... со мной скверно жить, такъ поживите съ другимъ... Да...

Насладившись угнетеннымъ видомъ нахлѣбниковъ и до-
сыта наворчавшись, Зотовъ вышелъ за ворота и, придавъ
своему лицу свирѣное выраженіе, крикнулъ:

— Ну, чего стоите? Кого ждете? Стали поперекъ дороги
и мѣшаютъ публикѣ ходить! Пошли во дворъ!

Лошадь и собака понурили головы и съ видомъ виноватыхъ
направились къ воротамъ. Лыска, вѣроятно, чувствуя,
что она не заслуживаетъ прощенія, жалобно завизжала.

— Жить живите, а ужъ насчетъ корма — накоса, вы-
куси! — сказала Зотовъ, выпуская ихъ. — Хоть околѣвайте.

Между тѣмъ сквозь утреннюю мглу стало пробиваться
солнце; его косые лучи заскользили по осенней измороси.
Послышались голоса и шаги. Зотовъ поставилъ на мѣсто
метлу и пошелъ со двора къ своему куму и сосѣду Марку
Иванычу, торговавшему въ бакалейной лавочкѣ. Придя къ
куму, онъ сѣлъ на складной стулъ, степенно вздохнулъ,
погладилъ бороду и заговорилъ о погодѣ. Съ погоды ку-
мовья перешли на новаго діакона, съ діакона на пѣвчихъ, —
и бесѣда затянулась. Незамѣтно было за разговоромъ, какъ
шло время, а когда мальчишка-лавочникъ притащилъ боль-
шой чайникъ съ кипяткомъ, и кумовья принялись пить чай,
то время полетѣло быстро, какъ птица. Зотовъ согрѣлся,
повеселѣлъ.

— А у меня къ тебѣ просьба, Маркъ Иванычъ, — на-
чалъ онъ послѣ шестого стакана, стуча пальцами по при-
лавку. — Ужъ ты того... будь милостивъ, дай и сегодня мнѣ
осьмушку овса.

Изъ-за большого чайнаго ящика, за которымъ сидѣлъ
Маркъ Иванычъ, послышался глубокій вздохъ.

— Дай, сдѣлай милость, — продолжалъ Зотовъ. — Чаю, ужъ
такъ и быть, не давай нынче, а овса дай... Конфузно просить,
одолѣлъ ужъ я тебя своей бѣдностью, но... лошадь голодная.

— Дать-то можно, — вздохнулъ кумъ. — Отчего не дать?
Но на кой лѣшій, скажи на милость, ты этихъ одровъ дер-
жишь? Добро бы лошадь путевая была, а то — тѣфу! глядѣть
совѣстно... А собака — чистый шкилетъ! На кой чортъ ты
ихъ кормишь?

— Куда же мнѣ ихъ дѣвать?

— Извѣстно куда. Сведи ихъ къ Игнату на живодер-
ню, — вотъ и вся музыка. Давно пора имъ тамъ быть. На-
стоящее мѣсто,

— Так-то оно так!.. Оно, пожалуй!..

— Живешь Христа-ради, а скотовъ держишь, — продолжалъ кумъ. — Миѣ овса не жалко... Богъ съ тобою, но ужъ больше, братъ, того... начестисто каждый день давать. Конца края нѣтъ твоей бѣдности! Даешь, даешь и не знаешь, когда всему этому конецъ придетъ.

Кумъ вздохнулъ и погладилъ себя по красному лицу.

— Помиралъ бы ты, что ли! — сказалъ онъ. — Живешь и самъ не знаешь, для чего... Да ей-Богу! А то, коли Господь смерти не даетъ, шель бы ты куда ни на есть въ богадѣльню или страннопріютный домъ.

— Зачѣмъ? У меня родня есть... У меня внучка...

И Зотовъ началъ длинно рассказывать о томъ, что гдѣ-то на хуторѣ живетъ внучка Глаша, дочь племянницы Катерины.

— Она обязана меня кормить! — сказалъ онъ. — Ей мой домъ останется, пуцай же и кормить! Возьму и пойду къ ней. Это, стало-быть, понимаешь, Глаша... Катина дочка, а Катя, понимаешь, брата моего Пантелея падчерица... понялъ? Ей домъ достанется... Пуцай меня кормить!

— А что жъ? Чѣмъ такъ, Христа-ради жить, давно бы пошелъ къ ней.

— И пойду! Накажи меня Богъ, пойду. Обязана!

Когда часъ спустя кумовья выпили по рюмочкѣ, Зотовъ стоялъ посреди лавки и говорилъ съ воодушевленіемъ:

— Я давно къ ней собираюсь! Сегодня же пойду!

— Оно, конечно! Чѣмъ такъ шалтай-балтай ходить и съ голоду околѣвать, давно бы на хутора пошелъ.

— Сейчасъ пойду! Приду и скажу: бери себѣ мой домъ, а меня корми и почитай. Обязана! Коли не желаешь, такъ нѣтъ тебѣ ни дома, ни моего благословенія! Прощай, Иваныч!

Зотовъ выпилъ еще рюмку и, вдохновленный новой мыслью, поспѣшилъ къ себѣ домой... Отъ водки его развезло, голова кружилась, но онъ не легъ, а собралъ въ узелъ всю свою одежду, помолился, взялъ палку и пошелъ со двора. Безъ оглядки, бормоча и стуча о камни палкой, онъ прошелъ всю улицу и очутился въ полѣ. До хутора было верстъ 10—12. Онъ шелъ по сухой дорогѣ, глядѣлъ на городское стадо, лѣниво жевавшее желтую траву, и думалъ о рѣзкомъ переломѣ въ своей жизни, который онъ

только-что такъ рѣшительно совершилъ. Думалъ онъ и о своихъ нахлѣбникахъ. Уходя изъ дома, онъ воротъ не заперъ и такимъ образомъ далъ имъ волю идти куда угодно.

Не прошелъ онъ по полю и версты, какъ позади послышались шаги. Онъ оглянулся и сердито всплеснулъ руками: за нимъ, понуривъ головы и поджавъ хвосты, тихо шли лошадь и Лыска.

— Пошли назадъ!—махнулъ онъ имъ.

Тѣ остановились, переглянулись, поглядѣли на него. Онъ пошелъ дальше, онѣ за нимъ. Тогда онъ остановился и сталъ размышлять. Къ полужнакомой внучкѣ Глашѣ идти съ этими тварями было невозможно, ворочаться назадъ и запереть ихъ не хотѣлось, да и нельзя запереть, потому что ворота никуда не годятся.

«Въ сараѣ издохнуть,—думалъ Зотовъ.—Нешто и впрямь къ Игнату?»

Изба Игната стояла на выгонѣ, въ шагахъ ста отъ плагбаума. Зотовъ, еще не рѣшившій окончательно и не зная, что дѣлать, направился къ ней. У него кружилась голова и темнѣло въ глазахъ...

Мало онъ помнитъ изъ того, что произошло во дворѣ живодера Игната. Ему помнится противный тяжелый запахъ кожи, вкусный паръ отъ щей, которыя хлебалъ Игнатъ, когда онъ вошелъ къ нему. Точно во снѣ онъ видѣлъ, какъ Игнатъ, заставивъ его прождать часа два, долго приготовлялъ что-то, переодѣвался, говорилъ съ какой-то бабой о сулемѣ; помнится, что лошадь была поставлена въ станокъ, послѣ чего послышались два глухихъ удара: одинъ по черену, другой отъ паденія большого тѣла. Когда Лыска, видя смерть своего друга, съ визгомъ набросилась на Игната, то послышался еще третій ударъ, рѣзко оборвавшій визгъ. Далѣе Зотовъ помнитъ, что онъ, сдуру и спяна, увидѣвъ два труна, подошелъ къ станку и поставилъ свой собственный лобъ...

Потомъ до самаго вечера его глаза заволакивало мутной пеленой, и онъ не могъ разглядѣть даже своихъ пальцевъ

ТАЛАНТЬ.

Художникъ Егоръ Саввичъ, живущій на дачѣ у оберъ-офицерской вдовы, сидитъ у себя на кровати и предается утренней меланхолии. На дворѣ осень. Тяжелыя, неуклюжія облака пластами облекли небо; дуетъ холодный, пронзительный вѣтеръ и деревья съ жалобнымъ плачемъ гнутся все въ одну сторону. Видно, какъ кружатся въ воздухѣ и по землѣ желтые листья. Прощай, лѣто! Эта тоска природы, если взглянуть на нее окомъ художника, въ своемъ родѣ прекрасна и поэтична, но Егору Саввичу не до красоты. Его съѣдаетъ скука и утѣшаетъ его только одна мысль, что завтра онъ уже не будетъ на этой дачѣ. Кровать, стулья, столы, полъ—все завалено подушками, скотканными одѣялами, корзинами. Въ комнатахъ не подметено, съ оконъ содраны ситцевыя занавѣски. Завтра переѣзжать въ городъ!

Вдовы-хозяйки нѣтъ дома. Она поѣхала куда-то нанимать подводы, чтобы завтра перевозиться. Дочь ея Катя, дѣвушка лѣтъ 20-ти, пользуясь отсутствіемъ строгой матери, давно уже сидитъ въ комнатѣ молодого человѣка. Завтра художникъ уѣзжаетъ, а ей многое нужно сказать ему. Она говоритъ, говоритъ и чувствуетъ, что не сказала еще и десятой доли того, что слѣдовало бы сказать. Глазами, полными слезъ, она глядитъ на его косматую голову, глядитъ и съ грустью, и съ восторгомъ. А космать Егоръ Саввичъ до безобразія, до звѣроподобія. Волосы до лопатокъ, борода растетъ изъ шеи, изъ ноздрей, изъ ушей, глаза спрятались за густыми, нависшими прядями бровей. Такъ

густо, такъ перепуталось, что попадись въ волоса муха или тараканъ, то не выбраться имъ изъ этого дремучаго лѣса во вѣки-вѣковъ. Егоръ Саввичъ слушаетъ Катю, зѣваетъ. Онъ усталъ. Когда Катя начинаетъ всхлипывать, онъ угрюмо взглядываетъ на нее сквозь нависшія брови, хмурится и говоритъ густымъ, тяжелымъ басомъ:

— Я не могу жениться.

— Почему же?—тихо спрашиваетъ Катя.

— Потому что художнику и вообще человѣку, живущему искусствомъ, нельзя жениться. Художникъ долженъ быть свободенъ.

— Чѣмъ же я помѣшала бы вамъ, Егоръ Саввичъ?

— Я не про себя говорю, а вообще... Знаменитые писатели и художники никогда не женятся.

— И вы будете знаменитостью, я это отлично понимаю, но войдите же и въ мое положеніе. Я боюсь мамыши... Она строгая и раздражительная. Какъ узнаетъ, что вы на мнѣ не женитесь, а такъ только... то и начнетъ меня изводить. О, горе мое! А тутъ вы еще ей за квартиру не заплатили!

— Чортъ съ ней, заплачу...

Егоръ Саввичъ поднимается и начинаетъ ходить.

— За границу бы!—говоритъ онъ.

И художникъ рассказываетъ, что нѣтъ ничего легче, какъ сѣздить за границу. Для этого стоить только написать картину и продать.

— Конечно!—соглашается Катя.—Отчего же вы лѣтомъ не писали?

— Да развѣ я могу въ этомъ сараѣ работать?—говоритъ съ досадой художникъ.—И гдѣ я здѣсь взялъ бы натурщиковъ?

Гдѣ-то внизу подъ поломъ ожесточенно хлопаетъ дверь. Катя, съ минуты на минуту ожидающая прихода матери, встаетъ и убѣгаетъ. Художникъ остается одинъ. Долго онъ ходитъ изъ угла въ уголь, лавируя между стульями и грудами домашней рухляди. Слышно ему, какъ вернувшаяся вдова стучитъ посудой и громко бранить какихъ-то мужиковъ, запросившихъ съ нея по два рубля съ воза. Съ огорченія Егоръ Саввичъ останавливается передъ шкапчикомъ и долго хмурится на графинъ съ водкой.

— А, чтобъ тебя подстрѣлило!—слышитъ онъ, какъ вдова набрасывается на Катю.—Погибели на тебя нѣту!

Художникъ выпиваетъ рюмку, и мрачная туча на его душѣ мало-по-малу проясняется, и онъ испытываетъ такое ощущеніе, точно у него въ животѣ улыбаются всѣ внутренности. Онъ начинаетъ мечтать... Воображеніе его рисуетъ, какъ онъ становится знаменитостью. Будущихъ произведеній своихъ онъ представить себѣ не можетъ, но ему ясно видно, какъ про него говорятъ газеты, какъ въ магазинахъ продають его карточки, съ какою завистью глядятъ ему вслѣдъ пріятели. Онъ силится вообразить себя въ богатой гостиной, окруженнымъ хорошенькими поклонницами, но воображеніе рисуетъ ему что-то туманное, неясное, такъ какъ онъ ни разу въ жизни не видалъ гостиной; хорошенькія поклонницы также не выходятъ, потому что онъ, кромѣ Кати, отродясь не видалъ ни одной поклонницы, ни одной порядочной дѣвушки. Люди, не знающіе жизни, обыкновенно рисуютъ себѣ жизнь по книгамъ, но Егоръ Саввичъ не зналъ и книгъ; собирался-было почитать Го-голя, но на второй же страницѣ уснулъ...

— Не разгорается, чтобъ онъ треснулъ! — оретъ гдѣ-то внизу вдова, ставя самоварь. — Катька, подай угли!

Мечтающій художникъ чувствуетъ потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими надеждами и мечтами. Онъ спускается внизъ въ кухню, гдѣ въ самоварномъ чаду, около темной печи копошатся толстая вдова и Катя. Здѣсь онъ садится на скамью около большого горшка и начинаетъ:

— Хорошо быть художникомъ! Куда хочу, туда иду; что хочу, то дѣлаю. На службу не ходитъ, земли не пахать... Ни начальства у меня, ни старшихъ... Самъ я себѣ старшій. И при всемъ томъ пользу приношу человѣчеству!

А послѣ обѣда онъ заваливается «отдохнуть». Обыкновенно спитъ онъ до вечернихъ потемокъ; но на сей разъ вскорѣ послѣ обѣда чувствуетъ онъ, что кто-то тянетъ его за ногу, кто-то, смѣясь, выкрикиваетъ его имя. Онъ открываетъ глаза и видитъ своего товарища Уклейкина, пейзажиста, ѣздившаго на все дѣло въ Костромскую губернію.

— Ва! — радуется онъ. — Кого вижу!

Начинаются рукопожатія, разспросы.

— Ну, привезъ что-нибудь? Чай, сотню этюдовъ набаталь? — говоритъ Егоръ Саввичъ, глядя, какъ Уклейкиньскій выкладываетъ изъ чемодана свои пожитки.

— И-да... Кое-что сдѣлать... А ты какъ? Написалъ что-нибудь?

Егоръ Саввичъ лѣзетъ за кровать и, весь побагровѣвъ, достаетъ оттуда запыленный и подернутый паутиной холстъ, натянутый на подрамникъ.

— Вотъ... «Дѣвушка у окна послѣ разлуки со своимъ женихомъ»...—говорить онъ.—Въ три сеанса. Далекое еще не кончено.

Картина изображаетъ едва подмалеванную Катю, сидящую у открытаго окна; за окномъ палисадникъ и лиловая даль. Уклейкину картина не нравится.

— Гм... Воздуху много и... и экспрессія есть,—говоритъ онъ.—Даль чувствуется, но... этотъ кусть кричитъ... Страшно кричитъ!

На сцену появляется графинчикъ.

Къ вечеру заходить къ Егору Саввичу его товарищъ и сосѣдь по дачѣ, историческій художникъ Костылевъ, малый лѣтъ 35-ти, тоже начинающій и подающій надежды. Онъ длинноволосъ, носитъ блузу и воротники à la Шекспиръ, держитъ себя съ достоинствомъ. Увидѣвъ водку, онъ морщится, жалуется на большую грудь, но, уступая просьбамъ товарищей, выпиваетъ рюмку.

— Придумалъ я, братцы, тему...—говоритъ онъ, хмелѣя.—Хочется мнѣ изобразить какого-нибудь этакого Перона... Прода, или Клепентьяна, или какого-нибудь, понимаете ли, подлеца въ этакомъ родѣ... и противопоставить ему идею христіанства. Съ одной стороны Римъ, съ другой, понимаете ли, христіанство... Мнѣ хочется изобразить духъ... понимаете? духъ!

А вдова внизу то и дѣло кричитъ:

— Катя, подай огурцовъ! Кобыла, сходи къ Сидорову, возьми квасу!

Коллеги, всѣ трое, какъ волки въ клѣткѣ, шагаютъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Они безъ умолку говорятъ, говорятъ искренно, горячо; всѣ трое возбуждены, вдохновлены. Если послушать ихъ, то въ ихъ рукахъ будущее, извѣстность, деньги. И ни одному изъ нихъ не приходится въ голову, что время идетъ, жизнь со дня на день близится къ закату, хлѣба чужого сѣдено много, а еще ничего не сдѣлано; что они всѣ трое—жертвы того неумолимаго закона, по которому изъ сотни начинающихъ и подающихъ на-

дежды только двое-трое выскакивают въ люди, всѣ же остальные попадаютъ въ тиражъ, погибають, сыгравъ роль мяса для пушекъ... Они веселы, счастливы и смѣло глядятъ въ глаза будущему!

Во второмъ часу ночи Костылевъ прощается и, поправляя свои шекспировскіе воротники, уходитъ домой. Пейзажистъ остается почевать у жанриста. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Егоръ Саввичъ беретъ свѣчу и пробирается въ кухню напиться воды. Въ узенькомъ, темномъ коридорчикѣ, на сундукѣ, сидитъ Катя и, сложивъ на колѣняхъ руки, глядитъ вверхъ. По ея блѣдному, замученному лицу плаваегъ блаженная улыбка, глаза блестятъ...

— Это ты? О чемъ ты думаешь?—спрашиваетъ у нея Егоръ Саввичъ.

— Я думаю о томъ, какъ вы будете знаменитостью...— говоритъ она полушопотомъ. — Миѣ все представляется, какой изъ васъ выйдетъ великій человекъ... Сейчасъ я всѣ ваши разговоры слышала... Я мечтаю... мечтаю...

Катя закатывается счастливымъ смѣхомъ, плачетъ и благоговѣнно кладетъ руки на плечи своего божка.

ДОРОГІЕ УРОКИ.

Для человѣка образованнаго незнаніе языковъ составляетъ большое неудобство. Воротовъ сильно почувствовалъ это, когда, выйдя изъ университета со степенью кандидата, занялся маленькой научной работкой.

— Это ужасно!—говорилъ онъ, задыхаясь (несмотря на свои 26 лѣтъ, онъ пухлъ, тяжелъ и страдаетъ одышкой.)— Это ужасно! Безъ языковъ я, какъ птица безъ крыльевъ. Просто хоть работу бросай.

И онъ рѣшилъ во что бы то ни стало побороть свою врожденную лѣнь и изучить французскій и нѣмецкій языки, и сталъ искать учителей.

Въ одинъ зимній полдень, когда Воротовъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и работалъ, лакей доложилъ, что его спрашиваетъ какая-то барышня.

— Прислѣ, — сказалъ Воротовъ.

И въ кабинетъ вошла молодая, по послѣдней модѣ, изысканно одѣтая барышня. Она отрекомендовалась учительницей французскаго языка Алисой Осиповной Анкетъ и сказала, что ее прислалъ къ Воротову одинъ изъ его друзей.

— Очень пріятно! Садитесь!—сказалъ Воротовъ, задыхаясь и прикрывая ладонью воротникъ своей ночной сорочки. (Чтобы легче дышалось, онъ всегда работаетъ въ ночной сорочкѣ).— Васъ прислалъ ко мнѣ Петръ Сергѣичъ? Да, да... я просилъ его... Очень радъ!

Договариваясь съ m^{lle} Анкетъ, онъ застѣнчиво и съ любопытствомъ поглядывалъ на нее. Это была настоящая,

очень изящная француженка, еще очень молодая. По лицу, блѣдному и томному, по короткимъ, кудрявымъ волосамъ и неестественно тонкой талии, ей можно было дать не больше 18 лѣтъ; взглянувъ же на ея широкія, хорошо развитыя плечи, на красивую спину и строгіе глаза, Воротовъ подумалъ, что ей навѣрное не меньше 23 лѣтъ, быть-можетъ, даже всѣ 25; но потомъ опять стало казаться, что ей только 18. Выраженіе лица у нея было холодное, дѣловое, какъ у человѣка, который пришелъ говорить о деньгахъ. Она ни разу не улыбнулась, не нахмурилась, и только разъ на ея лицѣ мелькнуло недоумѣніе, когда она узнала, что ее пригласили учить не дѣтей, а взрослога, толстаго человѣка.

— Итакъ, Алиса Осиповна,—говорилъ ей Воротовъ:—мы будемъ заниматься ежедневно отъ семи до восьми вечера. Что же касается вашего желанія—получать по рублю за урокъ, то я ничего не имѣю возразить противъ. По рублю—такъ по рублю...

И онъ еще спросилъ у нея, не хочетъ ли она чаю, или кофе, хороша ли на дворѣ погода, и добродушно улыбаясь, поглаживая ладонью сукно на столѣ, дружелюбно освѣдомился, кто она, гдѣ кончила курсъ и чѣмъ живетъ.

Алиса Осиповна съ холоднымъ, дѣловымъ выраженіемъ отвѣтила ему, что она кончила курсъ въ частномъ пансіонѣ и имѣетъ права домашней учительницы, что отецъ ея недавно умеръ отъ скарлатины, мать жива и дѣлаетъ пѣтты, что она, m-Ne Анкетъ, до обѣда занимается въ частномъ пансіонѣ, а послѣ обѣда, до самаго вечера, ходитъ по хорошимъ домамъ и даетъ уроки.

Она ушла, оставивъ послѣ себя легкой, очень иѣжный запахъ женскаго платья. Воротовъ долго потомъ не работалъ, а сидя у стола, поглаживалъ ладонями зеленое сукно и размышлялъ.

«Очень пріятно видѣть дѣвушекъ, зарабатывающихъ себѣ кусокъ хлѣба,—думалъ онъ.—Съ другой же стороны, очень непріятно видѣть, что нужда не падаетъ даже такихъ изящныхъ и хорошенькихъ дѣвицъ, какъ эта Алиса Осиповна, и ей также приходится вести борьбу за существованіе. Бѣда!..»

Онъ, никогда не выдавшій добродѣтельныхъ француженокъ, подумалъ также, что эта изящно одѣтая Алиса Ос-

Повна, съ хорошо развитыми плечами и съ преувеличенно тонкой таліей, по всей вѣроятности, кромѣ уроковъ, занимается еще чѣмъ-нибудь.

На другой день вечеромъ, когда часы показывали безъ пяти минутъ семь, пришла Алиса Осиповна, розовая отъ холода; она раскрыла Margot, котораго принесла съ собой, и начала безъ всякихъ предисловіи:

— Французская грамматика имѣеть 26 буквъ. Первая буква называется А, вторая В...

— Виновать,—перебилъ ее Воротовъ, улыбаясь.—Я долженъ предупредить васъ, мадмуазель, что лично для меня вамъ придется нѣсколько измѣнить вашъ методъ. Дѣло въ томъ, что я хорошо знаю русскій, латинскій и греческій языки... изучаю сравнительное языковѣдѣніе, и, мнѣ кажется, мы можемъ, минуя Margot, прямо приступить къ чтенію какого-нибудь автора.

И онъ объяснилъ французекѣ, какъ взрослые люди изучаютъ языки.

— Одинъ мой знакомый,—сказалъ онъ:—желая изучить новые языки, положилъ передъ собой французское, нѣмецкое и латинское Евангелія, читалъ ихъ параллельно, при чемъ кропотливо разбиралъ каждое слово, и что жъ? Онъ достигъ своей цѣли меньше, чѣмъ въ одинъ годъ. Сдѣлаемъ и мы такъ. Возьмемъ какого-нибудь автора и будемъ читать.

Франзуженка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него. По-видимому, предложеніе Воротова показалось ей очень наивнымъ и вздорнымъ. Если бы это странное предложеніе было сдѣлано малолѣтнимъ, то, навѣрное, она разсердилась бы и крикнула, но такъ какъ тутъ былъ человекъ взрослый и очень толстый, на котораго нельзя было кричать, то она только пожала плечами едва замѣтно и сказала:

— Какъ хотите.

Воротовъ порылся у себя въ книжномъ шкапу и досталъ оттуда истрепанную французскую книгу.

— Это годится?—спросилъ онъ.

— Все равно.

— Въ такомъ случаѣ давайте начинать. Господи благослови. Начнемъ съ заглавія... Mémoires.

— Воспоминанія...—перевела m-lle Анкетъ.

— Воспоминанія...—повторилъ Воротовъ.

Добродушно улыбаясь и тяжело дыша, онъ четверть часа

провозился со словом *mémoires* и столько же со словом *de*, и это утомило Алису Осиповну. Она отвѣчала на вопросы вяло, путалась и, повидимому, плохо понимала своего ученика и не старалась понять. Воротовъ предлагалъ ей вопросы, а самъ между тѣмъ поглядывалъ на ея бѣлокурую голову и думалъ:

«Ея волосы кудрявы не отъ природы, она завивается. Удивительно! Работаетъ съ утра до ночи и успѣваетъ еще завиваться».

Ровно въ восемь часовъ она поднялась и, сказавъ сухое, холодное *«au revoir monsieur»*, пошла изъ кабинета; и послѣ нея остался все тотъ же нѣжный, тонкій, волнующій запахъ. Ученикъ опять долго ничего не дѣлалъ, сидѣлъ у стола и думалъ.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни онъ убѣдился, что его учительница барышня милая, серьезная и аккуратная, но что она очень необразована и учить взрослыхъ не умѣетъ; и онъ рѣшилъ не тратить попусту времени, разстаться съ ней и пригласить другого учителя. Когда она пришла въ седьмой разъ, онъ досталъ изъ кармана конвертъ съ семью рублями и, держа его въ рукахъ, очень сконфузился и началъ такъ:

— Извините, Алиса Осиповна, но я долженъ вамъ сказать... поставленъ въ тяжелую необходимость...

Взглянувъ на конвертъ, француженка догадалась, въ чемъ дѣло, и въ первый разъ за все время уроковъ ея лицо дрогнуло и холодное, дѣловое выраженіе исчезло. Она слегка зарумянилась и, опустивъ глаза, стала нервно перебирать пальцами свою тонкую золотую цѣпочку. И Воротовъ, глядя на ея смущеніе, понялъ, какъ для нея дорогъ былъ рубль и какъ ей тяжело было бы лишиться этого заработка.

— Я долженъ вамъ сказать...—пробормоталъ онъ, смущаясь еще больше; и въ груди у него что-то скнуло; онъ торопливо сунулъ конвертъ въ карманъ и продолжалъ:— Извините, я... я оставляю весь на десять минутъ...

И дѣлая видъ, что онъ вовсе не хотѣлъ отказывать ей, а только просилъ позволенія оставить ее не надолго, онъ вышелъ въ другую комнату и высидѣлъ тамъ десять минутъ. И потомъ вернулся еще болѣе смущенный; онъ сообразилъ, что этотъ его уходъ на короткое время она мо-

жетъ объяснить какъ-нибудь по-своему, и ему было неловко.

Уроки начались опять.

Воротовъ занимался ужъ безъ всякой охоты. Зная, что изъ занятій не выйдетъ никакого толку, онъ далъ французенкѣ полную волю, ужъ ни о чемъ не спрашивалъ ее и не перебивалъ. Она переводила, какъ хотѣла, по десяти страницъ въ одинъ урокъ, а онъ не слушалъ, тяжело дышалъ, и отъ нечего дѣлать разсматривалъ то кудрявую головку, то шею, то нѣжныя бѣлыя руки, вдыхалъ запахъ ея платья...

Онъ ловилъ себя на нехорошихъ мысляхъ, и ему становилось стыдно, или уже онъ умилялся и тогда чувствовалъ огорченіе и досаду отъ того, что она держала себя съ нимъ такъ холодно, дѣловито, какъ съ ученикомъ, не улыбаясь и точно боясь, какъ бы онъ не прикоснулся къ ней нечаянно. Онъ все думалъ: какъ бы такъ внушить ей довѣріе, познакомиться съ нею покороче, потомъ помочь ей, дать ей понять, какъ дурно она преподаетъ, бѣдняжка.

Алиса Осиповна явилась однажды на урокъ въ нарядномъ розовомъ платьѣ, съ маленькимъ декольте, и отъ нея шелъ такой ароматъ, что казалось, будто она окутана облакомъ, будто стоитъ только дунуть на нее, какъ она полетитъ или разсѣется, какъ дымъ. Она извинилась и сказала, что можетъ заниматься только полчаса, такъ какъ съ урока пойдетъ прямо на балъ.

Онъ смотрѣлъ на ея шею и на спину, оголенную около шеи, и, казалось ему, понимаетъ, отчего это французенки пользуются репутаціей легкомысленныхъ и легко падающихъ созданій; онъ тонулъ въ этомъ облакѣ ароматовъ, красоты, наготы, а она, не зная его мыслей и, вѣроятно, нисколько не интересуясь ими, быстро перелистывала страницы и переводила на всѣхъ парахъ:

— Онъ ходилъ на улицѣ и встрѣчалъ господина своего знакомаго и сказалъ: «Куда вы устремяетесь, видя ваше лицо такое блѣдное, это дѣлаетъ мнѣ больно».

Mémoires давно уже были кончены и теперь Алиса переводила какую-то другую книгу. Разъ она пришла на урокъ часомъ раньше, извиняясь тѣмъ, что въ семь часовъ ей нужно ѣхать въ Малый театръ. Проводивъ ее послѣ урока, Воротовъ одѣлся и тоже поѣхалъ въ театръ.

Онъ поѣхалъ, какъ казалось ему, только затѣмъ, чтобы отдохнуть, развлечься, а объ Алисѣ у него не было и мыслей. Онъ не могъ допустить, чтобы человѣкъ серьезный, готовящійся къ ученой карьерѣ, тяжелый на подъемъ, бросилъ дѣлю и поѣхалъ въ театръ только затѣмъ, чтобы встрѣтиться тамъ съ мало знакомой, не умной, мало интеллигентной дѣвушкой...

Но почему-то въ антрактахъ у него билось сердце, онъ, самъ того не замѣчая, какъ мальчикъ бѣгалъ по фойе и по коридорамъ, нетерпѣливо отыскивая кого-то: и ему становилось скучно, когда антрактъ кончался; а когда онъ увидѣлъ знакомое розовое платье и красивыя плечи подъялемъ, сердце его сжалось, точно отъ предчувствія счастья, онъ радостно улыбнулся, и первый разъ въ жизни испытать ревнивое чувство.

Алиса шла съ какими-то двумя некрасивыми студентами и съ офицеромъ. Она хохотала, громко говорила, видимо, кокетничала; такую никогда не видѣлъ ея Воротовъ. Очевидно, она была счастлива, довольна, искренна, тепла. Отчего? Почему? Оттого, быть-можетъ, что эти люди были близки ей, изъ того же круга, что и она... И Воротовъ почувствовалъ страшную пропасть между собой и этимъ кругомъ. Онъ поклонился своей учительницѣ, но та холодно кивнула ему и быстро прошла мимо; ей, повидимому, не хотѣлось, чтобы ея кавалеры знали, что у нея есть ученики и что она отъ нужды даетъ уроки.

Послѣ встрѣчи въ театрѣ, Воротовъ понялъ, что онъ влюбленъ... Во время слѣдующихъ уроковъ, пожирая глазами свою изящную учительницу, онъ уже не боролся съ собою, а давалъ полный ходъ своимъ чистымъ и нечистымъ мыслямъ. Лицо Алисы Осиповны не переставало быть холоднымъ, ровно въ восемь часовъ каждого вечера она спокойно говорила «au revoir, monsieur», и онъ чувствовалъ, что она равнодушна къ нему и будетъ равнодушной и—положеніе его безнадежно.

Иногда среди урока онъ начиналъ мечтать, надѣяться, строить планы, сочинялъ мысленно любовное объясненіе, вспоминалъ, что француженки легкомысленны и податливы, но достаточно ему было взглянуть на лицо учительницы, чтобы мысли его мгновенно потухли, какъ потухаетъ свѣча, когда на дачѣ во время вѣтра выносишь ее на террасу.

Разъ онъ, опьянѣвъ, забывшись, какъ въ бреду, не выдержалъ и загоразивая ей дорогу, когда она выходила послѣ урока изъ кабинета въ переднюю, задыхаясь и заикаясь, сталъ объясняться въ любви:

— Вы мнѣ дороги! Я... я люблю васъ! Позвольте мнѣ говорить!

А Алиса поблѣднѣла—вѣроятно отъ страха, соображая, что послѣ этого объясненія ей ужъ нельзя будетъ ходить сюда и получать рубль за урокъ; она сдѣлала испуганные глаза и громко зашептала:

— Ахъ, это нельзя! Не говорите, прошу васъ! Нельзя!

И потомъ Воротовъ не спалъ всю ночь, мучился отъ стыда, бранилъ себя, напряженно думалъ. Ему казалось, что своимъ объясненіемъ онъ оскорбилъ дѣвушку, что она уже больше не придетъ къ нему.

Онъ рѣшилъ узнать утромъ въ адресномъ столѣ ея адресъ и написать ей извильтельное письмо. Но Алиса пришла и безъ письма. Первую минуту она чувствовала себя неловко, но потомъ раскрыла книгу и стала переводить быстро и бойко, какъ всегда:

«О, молодой господинъ, не разрывайте эти цвѣты въ моемъ саду, которые я хочу давать своей больной дочери»...

Ходить она до сегодня. Переведены уже четыре книги, а Воротовъ не знаетъ ничего, кромѣ слова «mémories», и когда его спрашиваютъ объ его научной работкѣ, то онъ машетъ рукой и, не отвѣтивъ на вопросъ, заводитъ рѣчь о погодѣ.

ВЪ САРАѢ.

Быль десятый часть вечера. Кучерь Степанъ, дворникъ Михайло, кучеровъ внукъ Алешка, прѣхавшій погостить къ дѣду изъ деревни, и Никандръ, семидесятилѣтній старикъ, приходившій каждый вечеръ во дворъ продавать сеledки, сидѣли вокругъ фонаря въ большомъ каретномъ сараѣ и играли въ короли. Въ открытую настежь дверь виденъ былъ весь дворъ, большой домъ, гдѣ жили господа, видны были ворота, погреба, дворницкая. Все было покрыто ночными потемками, и только четыре окна одного изъ флигелей, занятыхъ жильцами, были ярко освѣщены. Тѣни колясокъ и саней съ приподнятыми вверхъ оглоблями тянулись отъ стѣнъ къ дверямъ, перекрещивались съ тѣнями, падавшими отъ фонаря и игроковъ, дрожали... За тонкой перегородкой, отдѣлявшей сарай отъ конюшни, были лошади. Пахло сѣномъ, да отъ стараго Никандра шель неприятный селедочный запахъ.

Въ короли вышелъ дворникъ; онъ принялъ позу, какая, по его мнѣнью, подобаетъ королю, и громко высморкался въ красный, клѣтчатый платокъ.

— Теперь, кому хочу, тому голову срублю,—сказалъ онъ.

Алешка, мальчикъ лѣтъ восьми, съ бѣлобрысой, давно нестриженной головой, у котораго до короля не хватало только двухъ взятокъ, сердито и съ завистью поглядѣлъ на дворника. Онъ надулся и нахмурился.

— Я, дѣдъ, подѣ тебя буду ходить,—сказалъ онъ, задумываясь надъ картами.—Я знаю, у тебя дамка бубней.

— Ну, ну, дурачокъ, будетъ тебѣ думать! Ходи!

Алешка не смѣло пошелъ съ бубноваго валета. Въ это время со двора послышался звонокъ.

— А, чтобъ тебя...—проворчалъ дворникъ, поднимаясь.—Иди, король, ворота открывать.

Когда онъ, немного погодя, вернулся, Алешка былъ уже принцемъ, сеledочникъ—солдатомъ, а кучеръ—мужикомъ.

— Дѣло выходитъ дрянъ,—сказалъ дворникъ, опять усаживаясь за карты.—Сейчасъ докторовъ выпустилъ. Не вытасили.

— Гдѣ имъ! Почитай, только мозги расковыряли. Ежели пуля въ голову попала, то ужъ какіе тамъ доктора...

— Безъ памяти лежитъ,—продолжалъ дворникъ.—Должно, помретъ. Алешка, не подглядывай въ карты, песенокъ, а то за уши! Да, доктора со двора, а отецъ съ матерью во дворъ... Только-что пріѣхали. Вою этого, плачу—не приведи Богъ! Сказываютъ, одинъ сынъ... Горе!

Всѣ, кромѣ Алешки, погруженнаго въ игру, оглянулись на ярко освѣщенные окна флигеля.

— Завтра велѣно въ участокъ,—сказалъ дворникъ.—Допрось будетъ... А я что знаю? Нешто я видѣлъ? Зоветь меня ямиче утромъ, подаетъ письмо и говоритъ: «Опусти, говоритъ, въ почтовый ящикъ». А у самого глаза заплаканы. Жены и дѣтей дома не было, гулять пошли... Пока, значить, я ходилъ съ письмомъ, онъ и выпалилъ изъ левогольвера себѣ въ високъ. Прихожу, а ужъ его кухарка на весь дворъ голосить.

— Великій грѣхъ,—проговорилъ сильнымъ голосомъ сеledочникъ и покрутилъ головой.—Великій грѣхъ!

— Отъ большой науки,—сказалъ дворникъ, подбирая взятку.—Умъ за разумъ зашелъ. Бывало, по ночамъ сидитъ и все бумаги пишетъ... Ходи, мужикъ!.. А хорошій былъ баринъ. Изъ себя бѣлый, чернявый, высокій!.. Порядочный былъ жилецъ.

— Будто всему тутъ причина женскій полъ,—сказалъ кучеръ, хлоная козырной девяткой по бубновому королю.—Будто чужую жену любилъ, а своя оностылѣла. Бываетъ.

— Король бунтуется!—сказалъ дворникъ.

Въ это время со двора опять послышался звонокъ. Взбунтовавшійся король досадливо сплюнулъ и вышелъ. Въ окнахъ флигеля замелькали тѣни, похожія на танцующія пары. Раздались во дворѣ встревоженные голоса, торопливые шаги.

— Должно, опять доктора прини́ли,—сказалъ кучеръ.— Забѣгается нашъ Михайло...

Странный воющій голосъ прозвучалъ на мгновеніе въ воздухѣ. Алешка испуганно поглядѣлъ на своего дѣда, кучера, потомъ на окна и сказалъ:

— Вчера съ около воротъ онъ меня по головѣ погладилъ. Ты, говоритъ, мальчикъ, изъ какого уѣзда? Дѣдъ, кто это выль сейчасъ?

Дѣдъ ничего не отвѣтилъ и поправилъ огонь въ фонарѣ.

— Проналъ человекъ,—сказалъ онъ немного погодя и зѣвнулъ.—И онъ проналъ, и дѣтки его пронали. Теперь дѣтямъ на всю жизнь срамъ.

Дворникъ вернулся и сѣлъ около фонаря.

— Померъ!—сказалъ онъ.—Послали за старухами въ богадѣльню.

— Царство небесное, вѣчный покой!—прошепталъ кучеръ и перекрестился.

Глядя на него, Алешка тоже перекрестился.

— Нельзя такихъ поминать,—сказалъ сеledочникъ.;

— Отчего?

— Грѣхъ.

— Это вѣрно,—согласился дворникъ.—Теперь его душа прямо въ адъ, къ нечистому...

— Грѣхъ,—повторилъ сеledочникъ.—Такихъ ни хоронить, ни отиѣвать, а все равно какъ падалъ, безъ всякаго вниманія.

Старикъ надѣлъ картузь и всталъ.

— У нашей барыни-генеральши тоже вотъ,—сказалъ онъ, надвигая глубже картузь:—мы еще тогда крѣпостными были, меньшей сынъ тоже вотъ такъ отъ большого ума изъ пистоля себѣ въ ротъ выпалилъ. По закону выходить, надо хоронить такихъ безъ поповъ, безъ папихиды, за кладбищемъ, а барыня, значить, чтобъ сраму отъ людей не было, подмазала полицейскихъ и докторовъ, и такую бумагу ей дали, будто сынъ въ горячкѣ это самое, въ безпамятствѣ. За деньги все можно. Похоронили его, значить, съ попами, честь честью, музыка играла, и положили подъ церковью, потому покойный генералъ эту церковь на свои деньги выстроилъ, и вся его тамъ родня похоронена. Только вотъ это, братцы, проходить мѣсяць, проходить другой и ничего. На третій мѣсяць докладываютъ генеральшиѣ, изъ церкви

этой самой сторожа пришли. Что надо? Привели ихъ къ ней; они ей въ ноги. «Не можемъ, говорятъ, ваше превосходительство, служить... Ищите другихъ сторожей, а насъ, сдѣлайте милость, увольте».—Почему такое?—«Нѣтъ, говорятъ, никакой возможности. Вашъ сынокъ всю ночь подъ церковью воетъ».

Аленка вздрогнулъ и припалъ лицомъ къ спинѣ кучера, чтобы не видѣть оконъ.

— Генеральша сначала слушать не хотѣла,—продолжалъ старикъ.—Все это, говорить, у васъ, у простонародья, отъ мнѣнія. Мертвый человѣкъ не можетъ вѣть. Спустия время, сторожа оиать къ ней, а съ ними и дьячокъ. Значить, и дьячокъ слышалъ, какъ тотъ воетъ. Видитъ генеральша, дѣло плохо, заперлась со сторожами у себя въ спальнѣ и говорить: «Вотъ вамъ, друзья, 25 рублей, говорить, а за это вы ночью потихоньку, чтобы никто не видѣлъ и не слышалъ, вырвите моего несчастнаго сына и закопайте его, говорить, за кладбищемъ». И должно, по стаканчику имъ поднесла... Сторожа такъ и сдѣлали. Плита-то съ надписомъ подъ церковью и посеичасъ, а онъ-то самъ, генеральскій сынъ, за кладбищемъ... Охъ, Господи, прости насъ, грѣшныхъ!—вздохнулъ селедочникъ.—Въ году только одинъ день, когда за такихъ молиться можно: Троицына суббота... Нищимъ за нихъ подавать нельзя, грѣхъ, а можно за упокой души птицъ кормить. Генеральша каждыя три дня на перекрестокъ выходила и птицъ кормила. Разъ на перекресткѣ, откуда ни возьмись, черная собака; подскочила къ хлѣбу и была такова... Известно, какая это собака. Генеральша потомъ дней пять, какъ полумная, не пила, не ѣла... Вдругъ это упадаетъ въ саду на колѣни и молится, молится... Ну, прощайте, братцы, дай вамъ Богъ, Царица Небесная. Пойдемъ, Михайлушка, отворишь мнѣ ворота.

Селедочникъ и дворникъ вышли. Кучеръ и Аленка тоже вышли, чтобы не оставаться въ сараѣ.

— Жилъ человѣкъ и померъ!—сказалъ кучеръ, глядя на окна, въ которыхъ все еще мелькали тѣни.—Сегодня утромъ тутъ по двору ходилъ, а теперь мертвый лежитъ.

— Придетъ время и мы померемъ,—сказалъ дворникъ, уходя съ селедочникомъ, и ихъ обоихъ уже не было видно въ потемкахъ.

Кучерь, а за нимъ Алешка, не смѣло подошли къ освѣщеннымъ окнамъ. Очень блѣдная дама, съ большими заплаканными глазами и сѣдой, благообразный мужчина сдвигали среди комнаты два ломберныхъ стола, вѣроятно, затѣмъ, чтобы положить на нихъ покойника, и на зеленомъ сукиѣ столовъ видны были еще цифры, написанныя мѣломъ. Кухарка, которая утромъ бѣгала по двору и голосила, теперь стояла на стулѣ и, вытягиваясь, старалась закрыть простынею зеркало.

— Дѣдь, что они дѣлають?—спросилъ шопотомъ Алешка.

— Сейчасъ его на столы класть будутъ,—отвѣтилъ дѣдь.—
Пойдемъ, дѣтка, пора спать.

Кучерь и Алешка вернулись въ сарай. Помолвились Богу, разулись. Степанъ легъ въ углу на полу. Алешка въ саяхъ. Сарайныя двери были уже закрыты, сильно воняло гарью отъ потушеннаго фонаря. Немного погодя Алешка поднималъ голову и поглядѣлъ вокругъ себя; сквозь щели дверей виденъ былъ свѣтъ все отъ тѣхъ же четырехъ оконъ.

— Дѣдь, мнѣ странно!—сказалъ онъ.

— Ну, спи, спи...

— Тебѣ говорю, странно!

— Что тебѣ странно? Экой баловникъ!

Помолчали.

Алешка вдругъ выскочилъ изъ саней и, громко заплакавъ, подбѣжалъ къ дѣду.

— Что ты? Чего тебѣ?—испугался кучерь, тоже поднимаясь.

— Воешь!

— Кто воешь?

— Странно, дѣдь... Слышь?

Кучерь прислушался.

— Это плачуть,—сказалъ онъ.—Ну, поди, дурачокъ. Имъ жалко, ну и плачуть.

— Я въ деревню хочу...—продолжалъ внукъ, всхлипывая и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Дѣдь, поѣдемъ въ деревню къ мамкѣ; поѣдемъ, дѣдь, милый, Богъ тебѣ за это пошлетъ царство небесное...

— Экой дуракъ, а! Ну, молчи, молчи... Молчи, я фонарь засвѣчу... Дуракъ!

Кучерь нащупалъ спички и зажегъ фонарь. Но свѣтъ не успокоилъ Алешку.

— Дѣдъ Степанъ, поѣдемъ въ деревню! — просилъ онъ, плача. — Мнѣ тутъ страшно... и-и, какъ страшно! И зачѣмъ ты, окаянный, меня изъ деревни выписалъ?

— Кто это окаянный? А нешто можно законному дѣду такія неосновательныя слова? Выпори!

— Выпори, дѣдъ, выпори, какъ Сидорову козу, а только свези меня къ мамкѣ, сдѣлай божескую милость...

— Ну, ну, внучекъ, ну! — зашенталъ ласково кучеръ. — Ничего, не бойся... Мнѣ и самому страшно... Ты Богу хохлись!

Скрипнула дверь и показалась голова дворника.

— Не спишь, Степанъ? — спросилъ онъ. — А мнѣ всю ночь не спать, — сказалъ онъ, входя. — Всю ночь отвори ворота, да заирай... Ты, Алешка, что плачешь?

— Страшно, — отвѣтилъ за внука кучеръ.

Опять въ воздухъ не надолго пронесся воюющій голосъ. Дворникъ сказалъ:

— Плачутъ. Мать глазамъ не вѣрять... Страсть какъ убивается.

— И отецъ тутъ?

— И отецъ... Отецъ ничего. Сидитъ въ уголникѣ и молчитъ. Дѣтей къ роднымъ унесли... Что жъ, Степанъ? Въ своего козыря сыграемъ, что ли?

— Давай, — согласился кучеръ, почесываясь. — А ты, Алешка, ступай спи. Женить пора, а ревешь, подлець. Ну, ступай, внучекъ, иди...

Присутствіе дворника успокоило Алешку; онъ не смѣло пошелъ къ санямъ и легъ. И пока онъ засыпалъ, ему слышался полушопотъ.

— Бью и наваливаю... — говорилъ дѣдъ.

— Бью и наваливаю... — повторялъ дворникъ.

Во дворѣ позвонили, дверь скрипнула и тоже, казалось, проговорила: «Бью и наваливаю». Когда Алешка увидѣлъ во снѣ барина и, испугавшись его глазъ, вскочилъ и заплакалъ, было уже утро, дѣдъ храпѣлъ и сарай не казался страшнымъ.

РАЗСКАЗЪ ГОСПОЖИ NN.

Лѣтъ девять назадъ, какъ-то разъ передъ вечеромъ, по время сѣнокоса, я и Петръ Сергѣичъ, исправляющій должность судебного слѣдователя, поѣхали верхомъ на станцію за письмами.

Погода была великолѣпная, но на обратномъ пути слышались раскаты грома, и мы увидѣли сердитую черную тучу, которая шла прямо на насъ. Туча приближалась къ намъ, а мы къ ней.

На ея фонѣ бѣлѣли нашъ домъ и церковь, серебрились высокіе тополи. Пахло дождемъ и скошеннымъ сѣномъ. Мой спутникъ былъ въ ударѣ. Онъ смѣялся и говорилъ всякій вздоръ. Онъ говорилъ, что было бы не дурно, если бы на пути намъ вдругъ встрѣтился какой-нибудь средне-вѣковый замокъ съ зубчатыми башнями, съ мохомъ, съ совами, чтобы мы спрятались туда отъ дождя и чтобы насъ въ концѣ-концовъ убилъ громъ...

Но вотъ по ржи и по овсяному полю пробѣжала первая волна, рвануль вѣтеръ и въ воздухѣ закружилась пыль. Петръ Сергѣичъ разсмѣялся и прищипорилъ лошадь.

— Хорошо!—крикнулъ онъ.—Очень хорошо!

Я, зараженная его веселостью, и отъ мысли, что сейчасъ промокну до костей и могу быть убита молніей, тоже стала смѣяться.

Этотъ вихрь и быстрая ѣзда, когда задыхаешься отъ вѣтра и чувствуешь себя птицей, волнуютъ и щекочутъ грудь. Когда мы вѣхали въ нашъ дворъ, вѣтра уже не

было, и крупныя брызги дождя стучали по травѣ и по крышамъ. Около конюшни не были ни души.

Петръ Сергѣичъ самъ разнуздаль лошадей и повелъ ихъ къ стойламъ. Ожидая, когда онъ кончитъ, я стояла у порога и смотрѣла на косыя дождевыя полосы; приторный, возбуждающій запахъ сѣна чувствовался здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ полѣ; отъ тучъ и дождя было сумеречно.

— Вотъ такъ ударъ!—сказаль Петръ Сергѣичъ, подходя ко мнѣ послѣ одного очень сильнаго, раскатистаго громоваго удара, когда, казалось, небо треснуло пополамъ. — Каково?

Онъ стоялъ рядомъ на порогѣ и, тяжело дыша отъ быстрой ѣзды, глядѣлъ на меня. Я замѣтила, что онъ любится.

— Наталья Владиміровна,—сказаль онъ:—я отдалъ бы все, чтобы только подольше стоять такъ и глядѣть на васъ. Сегодня вы прекрасны.

Глаза его глядѣли восторженно и съ мольбой, лицо было блѣдно, на бородѣ и усахъ блестѣли дождевыя капли, которыя тоже, казалось, съ любовью глядѣли на меня.

— Я люблю васъ,—сказаль онъ.—Люблю и счастливъ, что вижу васъ. Я знаю, вы не можете быть моею женою, но ничего я не хочу, ничего мнѣ не нужно, только знайте, что я люблю васъ. Молчите, не отвѣчайте, не обращайте вниманія, а только знайте, что вы мнѣ дороги, и позвольте смотрѣть на васъ.

Его восторгъ сообщился и мнѣ. Я глядѣла на его вдохновенное лицо, слушала голосъ, который мѣшался съ шумомъ дождя и, какъ очарованная, не могла шевельнуться.

Мнѣ безъ конца хотѣлось глядѣть на блестящіе глаза и слушать.

— Вы молчите — и прекрасно! — сказаль Петръ Сергѣичъ.—Продолжайте молчать.

Мнѣ было хорошо. Я засмѣялась отъ удовольствія и побѣжала подъ проливнымъ дождемъ къ дому; онъ тоже засмѣялся и, подпрыгивая, побѣжалъ за мной.

Оба мы шумно, какъ дѣти, мокрые, запыхавшіеся, стуча по лѣстницамъ, влетѣли въ комнаты. Отецъ и братъ, не привыкшіе видѣть меня хохочущей и веселой, удивленно поглядѣли на меня и тоже стали смѣяться.

Грозовыя тучи ушли, громъ умолкъ, а на бородѣ Петра

Сергѣича все еще блестяли дождевыя капли. Весь вечеръ до ужина онъ пѣлъ, насвистывалъ, шумно игралъ съ собакой, гоняясь за нею по комнатамъ, такъ что едва не сбилъ съ ногъ человека съ самоваромъ. А за ужиномъ онъ много ѣлъ, говорилъ глупости и увѣрялъ, что когда зимою ѣшь свѣжіе огурцы, то во рту пахнетъ весной.

Ложась спать, я зажгла свѣчку и отворила настежь свое окно, и неопредѣленное чувство овладѣло моею душою. Я вспомнила, что я свободна, здорова, знатна, богата, что меня любятъ, а главное, что я знатна и богата,—знатна и богата — какъ это хорошо, Боже мой!.. Потомъ, пожимаясь въ постели отъ легкаго холода, который пробирался ко мнѣ изъ сада вмѣстѣ съ росой, я старалась понять, люблю я Петра Сергѣича, или нѣтъ... И не понявши ничего, уснула.

А когда утромъ увидала на своей постели дрожащія солнечныя пятна и тѣни лиловыхъ вѣтвей, въ моей памяти живо воскресло вчерашнее. Жизнь показалась мнѣ богатой, разнообразной, полной прелести. Напѣвая, я быстро одѣлась и побѣжала въ садъ...

А потомъ что было? А потомъ—ничего. Зимой, когда мы жили въ городѣ, Петръ Сергѣичъ изрѣдка прѣзжалъ къ намъ. Деревенскіе знакомые очаровательны только въ деревнѣ и лѣтомъ, въ городѣ же и зимою они теряютъ половину своей прелести. Когда въ городѣ поишь ихъ чаемъ, то кажется, что на нихъ чужіе скюртки и что они слишкомъ долго мѣшаютъ ложечкой свой чай. И въ городѣ Петръ Сергѣичъ иногда говорилъ о любви, но выходило совсѣмъ не то, что въ деревнѣ. Въ городѣ мы сильнѣе чувствовали стѣну, которая была между нами: я знатна и богата, а онъ бѣденъ, онъ не дворянинъ даже, сынъ дьякона, онъ исправляющій должность судебного слѣдователя и только; оба мы—я по молодости лѣтъ, а онъ Богъ знаетъ почему — считали эту стѣну очень высокою и толстою, и онъ, бывая у насъ въ городѣ, натянуто улыбался и критиковалъ высшій свѣтъ, и угрюмо молчалъ, когда при немъ былъ кто-нибудь въ гостиной. Нѣтъ такой стѣны, которой нельзя было бы пробить, но герои современнаго романа, насколько я ихъ знаю, слишкомъ робки, вялы, лѣнивы и мнительны, и слишкомъ скоро мирятся съ мыслью о томъ, что они неудачники, что личная жизнь обманула ихъ;

вмѣсто того, чтобы бороться, они лишь критикуютъ, называя свѣтъ пошлымъ и забывая, что сама ихъ критика мало-по-малу переходитъ въ пошлость.

Меня любили, счастье было близко и, казалось, жило со мной плечо-о-плечо; я жила прииѣваячи, не стараясь понять себя, не зная, чего я жду и чего хочу отъ жизни, а время шло и шло... Проходили мимо меня люди со своей любовью, мелькали ясные дни и теплыя ночи, пѣли соловьи, пахло сѣномъ — и все это, милое, изумительное по воспоминаніямъ, у меня, какъ у всѣхъ, проходило быстро, безслѣдно, не цѣнилось и исчезало, какъ туманъ... Гдѣ все оно?

Умеръ отецъ, я постарѣла; все, что правилось, ласкало, давало надежду — шумъ дождя, раскаты грома, мысли о счастьѣ, разговоры о любви — все это стало однимъ воспоминаніемъ, и я вижу впереди ровную, пустынную даль: на равнинѣ ни одной живой души, а тамъ на горизонтѣ темно, страшно...

Вотъ звонокъ... Это пришелъ Петръ Сергѣичъ. Когда я зимою вижу деревья и вспоминаю, какъ они зеленѣли для меня лѣтомъ, я шепчу:

— О, мои милые!

А когда я вижу людей, съ которыми я провела свою весну, мнѣ становится грустно, тепло и я шепчу то же самое.

Его давно уже, по протекціи моего отца, перевели въ городъ. Онъ немножко постарѣлъ, немножко осунулся. Онъ давно уже пересталъ объясняться въ любви, не говорить уже вздора, службы своей не любить, чѣмъ-то боленъ, въ чемъ-то разочарованъ, махнулъ на жизнь рукой и живетъ нехотя. Вотъ онъ сѣлъ у камина; молча глядитъ на огонь... Я, не зная, что сказать, спросила:

— Ну, что?

— Ничего... — отвѣтилъ онъ.

И опять молчаніе. Красный свѣтъ отъ огня запрыгаль по его печальному лицу.

Вспомнилось мнѣ прошлое, и вдругъ мои плечи задрожали, голова склонилась, и я горько заплакала. Мнѣ стало невыносимо жаль самоё-себя и этого человѣка и страстно захотѣлось того, что прошло и въ чемъ теперь отказываетъ

намъ жизнь. И теперь я уже не думала о томъ, какъ я знатна и богата.

Я громко всхлипывала, сжимая себѣ виски, и бормотала:
— Боже мой, Боже мой, погибла жизнь...

А онъ сидѣлъ, молчалъ и не сказалъ миѣ: «не плачьте». Онъ понималъ, что плакать нужно и что для этого наступило время. Я видѣла по его глазамъ, что ему жаль меня; и миѣ тоже было жаль его и досадно на этого робкаго неудачника, который не сумѣлъ устроить ни моей жизни, ни своей.

Когда я провожала его, то онъ въ передней, какъ миѣ показалось, нарочно долго надѣвалъ шубу. Раза два молча поцѣловалъ миѣ руку и долго глядѣлъ миѣ въ заплаканное лицо. Я думаю, что въ это время вспомнилъ онъ грозу, дождевыя полосы, нашъ смѣхъ, мое тогдашнее лицо. Ему хотѣлось сказать миѣ что-то, и онъ былъ бы радъ сказать, но ничего не сказалъ, а только покачалъ головой и крѣпко пожалъ руку. Богъ съ нимъ!

Проводивъ его, я вернулась въ кабинетъ и опять сѣла на коврѣ передъ каминомъ. Красные уголья подернулись пепломъ и стали потухать. Морозъ еще сердитѣе застучалъ въ окно, и вѣтеръ зашѣлъ о чемъ-то въ каминной трубѣ.

Вошла горничная и, думая, что я уснула, окликнула меня...

ВЫИГРЫШНЫЙ БИЛЕТЪ.

Иванъ Дмитричъ, человекъ средній, проживающій съ семьей тысячу двѣсти рублей въ годъ и очень довольный своей судьбой, какъ-то послѣ ужина сѣлъ на диванъ и сталъ читать газету.

— Забыла я сегодня въ газету поглядѣть,—сказала его жена, убирая со стола.—Посмотри. нѣтъ ли тамъ таблицы тиражей?

— Да, есть,—отвѣтилъ Иванъ Дмитричъ.—А развѣ твой билетъ не пропалъ въ залогѣ?

— Нѣтъ, я во вторникъ носила проценты.

— Какой номеръ?

— Серія 9.499, билетъ 26.

— Такъ-съ... Посмотримъ-съ... 9.499 и 26.

Иванъ Дмитричъ не вѣрилъ въ лотерейное счастье и въ другое время ни за что не сталъ бы глядѣть въ таблицу тиражей, но теперь отъ нечего-дѣлать и—благо, газета была передъ глазами—онъ провелъ пальцемъ сверху внизъ по номерамъ серій. И тотчасъ же, точно въ насмѣшку надъ его невѣріемъ, не дальше какъ во второй строкѣ сверху, рѣзко бросилась въ глаза цифра 9.499! Не поглядѣвъ, какой номеръ билета, не провѣряя себя, онъ быстро опустилъ газету на колѣни и, какъ будто кто плеснулъ ему на животъ холодной водой, почувствовалъ подъ ложечкой пріятный холодокъ: и щекотно, и страшно, и сладко!

— Маша, 9.499 есть!—сказалъ онъ глухо.

Жена поглядѣла на его удивленное, испуганное лицо и поняла, что онъ не шутить.

— 9.499? — спросила она, блѣднѣя и опуская на столъ сложенную скатерть.

— Да, да... Серьезно есть!

— А номеръ билета?

— Ахъ, да! Еще номеръ билета. Впрочемъ, постой... погоди. Нѣтъ, каково? Все-таки номеръ нашей серіи есть! Все-таки, понимаешь...

Иванъ Дмитричъ, глядя на жену, улыбался широко и бессмысленно, какъ ребенокъ, которому показывают блестящую вещь. Жена тоже улыбалась: ей, какъ и ему, пріятно было, что онъ назвалъ только серію и не спѣшитъ узнать номеръ счастливаго билета. Томить и дразнить себя надеждой на возможное счастье—это такъ сладко, жутко!

— Наша серія есть, — сказалъ Иванъ Дмитричъ послѣ долгаго молчанія.—Значитъ, есть вѣроятность, что мы выиграли. Только вѣроятность, но все же она есть!

— Ну, теперь взгляни.

— Поймай. Еще успѣемъ разочароваться. Это во второй строкѣ сверху, значитъ, выиграешь въ 75.000. Это не деньги, а сила, капиталъ! И вдругъ я погляжу сейчасъ въ таблицу, а тамъ—26! А? Послушай, а что если мы въ самомъ дѣлѣ выиграли?

Супруги стали смѣяться и долго глядѣли другъ на друга молча. Возможность счастья отуманила ихъ, они не могли даже мечтать, сказать, на что имъ обоимъ нужны эти 75.000, что они купятъ, куда пойдутъ. Думали они только о цифрахъ 9.499 и 75.000, рисовали ихъ въ своемъ воображеніи, а о самомъ счастьѣ, которое было такъ возможно, имъ какъ-то не думалось.

Иванъ Дмитричъ, держа въ рукахъ газету, нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголь, и только, когда успокоился отъ перваго впечатлѣнія, сталъ понемногу мечтать.

— А что, если мы выиграли?—сказалъ онъ.—Вѣдь это новая жизнь, это катастрофа! Билетъ твой, но если бы онъ былъ моимъ, то я прежде всего, конечно, купилъ бы тысячъ за 25 какую-нибудь недвижимость въ родѣ имѣнія; тысячъ 10 на одновременные расходы: новая обстановка... путешествіе, долги заплатить и прочее... Остальные 40 тысячъ въ банкъ подъ проценты...

— Да, имѣніе—это хорошо,—сказала жена, садясь и опускающая на колѣни руки.

— Гдѣ-нибудь въ Тульской или Орловской губерніи... Во-первыхъ, дачи не нужно, во-вторыхъ, все-таки доходъ.

И въ его воображеніи затолпились картины, одна другой ласковѣй, поэтичнѣй, и во всѣхъ этихъ картинахъ онъ видѣлъ себя самого сытымъ, спокойнымъ, здоровымъ, ему тепло, даже жарко! Вотъ онъ, поѣвши холодной, какъ ледъ, окрошки, лежитъ вверхъ животомъ на горячемъ пескѣ у самой рѣчки, или въ саду подъ липой... Жарко... Сынишка и дочь ползаютъ возлѣ, роются въ пескѣ, или ловятъ въ травѣ козявокъ. Онъ сладко дремлетъ, ни о чемъ не думаетъ и всѣмъ тѣломъ чувствуетъ, что ему не идти на службу ни сегодня, ни завтра, ни послѣзавтра. А надоѣло лежать, онъ идетъ на сѣнокосъ, или въ лѣсъ за грибами, или же глядитъ, какъ мужики ловятъ неведомъ рыбу. Когда садится солнце, онъ беретъ простыню, мыло и плетется въ купальню, гдѣ не спѣша раздѣвается, долго разглаживаетъ ладонями свою голую грудь и лѣзетъ въ воду. А въ водѣ, около матовыхъ мыльныхъ круговъ суетятся рыбешки, качаются зеленые водоросли. Послѣ купанья чай со сливками и со сладкими кределями... Вечеромъ прогулка, или винтъ съ сосѣдями.

— Да, хорошо бы купить имѣніе,—говоритъ жена, тоже мечтая, и по лицу ея видно, что она очарована своими мыслями.

Иванъ Дмитричъ рисуетъ себѣ осень съ дождями, съ холодными вечерами и съ бабьимъ лѣтомъ. Въ это время нужно нарочно подольше гулять по саду, огороду, по берегу рѣчки, чтобы хорошенько озябнуть, а потомъ выпить большую рюмку водки и закусить соленымъ рыжикомъ, или укропнымъ огурчикомъ и—выпить другую. Дѣтишки бѣгутъ съ огорода и тащутъ морковь и рѣдьку, отъ которой пахнетъ свѣжей землей.. А послѣ развалиться на диванъ и не спѣша разсматривать какой-нибудь иллюстрированный журналъ, а потомъ прикрыть журналомъ лицо, разстегнуть жилетку, отдаться дремотѣ...

За бабьимъ лѣтомъ слѣдуетъ хмурое, ненастное время. Днемъ и ночью идетъ дождь, голыя деревья плачутъ, вѣтеръ сыръ и холодеетъ. Собаки, лошади, куры—все мокро, уныло, робко. Гулять негдѣ, изъ дому выходить нельзя, цѣлый день приходится шагать изъ угла въ уголь и тоскливо поглядывать на пасмурныя окна. Скучно!

Иванъ Дмитричь остановился и посмотрѣлъ на жену.

— Я, знаешь, Маша, за границу поѣхаль бы,—сказаль онъ.

И онъ сталъ думать о томъ, что хорошо бы поѣхать небольшою осенью за границу, куда-нибудь въ южную Францію, Италию... Индію!

— Я тоже непременно бы за границу поѣхала,—сказала жена.—Ну, посмотри номеръ билета!

— Постой! Погоди...

Онъ ходилъ по комнатѣ и продолжалъ думать. Ему пришло на мысль: а что если въ самомъ дѣлѣ жена поѣдетъ за границу? Путешествовать пріятно одному, или же, въ обществѣ женщинъ легкихъ, беззаботныхъ, живущихъ минутой, а не такихъ, которыя всю дорогу думаютъ и говорятъ только о дѣтяхъ, вздыхаютъ, пугаются и дрожатъ надъ каждой копейкой. Иванъ Дмитричь представилъ себѣ свою жену въ вагонѣ со множествомъ узелковъ, корзинокъ, свертковъ; она о чемъ-то вздыхаетъ и жалуется, что у нея отъ дороги разболѣлась голова, что у нея ушло много денегъ; то и дѣло приходится бѣгать на станцію за кнпятакомъ, бутербродами, водой... Обѣдать она не можетъ, потому что это дорого...

«А вѣдь она бы меня въ каждой копейкѣ учитывала,—подумаль онъ, взглянувъ на жену. — Билетъ-то ея, а не мой! Да и зачѣмъ ей за границу ѣхать? Чего она тамъ не видала? Будетъ въ номерѣ сидѣть, да меня не отпускатъ отъ себя... Знаю!»

И онъ первый разъ въ жизни обратилъ вниманіе на то, что его жена постарѣла, подурнѣла, вся насквозь пропахла кухней, а самъ онъ еще молодъ, здоровъ, свѣжъ, хоть женись во второй разъ.

«Конечно, все это пустяки и глупости,—думаль онъ:—но... зачѣмъ бы она поѣхала за границу? Что она тамъ понимаетъ? А вѣдь поѣхала бы... Воображаю... А на самомъ дѣлѣ для нея что Неаполь, что Клинь—все едино. Только бы мнѣ помѣшала. Я бы у нея въ зависимости былъ. Воображаю, какъ бы только получила деньги, то сейчасъ бы ихъ по бабьи подъ шесть замковъ... Отъ меня будетъ прятать... Роднѣ своей будетъ благотворить, а меня въ каждой копейкѣ учитываетъ».

Вспомнилъ Иванъ Дмитричь родню. Всѣ эти братцы,

сестрицы, тетеньки, дяденьки, узнавъ про выигрышъ, приползутъ, начнутъ нищенски кланчить, маслено улыбаться, лицомърить. Противные, жалкіе люди! Если имъ дать, то они еще попросятъ; а отказать — будутъ клясть, сплетничать, желать всякихъ напастей.

Иванъ Дмитричъ припоминалъ своихъ родственниковъ, и ихъ лица, на которыя онъ прежде глядѣлъ безразлично, казались ему теперь противными, ненавистными.

«Это такія гадины!»—думалъ онъ.

И лицо жены стало казаться тоже противнымъ, ненавистнымъ. Въ душѣ его закипала противъ нея злоба, и онъ со злорадствомъ думалъ:

«Ничего не смыслить въ деньгахъ, а потому скупа. Если бы выиграла, дала бы мнѣ только сто рублей, а остальные—подъ замокъ».

И онъ уже не съ улыбкой, а съ ненавистью глядѣлъ на жену. Она тоже взглянула на него и тоже съ ненавистью и со злобой. У нея были свои радужныя мечты, свои планы, свои соображенія; она отлично понимала, о чемъ мечтаетъ ея мужъ. Она знала, кто первый протянулъ бы лапу къ ея выигрышу.

«На чужой-то счетъ хорошо мечтать!—говорилъ ея взглядъ.—Нѣтъ, ты не смѣешь!»

Мужъ понялъ ея взглядъ; ненависть заворочалась у него въ груди и, чтобы досадить своей женѣ, онъ на зло ей быстро заглянулъ на четвертую страницу газеты и провозгласилъ съ торжествомъ:

— Серія 9.499, билетъ 46! Но не 26!

Надежда и ненависть—обѣ разомъ исчезли, и тотчасъ же Ивану Дмитричу и его женѣ стало казаться, что ихъ комнаты темны, малы и низки, что ужинъ, который они съѣли, не насыщаетъ, а только давитъ подъ желудкомъ, что вечера длинны и скучны...

— Чортъ знаетъ что,—сказалъ Иванъ Дмитричъ, начиная капризничать.—Куда ни ступишь, вездѣ бумажки подъ ногами, крошки, какая-то скорлупа. Никогда не подметаютъ въ комнатахъ! Придется изъ дому уходить, чортъ меня подери совсѣмъ. Уйду и повѣшусь на первой попавшейся оснѣ.

МОРОЗЪ.

На Крещенье въ губернскомъ городѣ N. было устроено съ благотворительной цѣлью «народное» гулянье. Выбрали широкую часть рѣки между рынкомъ и архіерейскимъ дворомъ, огородили ее канатомъ, елками и флагами, и соорудили все, что нужно для катанья на конькахъ, на саняхъ и съ горъ. Праздникъ предполагался въ возможно широкихъ размѣрахъ. Выпущенныя афиши были громадны и обѣщали не мало удовольствій: катокъ, оркестръ военной музыки, безпроигрышную лотерею, электрическое солнце и проч. Но все это едва не рушилось, благодаря сильному морозу. На Крещенье съ самаго кануна стоялъ морозъ градусомъ въ 28 съ вѣтромъ, и гулянье хотѣли отложить, но не сдѣлали этого только потому, что публика, долго и нетерпѣливо ожидавшая гулянья, не соглашалась ни на какія отсрочки.

— Подумайте, на то теперь и зима, чтобъ былъ морозъ!—убѣждали дамы губернатора, который стоялъ за то, чтобы гулянье было отложено.—Если кому будетъ холодно, тотъ можетъ гдѣ-нибудь погрѣться!

Отъ мороза побѣлѣли деревья, лошади, бороды; казалось, даже самъ воздухъ трещалъ, не вынося холода, но несмотря на это, тотчасъ же послѣ водосвятія озябшая полиція была уже на каткѣ, и ровно въ часъ дня началъ играть военный оркестръ.

Въ самый разгаръ гулянья, часу въ четвертомъ, въ губернаторскомъ навильонѣ, построенномъ на берегу рѣки, собралось грѣться мѣстное отборное общество. Тутъ были ста-

рикъ-губернаторъ съ женой, архіерей, предсѣдатель суда, директоръ гимназіи и многіе другіе. Дамы сидѣли въ креслахъ, а мужчины толпились около широкой стеклянной двери и глядѣли на катокъ.

— Ай, батюшки,—изумлялся архіерей: — ногами-то, ногами какія ноты выводятъ! Ей-же-ей, иной пѣвецъ голосомъ того не выведетъ, что эти головорѣзы ногами... Ай, убьется!

— Это Смирновъ... Это Груздевъ,—говорилъ директоръ, называя по фамиліи гимназистовъ, летавшихъ мимо павильона.

— Ба, живъ Курилка! — засмѣялся губернаторъ. — Господа, поглядите, наша городская голова идетъ... Сюда идетъ. Ну, бѣда: заговорить онъ насъ теперь!

Съ другого берега, сторонясь отъ конькобѣжцевъ, шель къ павильону маленькій, худенькій старикъ въ лисьей шубѣ нараешашку и въ большомъ картузѣ. Это былъ городской голова, кунецъ Еремѣевъ, милліонеръ, Н—скій старожилъ. Растопыривъ руки и пожимаясь отъ холода, онъ подпрыгивалъ, стучалъ калошей о калошу и видимо снѣшилъ убраться отъ вѣтра. На полдорогѣ онъ вдругъ согнулся, подкрался сзади къ какой-то дамѣ и дернулъ ее за рукавъ. Когда та оглянулась, онъ отскочилъ и, вѣроятно, довольный тѣмъ, что сумѣлъ испугать, разразился громкимъ старческимъ смѣхомъ.

— Живой старикашка! — сказалъ губернаторъ. — Удивительно, какъ это онъ еще на конькахъ не катается.

Подходя къ павильону, голова засѣменилъ мелкой рысцой, замахалъ руками и, разбѣжавшись, подползъ по льду на своихъ громадныхъ калошахъ къ самой двери.

— Егоръ Иванычъ, коньки вамъ надо кушить! — встрѣтилъ его губернаторъ.

— Я и самъ-то думаю! — отвѣтилъ онъ крикливымъ, немного гнусавымъ теноркомъ, снимая шапку. — Здравія желаю, ваше превосходительство! Ваше преосвященство, владыко святыи! Всѣмъ прочимъ господамъ — многая лѣта! Вотъ такъ морозъ! Ну, да и морозъ же, Богъ съ нимъ! Смерть!

Мигая красными, озябшими глазами, Егоръ Иванычъ застучалъ по полу калошами и захлопалъ руками, какъ озябшій извозчикъ.

— Такой проклятушій морозъ, что хуже собаки всякой! —

продолжалъ онъ говорить, улыбаясь во все лицо. — Суцая казнь!

— Это здорово, — сказалъ губернаторъ. — Морозъ укрѣпляетъ человѣка, бодрить.

— Хоть и здорово, но лучше бъ его вовсе не было, — сказалъ голова, утирая краснымъ платкомъ свою клиновидную бородку. — Богъ съ нимъ! Я такъ понимаю, ваше превосходительство, Господь въ наказаніе намъ его посылаетъ, морозъ-то. Лѣтомъ грѣшимъ, а зимою казнимся... да!

Егоръ Иванычъ быстро оглядѣлся и всплеснулъ руками.

— А гдѣ же это самое... чѣмъ грѣться-то? — спросилъ онъ, испуганно глядя то на губернатора, то на архіерея. — Ваше превосходительство! Владыко святой! Чай и мадамы озябли! Надо что-нибудь! Такъ невозможно!

Всѣ замахали руками, стали говорить, что они пріѣхали на катокъ не за тѣмъ, чтобы грѣться, но голова, никого не слушая, отворилъ дверь и закивалъ кому-то согнутымъ въ крючокъ пальцемъ. Къ нему подбѣжали артельщикъ и пожарный.

— Вотъ что, бѣгите къ Саватину, — забормоталъ онъ: — и скажите, чтобы какъ можно скорѣй прислалъ сюда того... Какъ его? Чего бы такое? Стало-быть, скажи, чтобы десять стакановъ прислалъ... десять стакановъ глинтвейну... самага горячаго, или пуину, что ли...

Въ павильонѣ засмѣялись.

— Нашель, чѣмъ угощать!

— Ничего, вышьемъ... — бормоталъ голова. — Стало-быть, десять стакановъ... Ну, еще бенедиктинцу, что ли... красненькаго вели согрѣть бутылки двѣ... Ну, а мадамамъ чего? Ну, скажешь тамъ, чтобы пряниковъ, орѣшковъ... конфетовъ какихъ тамъ, что ли... Ну, ступай! Живо!

Голова минуту помолчалъ, а потомъ опять сталъ бранить морозъ, хлопая руками и стуча калошами.

— Нѣтъ, Егоръ Иванычъ, — убѣждалъ его губернаторъ: — не грѣшите, русскій морозъ имѣетъ свои прелести. Я недавно читалъ, что многія хорошія качества русскаго народа обусловливаются громаднымъ пространствомъ земли и климатомъ, жестокой борьбой за существованіе... Это совершенно справедливо!

— Можетъ и справедливо, ваше превосходительство, но лучше бъ его вовсе не было. Оно, конечно, морозъ и фран-

цузовъ выгналъ, и всякія кушанья заморозить можно, и дѣточки на конькахъ катаются... все это вѣрно! Сытому и одѣтому морозъ—одно удовольствіе, а для человѣка рабочаго, нищаго, странника, блаженнаго—онъ первѣйшее зло и напасть. Горе, горе, владыко святыи! При такомъ морозѣ и бѣдность вдвое, и воръ хитрѣе, и злодѣй лютѣе. Что и говорить! Миѣ теперь седьмой десятокъ пошелъ, у меня теперь вотъ шуба есть, а дома печка, всякіе ромы и пунши. Теперь миѣ морозъ ни по чемъ, я безъ всякаго вниманія, знать его не хочу. Но прежде-то что было, Мать Пречистая! Вспомнить страшно! Память у меня съ лѣтами отшибло, и я все позабылъ: и враговъ, и грѣхи свои, и напасти всякія—все позабылъ, но морозъ—ухъ какъ помню! Остался я послѣ маменьки вотъ этакимъ махонькимъ бѣсенкомъ, безиріютнымъ сиротою... Ни родныхъ, ни ближнихъ, одѣжка рваная, кушать хочется, почевать негдѣ, однимъ словомъ не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Довелось миѣ тогда за пятачокъ въ день водить по городу одну старушку слѣбую... Морозы были жестокіе, злющіе. Выйдешь, бывало, со старушкой и начинаешь мучиться. Создатель мой! Спервоначалу задаешь дрожакъ, какъ въ лихорадкѣ, жмешься и прыгаешь, потомъ начинаютъ у тебя уши, пальцы и ноги болѣть. Болятъ, словно кто ихъ клещами жметъ. Но это все бы ничего, пустое дѣло, не суть важное. Бѣда, когда все тѣло стынетъ. Часика три ходишь по морозу, владыко святыи, и потеряешь всякое подобіе. Ноги сводитъ, грудь давитъ, животь втягиваетъ, главное, въ сердцѣ такая боль, что хуже и быть не можетъ. Болитъ сердце, нѣтъ мочи терпѣть, а во всемъ тѣлѣ тоска, словно ты ведешь за руку не старуху, а саму смерть. Весь онѣмѣешь, одеревянѣешь, какъ статуи, идешь и кажется тебѣ, что не ты это идешь, а кто-то другою замѣсто тебя ногами двигаетъ. Какъ застыла душа, то укъ себя не помнишь: норовишь или старуху безъ водителя оставить, или горячій калачъ съ лотка стащить, или подраться съ кѣмъ. А придешь съ мороза на ночлегъ въ тепло, тоже мало радости! Почитай, до полночи не спишь и плачешь, а отчего плачешь, и самъ не знаешь...

— Пока еще не стемнѣло, нужно по катку пройтись,—сказала губернаторша, которой скучно стало слушать.— Кто со мной?

Губернаторша вышла, и за нею повалила изъ павильона вся публика. Остались только губернаторъ, архіерей и голова.

— Царица Небесная! А что было, когда меня въ снѣдълицы въ рыбную лавку отдали! — продолжать Егоръ Ивановичъ, поднимая вверхъ руки, причесть лисья шуба его распахнулась. — Бывало, выходишь въ лавку чуть свѣтъ... къ девятому часу я ужь совеѣтъ озябли, рожа посинѣла, пальцы растопырены, такъ что пуговицы не застегнешь и денегъ не сосчитаешь. Стоишь на холодѣ, востенбешь и думаешь: «Господи, вѣдь до самаго вечера такъ стоять придется!» Къ обѣду ужь у меня животъ втянуло и сердце болить... да-съ! Когда потомъ самъ хозяиномъ былъ, не легче жилось. Морозы до чрезвычайности, а лавка, словно мышеловка, со всѣхъ сторонъ ее продуваетъ; шубенка на мнѣ, извините, паршивая, на рыбьемъ мѣху, сквозная... Застынешь весь, обалдѣешь и самъ станешь жесточе мороза: одного за ухо дернешь, такъ что чуть ухо не оторвешь, другого по затылкухватишь, на покунателя злодѣемъ атакимъ глядишь, звѣремъ, и поровишь съ него кожу содрать, а домой ввечеру придешь, надо бы спать ложиться, но ты не въ духахъ и начинаешь свое семейство кускомъ хлѣба попрекать, шумѣть, и такъ разоидешься, что пяти городовыхъ мало. Отъ морозу и золь становишься, и водку пьешь не въ мѣру.

Егоръ Ивановичъ всплеснулъ руками и продолжалъ:

— А что было, когда мы зимой въ Москву рыбу возили! Мать Пречистая!

И онъ, захлебываясь, сталъ описывать ужасы, которые переживалъ со своими приказчиками, когда возилъ въ Москву рыбу...

— И-да,—вдохнулъ губернаторъ:— удивительно выносливъ человекъ! Вы, Егоръ Ивановичъ, рыбу въ Москву возили, а я въ свое время на войну ходилъ. Припоминается мнѣ одинъ необыкновенный случай...

И губернаторъ разсказалъ, какъ во время послѣдней русско-турецкой войны, въ одну морозную ночь отрядъ, въ которомъ онъ находился, стоялъ неподвижно тринадцать часовъ въ снѣгу подъ пронзительнымъ вѣтромъ; изъ страха быть замѣченнымъ отрядъ не разводилъ огня, молчалъ, не двигался; запрещено было курить...

Начались воспоминанія. Губернаторъ и голова оживились,

повеселѣли и, перебивая другъ друга, стали припоминать пережитое. И архіерей разсказалъ, какъ онъ, служа въ Сибири, ѣздилъ (на собакахъ, какъ онъ однажды сонный, во время сильнаго мороза, вывалился изъ возка и едва не замерзъ; когда тунгузы вернулись и нашли его, то онъ былъ едва живъ. Потомъ, словно сговорившись, старики вдругъ умолкли, сѣли рядышкомъ и задумались.

— Эхъ!—прошепталъ голова.—Кажется, пора бы забыть, но какъ взглянешь на водовозовъ, на школьниковъ, на арестантиковъ въ халатишкахъ, все припомнишь! Да взять хоть этихъ музыкантовъ, что играютъ сейчасъ. Небось ужъ и сердце болитъ у нихъ, и животы втянуло, и трубы къ губамъ примерзли... Играютъ и думаютъ:—«Мать Пречистая, а вѣдь намъ еще три часа тутъ на холодѣ сидѣть!»

Старики задумались. Думали они о томъ, что въ человѣкѣ выше происхожденія, выше сана, богатства и знаній, что послѣдняго нищаго приближаетъ къ Богу: о немощи чловѣка, о его боли, о терпѣніи...

Между тѣмъ воздухъ снѣлъ... Отворилась дверь, и въ павильонъ вошли два лакея отъ Саватина, внося подносы и большой окутанный чайникъ. Когда стаканы наполнились и въ воздухѣ сильно запахло корицей и гвоздикой, опять отворилась дверь, и въ павильонъ вошелъ молодой, безусый околоточный съ багровымъ носомъ и весь покрытый инеемъ. Онъ подошелъ къ губернатору и, дѣлая подъ козырекъ, сказалъ:

— Бя превосходительство приказали доложить, что онѣ уѣхали домой.

Глядя, какъ околоточный дѣлалъ озябшими, растопыренными пальцами подъ козырекъ, глядя на его носъ, мутные глаза и башлыкъ, покрытый около рта бѣлымъ инеемъ, всѣ почему-то почувствовали, что у этого околоточнаго должно болѣть сердце, что у него втянуть животъ и онѣмѣла душа...

— Послушайте,—сказалъ нерѣшительно губернаторъ:— выпейте глинтвейну.

— Ничего, ничего... выпей! — замахалъ голова. — Не стѣсняйся!

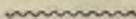
Околоточный взялъ въ обѣ руки стаканъ, отошелъ въ сторону и, стараясь не издавать звуковъ, сталъ чинно отхлебывать изъ стакана. Онъ пилъ и конфузился, а старики молча глядѣли на него, и всѣмъ казалось, что у молодого

околоточного отъ сердца отходить боль, мякнетъ душа. Губернаторъ вздохнулъ.

— Пора по домамъ! — сказалъ онъ, поднимаясь. — Прощайте! Послушайте, — обратился онъ къ околоточному: — скажите тамъ музыкантамъ, чтобы они... перестали играть, и попросите отъ моего имени Павла Семеновича, чтобы онъ распорядился дать имъ... пива или водки.

Губернаторъ и архіерей простились съ «городской головой» и вышли изъ павильона.

Егоръ Ивановичъ принялся за глинтвейнъ и, пока околоточный допивалъ свой стаканъ, успѣлъ рассказать ему очень много интереснаго. Молчать онъ не умѣлъ.

СИЛЬНЫЯ ОЩУЩЕНІЯ.

Дѣло происходило не такъ давно въ московскомъ окружномъ судѣ. Присяжные засѣдатели, оставленные въ судѣ на ночь, прежде чѣмъ лечь спать, завели разговоръ о сильныхъ ощущеніяхъ. Ихъ навело на это воспоминаніе объ одномъ свидѣтелѣ, который сталъ зайкой и посѣдѣть. по его словамъ, благодаря какой-то страшной минутѣ. Присяжные порѣшили, что, прежде чѣмъ уснуть, каждый изъ нихъ пороется въ своихъ воспоминаніяхъ и расскажетъ что-нибудь. Жизнь человѣческая коротка, но все же нѣтъ человѣка, который могъ бы похвастать, что у него въ прошломъ не было ужасныхъ минутъ.

Одинъ присяжный разскалъ, какъ онъ тонулъ; другой разскалъ, какъ однажды ночью онъ, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ ни врачей, ни аптекарей, отравилъ собственнаго ребенка, давши ему по ошибкѣ вмѣсто соды цинковаго купороса. Ребенокъ не умеръ, но отецъ едва не сошелъ съ ума. Третій, еще не старый, болѣзненный человѣкъ, описалъ два своихъ покушенія на самоубійство: разъ стрѣлялся, другой разъ бросился подъ поѣздъ.

Четвертый, маленькій, щеголевато одѣтый толстякъ, разскалъ слѣдующее:

— Мнѣ было 22—23 года не больше, когда я по уши влюбился въ свою теперешнюю жену и сдѣлалъ ей предложеніе... Теперь я съ удовольствіемъ высѣкъ бы себя за раннюю женитьбу, но тогда не знаю, что было бы со мной, если бы Наташа отвѣтила мнѣ отказомъ. Любовь была самая настоящая, такая, какъ въ романахъ описываютъ, бѣшеная, страстная, и прочее. Мое счастье душило меня и я не зналъ, куда мнѣ уйти отъ него, и я надоѣлъ и отцу, и пріятелямъ, и прислугѣ, разсказывая постоянно о томъ, какъ пылко я люблю. Счастливые люди это самые надоѣдливые, самые скучные люди. Я надоѣдалъ страшно, даже теперь мнѣ совѣстно.

Между пріятелями былъ у меня тогда одинъ начинающій адвокатъ. Теперь этотъ адвокатъ извѣстенъ на всю Россію, тогда же онъ только-что входилъ въ силу и не былъ еще богатъ и знаменитъ настолько, чтобы при встрѣчѣ со старымъ пріятелемъ имѣть право не узнавать, не снимать шляпы. Бывалъ я у него разъ, или два въ недѣлю. Когда я приходилъ къ нему, мы оба разваливались на диванахъ и начинали философствовать.

Какъ-то я лежалъ у него на диванѣ и толковалъ о томъ, что нѣтъ благодарнѣе профессіи, какъ адвокатская. Мнѣ хотѣлось доказать, что судъ послѣ того, какъ допросъ свидѣтелей оконченъ, легко можетъ обойтись безъ прокурора и безъ защитника, потому что тотъ и другой не нужны и только мѣшаютъ. Если взрослый, душевно и умственно здоровый присяжный засѣдатель убѣжденъ, что этотъ потолокъ былъ, что Ивановъ виновенъ, то бороться съ этимъ убѣжденіемъ и побѣдить его не въ силахъ никакой Демосеенъ. Кто можетъ убѣдить меня, что у меня рыжіе усы, если я знаю, что они черные? Слушая оратора, я, быть-можетъ, и расчувствуюсь, и заплачу, но коренное убѣжденіе мое, основанное болѣею частью на очевидности и на фактѣ, нисколько не пзмѣнится. Мой же адвокатъ доказывалъ, что я молодъ еще и глупъ и что я говорю мальчишескій вздоръ. По его мнѣнію, очевидный фактъ оттого, что его освѣщаютъ добросовѣстные, свѣдущіе люди, становится еще очевиднѣе — это разъ; во-вторыхъ, талантъ — это стихійная сила, это ураганъ, способный обращать въ пыль даже камни, а не то что такой пустякъ, какъ убѣжденія мѣщанъ и купцовъ второй гильдіи. Человѣческой немощи бороться съ талантомъ такъ же трудно, какъ глядѣть не мигая на солнце, или остановить вѣтеръ. Одинъ простой смертный силою слова обращаетъ тысячи убѣжденныхъ дикарей въ христіанство; Одиссей былъ убѣжденнѣйшій челоуѣкъ въ свѣтѣ, но спасовалъ передъ сиренами и т. д. Вся исторія состоитъ изъ подобныхъ примѣровъ, а въ жизни они встрѣчаются на каждомъ шагу, да такъ и должно быть, иначе умный и талантливый челоуѣкъ не имѣлъ бы никакого преимущества передъ глупцомъ и бездарнымъ.

Я стоялъ на своемъ и продолжалъ доказывать, что убѣжденіе сильнѣе всякаго таланта, хотя, откровенно говоря, самъ не могъ точно опредѣлить, что такое именно убѣжде-

нѣ и что такое талантъ. Вѣроятно говорилъ я только, чтобы говорить.

— Взять хоть тебя... — сказалъ адвокатъ. — Ты убѣжденъ въ настоящее время, что твоя невѣста ангелъ и что нѣтъ во всемъ городѣ человѣка счастливѣе тебя. А я тебѣ говорю: достаточно мнѣ 10—20 минутъ, чтобы ты сѣлъ за этотъ самый столъ и написалъ отказъ своей невѣстѣ.

Я засмѣялся.

— Ты не смѣйся, я говорю серьезно, — сказалъ пріятель. — Захочу и черезъ 20 минутъ ты будешь счастливъ отъ мысли, что тебѣ не нужно жениться. У меня не Богъ вѣсть какой талантъ, но вѣдь и ты не изъ сильныхъ.

— А ну-ка, попробуй! — сказалъ я.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я вѣдь это такъ только говорю. Ты мальчикъ добрый, и было бы жестоко подвергать тебя такому опыту. И къ тому же я сегодня не въ ударѣ.

Мы сѣли ужинать. Вино и мысли о Наташѣ, моя любовь, — наполнили всего меня ощущеніемъ молодости и счастья. Счастье мое было такъ безгранично-велико, что сидѣвшій противъ меня адвокатъ съ его зелеными глазами казался мнѣ несчастнымъ, такимъ маленькимъ, сѣреннымъ...

— Попробуй же! — приставалъ я къ нему. — Ну, прошу!

Адвокатъ покачалъ головой и поморщился. Я видимо уже началъ надоѣдать ему.

— Я знаю, — сказалъ онъ: — послѣ моего опыта ты мнѣ спасибо скажешь и назовешь меня спасителемъ, но вѣдь нужно и о невѣстѣ подумать. Она тебя любитъ, твой отказъ заставилъ бы ее страдать. А какая она у тебя прелесть! Завидую я тебѣ.

Адвокатъ вздохнулъ, выпилъ вина и сталъ говорить о томъ, какая прелесть моя Наташа. У него былъ необыкновенный даръ описывать. Про женскія рѣсницы или минчикъ онъ могъ наговорить вамъ цѣлую кучу словъ. Слушала я его съ наслажденіемъ.

— Видѣлъ я на своемъ вѣку много женщинъ, — говорилъ онъ: — но даю тебѣ честное слово, говорю, какъ другу, твоя Наталья Андреевна — это перлъ, это рѣдкая дѣвушка. Конечно, есть и недостатки, ихъ даже много, если хочешь, но все же она очаровательна.

И адвокатъ заговорилъ о недостаткахъ моей невѣсты. Теперь я отлично понимаю, что это говорилъ онъ вообще

о женщинахъ, объ ихъ слабыхъ сторонахъ вообще, мнѣ же тогда казалось, что онъ говорить только о Наташѣ. Онъ восторгался вздернутымъ носомъ, вскрикиваніями, визгивымъ смѣхомъ, жеманствомъ, именно всѣмъ тѣмъ, что мнѣ такъ въ ней не нравилось. Все это, по его мнѣнію, было безконечно мило, граціозно, женственно. Незамѣтно для меня онъ скоро съ восторженнаго тона перешелъ на отечески назидательный, потомъ на легкій, презрительный... Предсѣдателя суда съ нами не было и некому было остановить расходившагося адвоката. Я не усиѣвалъ рта разинуть, да и что я могъ сказать? Пріятель говорилъ не новое, давно уже всѣмъ извѣстное, и весь ядъ былъ не въ томъ, что онъ говорилъ, а въ анаемской формѣ. То-есть чортъ знаетъ какая форма! Слушая его тогда, я убѣдился, что одно и то же слово имѣеть тысячу значеній и оттѣнковъ; смотря по тому, какъ оно произносится, по формѣ, какая придается фразѣ. Конечно, я не могу передать вамъ ни этого тона, ни формы, скажу только, что, слушая пріятеля и шагая изъ угла въ уголь, я возмущался, негодовалъ, презиралъ съ нимъ вмѣстѣ. Я повѣрилъ ему даже, когда онъ со слезами на глазахъ заявилъ мнѣ, что я великій человекъ, что я достоинъ лучшей участи, что мнѣ предстоитъ въ будущемъ совершить что-то такое особенное, чему можетъ помѣшать женитьба!

— Другъ мой! — восклицалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку. — Умоляю тебя, заклинаю: остановись, пока не поздно. Остановись! Да хранить тебя небо отъ этой странной, жестокой ошибки! Другъ мой, не губи своей молодости!

Хотите, вѣрьте, хотите — нѣтъ, но въ концѣ-концовъ я сидѣлъ за столомъ и писалъ своей невѣстѣ отказъ. Я писалъ и радовался, что еще не ушло время исправить ошибку. Запечатавъ письмо, я поспѣшилъ на улицу, чтобы опустить его въ почтовый ящикъ. Со мной пошелъ и адвокатъ.

— И отлично! Превосходно! — похвалилъ онъ меня, когда мое письмо къ Наташѣ исчезло во мракѣ почтоваго ящика. — Отъ души тебя поздравляю. Я радъ за тебя.

Пройдя со мной шаговъ десять, адвокатъ продолжалъ:

— Конечно, бракъ имѣеть и свои хорошія стороны. Я, напримѣръ, принадлежу къ числу людей, для которыхъ бракъ и семейная жизнь — все.

И онъ уже описывалъ свою жизнь и предо мною представали всѣ безобразія одинокой, холостой жизни.

Онъ говорилъ съ восторгомъ о своей будущей женѣ, о сладостяхъ обыкновенной, семейной жизни и восторгался такъ красиво, такъ искренно, что когда мы подошли къ его двери, я уже былъ въ отчаяніи.

— Что ты дѣлаешь со мной, ужасный человѣкъ?! — говорилъ я, задыхаясь. — Ты погубилъ меня! Зачѣмъ ты заставилъ меня написать то проклятое письмо? Я люблю ее, люблю!

И я клялся въ любви, я приходилъ въ ужасъ отъ своего поступка, который уже казался мнѣ дикимъ и бессмысленнымъ. Сильнѣе того ощущенія, которое испыталъ я въ то время, и представить, господа, невозможно. О, что я тогда пережилъ, что перечувствовалъ! Если бы нашелся добрый человѣкъ, который подсунулъ мнѣ въ ту пору револьверъ, то я съ наслажденіемъ пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ.

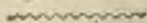
— Ну, полно, полно... — сказалъ адвокатъ, хлопая меня по плечу, и засмѣялся. — Перестань плакать. Письмо не дойдетъ до твоей невѣсты. Адресъ на конвертѣ писалъ не ты, а я, и я его такъ запуталъ, что на почтѣ ничего не поймутъ. Все это да послужить для тебя урокомъ: не спорь о томъ, чего не понимаешь.

Теперь, господа, предлагаю говорить слѣдующему.

Пятый присяжный поудобнѣй усѣлся и раскрылъ уже ротъ, чтобы начать свой разсказъ, какъ послышался бой часовъ на Спасской башнѣ.

— Двѣнадцать... — сосчиталъ одинъ изъ присяжныхъ. — А къ какому, господа, разряду вы отнесете ощущенія, которыя испытываетъ теперь нашъ подсудимый? Онъ, этотъ убійца, почуветь здѣсь въ судѣ въ арестантской, лежитъ, или сидитъ, и конечно не спитъ и въ теченіе всей безсонной ночи прислушивается къ этому звону. О чемъ онъ думаетъ? Какія грѣзы посѣщаютъ его?

И присяжные какъ-то всѣ вдругъ забыли о «сильныхъ ощущеніяхъ»; то, что пережилъ ихъ товарищъ, писавшій когда-то письмо къ своей Натанѣ, казалось неважнымъ, даже не забавнымъ; и уже никто не разсказывалъ, стали тихо, въ молчаніи ложиться спать...

НИЩІЙ.

— Милостивый государь! Будьте добры, обратите вниманіе на несчастнаго, голоднаго человѣка. Три дня не ѣлъ... не имѣю пятака на ночлегъ... клянусь Богомъ! Восемь лѣтъ служилъ сельскимъ учителемъ и потерялъ мѣсто по интригамъ земства. Палъ жертвою доноса. Вотъ ужъ годъ, какъ хожу безъ мѣста.

Присяжный повѣренный Скворцовъ поглядѣлъ на сизое, дырявое пальто просителя, на его мутные, пьяные глаза, красныя пятна на щекахъ, и ему показалось, что онъ раньше уже видѣлъ гдѣ-то этого человѣка.

— Теперь мнѣ предлагаютъ мѣсто въ Калужской губерніи, — продолжалъ проситель: — но у меня нѣтъ средствъ, чтобы поѣхать туда. Помогите, сдѣлайте милость! Стыдно просить, но... вынуждаютъ обстоятельства.

Скворцовъ поглядѣлъ на калоши, изъ которыхъ одна была глубокая, а другая мелкая, и вдругъ вспомнилъ.

— Послушайте, третьяго дня, кажется, я встрѣтилъ васъ на Садовой, — сказалъ онъ: — но тогда вы говорили мнѣ, что вы не сельскій учитель, а студентъ, котораго исключили. Помните?

— Нѣ... нѣтъ, не можетъ быть! — пробормоталъ проситель, смущаясь. — Я сельскій учитель и, ежели желаете, могу документы показать.

— Будетъ вамъ лгать! Вы называли себя студентомъ и даже рассказали мнѣ, за что васъ исключили. Помните?

Скворцовъ покраснѣлъ и съ выраженіемъ гадливости на лицѣ отошелъ отъ оборвыша.

— Это подло, милостивый государь! — крикнулъ онъ сердито. — Это мошенничество! Я васъ въ полицію отправлю, чортъ бы васъ взять! Вы бѣдны, голодны, но это не даетъ вамъ права такъ нагло, безсовѣстно лгать!

Оборвышъ взялся за ручку двери и растерянно, какъ пойманный воръ, оглядѣлъ переднюю.

— Я... я не лгу-съ... — пробормоталъ онъ. — Я могу документы показать.

— Кто вамъ повѣрить? — продолжалъ возмущаться Скворцовъ. — Эксплуатировать симпатіи общества къ сельскимъ учителямъ и студентамъ — вѣдь это такъ низко, подло, грязно! Возмутительно!

Скворцовъ разошелся и самымъ безжалостнымъ образомъ распекъ просителя. Своею наглою ложью оборвышъ возбудилъ въ немъ гадливость и отвращеніе, оскорбилъ то, что онъ, Скворцовъ, такъ любилъ и цѣнилъ въ себѣ самомъ: доброту, чувствительное сердце, состраданіе къ несчастнымъ людямъ; своею ложью, покушеніемъ на милосердіе «субъектъ» точно осквернилъ ту милостыню, которую онъ отъ чистаго сердца любилъ подавать бѣднякамъ. Оборвышъ сначала оправдывался, божился, но потомъ умолкъ и пристыженный поникъ головой.

— Сударь! — сказалъ онъ, прикладывая руку къ сердцу. — Дѣйствительно, я... солгалъ! Я не студентъ и не сельскій учитель. Все это одна выдумка! Я въ русскомъ хорѣ служилъ и оттуда меня за пьянство выгнали. Но что же мнѣ дѣлать? Вѣрьте Богу, нельзя безъ лжи! Когда я говорю правду, мнѣ никто не подаетъ. Съ правдой умрешь съ голоду и замерзнешь безъ ночлега! Вы вѣрно разсуждаете, я понимаю, но... что же мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? Вы спрашиваете, что вамъ дѣлать? — крикнулъ Скворцовъ, подходя къ нему близко. — Работайте, вотъ что дѣлать! Работать нужно!

— Работать... Я и самъ это понимаю, но гдѣ же работы взять?

— Вздоръ! Вы молоды, здоровы, сильны и всегда найдете работу, была бы лишь охота. Но вѣдь вы лѣнны, избалованы, пьяны! Отъ васъ, какъ изъ кабака, разить водкой! Вы изогались и истрепались до мозга костей, и способны только на попрошайничество и ложь! Если вы и соблаговолите когда-нибудь снизойти до работы, то подавай

вамъ канцелярію, русскій хоръ, маркерство, гдѣ бы вы ничего не дѣлали и получали бы деньги! А не угодно ли вамъ заняться физическимъ трудомъ? Небось, не пойдете въ дворники, или фабричныя! Вы вѣдь съ претензіями!

— Какъ вы разсуждаете, ей-Богу... — проговорилъ проситель и горько усмѣхнулся. — Гдѣ же мнѣ взять физическаго труда? Въ приказчики мнѣ уже поздно, потому что въ торговлѣ съ мальчиковъ начинать надо, въ дворники никто меня не возьметъ, потому что на меня тыкать нельзя... а на фабрику не примутъ, надо ремесло знать, а я ничего не знаю.

— Вздоръ! Вы всегда найдете оправданіе! А не угодно ли вамъ дрова колоть?

— Я не отказываюсь, но нынче и настоящіе дровоколы сидятъ безъ хлѣба.

— Ну, всѣ тунеядцы такъ разсуждаютъ. Предложи вамъ, такъ откажетесь. Не хотите ли у меня поколотъ дрова?

— Извольте, поколю...

— Хорошо, посмотримъ... Отлично... Увидимъ!

Скворцовъ заторопился и, не безъ злорадства потирая руки, вызвалъ изъ кухни кухарку.

— Вотъ, Ольга,—обратился онъ къ ней:—поведи этого господина въ сарай и пусть онъ дрова поколетъ.

Оборвышъ пожалъ плечами, какъ бы недоумѣвая, и нерѣшительно пошелъ за кухаркой. По его походкѣ видно было, что согласился онъ идти колоть дрова не потому, что былъ голоденъ и хотѣлъ заработать, а просто изъ самолюбія и стыда, какъ пойманный на словѣ. Замѣтно было также, что онъ сильно ослабѣлъ отъ водки, былъ нездоровъ и не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія къ работѣ.

Скворцовъ поспѣшилъ въ столовую. Тамъ изъ оконъ, выходящихъ на дворъ, виденъ былъ дровяной сарай и все, что происходило на дворѣ. Стоя у окна, Скворцовъ видѣлъ, какъ кухарка и оборвышъ вышли чернымъ ходомъ на дворъ и по грязному снѣгу направились къ сараю. Ольга, сердито оглядывая своего спутника и тыча въ стороны локтями, отперла сарай и со злобой хлопнула дверью.

«Вѣроятно, мы помѣшали бабѣ кофе пить,—подумалъ Скворцовъ.—Экое злое созданіе!»

Далѣе онъ видѣлъ, какъ лже-учитель и лже-студентъ

услѣся на колоду и, подперевъ кулаками свои красныя щеки, о чемъ-то задумался. Баба швырнула къ его ногамъ топоръ, со злобой плюнула и, судя по выраженію губъ, стала браниться. Оборвышъ нерѣшительно потянулъ къ себѣ одно полѣно, поставилъ его между ногъ и несмѣло тяпнулъ по немъ топоромъ. Полѣно закачалось и упало. Оборвышъ потянулъ его къ себѣ, подулъ на свои озябшія руки и опять тяпнулъ топоромъ съ такою осторожностью, какъ будто боялся хватить себя по калашѣ, или обрубить пальцы. Полѣно опять упало.

Гнѣвъ Скворцова уже прошелъ и ему стало немножко больно и стыдно за то, что онъ заставилъ человѣка избалованнаго, пьянаго и, можетъ-быть, больного заниматься на холодѣ черной работой.

«Ну, ничего, пусть...—подумалъ онъ, идя изъ столовой въ кабинетъ.—Это я для его же пользы».

Черезъ часъ явилась Ольга и доложила, что дрова уже порублены.

— На, отдай ему полтинникъ, — сказала Скворцовъ. — Если онъ хочетъ, то пусть приходитъ колотъ дрова каждое первое число... Работа всегда найдется.

Перваго числа явился оборвышъ и опять заработалъ полтинникъ, хотя едва стоялъ на ногахъ. Съ этого раза онъ сталъ часто показываться на дворѣ и всякій разъ для него находили работу: то онъ снѣгъ стребалъ въ кучи, то прибиралъ въ сараѣ, то выбивалъ пыль изъ ковровъ и матрацовъ. Всякій разъ онъ получалъ за свои труды копеекъ 20—40, и разъ даже ему были высланы старыя брюки.

Перебираясь на другую квартиру, Скворцовъ нанялъ его помогать при укладкѣ и перевозкѣ мебели. Въ этотъ разъ оборвышъ былъ трезвъ, угрюмъ и молчаливъ; онъ едва прикасался къ мебели, ходилъ, понуря голову, за возами и даже не старался казаться дѣятельнымъ, а только пожимался отъ холода и конфузился, когда извозчики смѣялись надъ его праздностью, безсиліемъ и рванымъ, благороднымъ пальто. Послѣ перевозки Скворцовъ велѣлъ позвать его къ себѣ.

— Ну, я вижу, мои слова на васъ подѣйствовали, — сказалъ онъ, подавая ему рубль. — Вотъ вамъ за труды.

Я вижу, вы трезвы и не прочь поработать. Какъ васъ зовутъ?

— Лушковъ.

— Я, Лушковъ, могу теперь предложить вамъ другую работу, почище. Вы можете писать?

— Могу-съ.

— Такъ вотъ съ этимъ письмомъ вы завтра отправитесь къ моему товарищу и получите отъ него переписку. Работайте, не пьянствуйте, не забывайте того, что я говорилъ вамъ. Прощайте!

Скворцовъ, довольный тѣмъ, что поставилъ человѣка на путь истины, ласково потрепалъ Лушкова по плечу и даже подаль ему на прощанье руку. Лушковъ взялъ письмо, ушелъ и ужъ больше не приходилъ на дворъ за работой.

Прошло два года. Однажды, стоя у театральной кассы и расплачиваясь за билетъ, Скворцовъ увидѣлъ рядомъ съ собой маленькаго человѣчка съ барашковымъ воротникомъ и въ поношенной котиковой шапкѣ. Человѣчекъ робко попросилъ у кассира билетъ на галерку и заплатилъ мѣдными пятаками.

— Лушковъ, это вы?—спросилъ Скворцовъ, узнавъ въ въ человѣчкѣ, своего давнишняго дровокола.—Ну какъ? Что подѣлываете? Хорошо живется?

— Ничего... Служу теперь у нотаріуса, получаю 35 рублей-съ.

— Ну, и слава Богу. И отлично! Радуюсь за васъ. Очень, очень радъ, Лушковъ! Вѣдь вы нѣкоторымъ образомъ мой крестникъ. Вѣдь это я васъ на настоящую дорогу толкнулъ. Помните, какъ я васъ распекалъ, а? Чуть вы у меня тогда сквозь землю не провалились. Ну, спасибо, голубчикъ, что моихъ словъ не забывали.

— Спасибо и вамъ,—сказалъ Лушковъ.— Не приди я къ вамъ тогда, пожалуй, до сихъ поръ назывался бы учителемъ, или студентомъ. Да, у васъ спасся, выскочилъ изъ ямы.

— Очень, очень радъ.

— Спасибо за ваши добрыя слова и за дѣла. Вы отлично тогда говорили. Я благодаренъ и вамъ, и вашей кухаркѣ, дай Богъ здоровья этой доброй, благородной женщиѣ. Вы отлично говорили тогда, я вамъ обязанъ, ко-

нечно, по гробъ жизни, но спасла-то меня собственно ваша кухарка Ольга.

— Какимъ это образомъ?

— А такимъ образомъ. Бывало, придешь къ вамъ дрова колотъ, и она начнетъ: «Ахъ, ты пьяница! Окаянный ты человѣкъ! И нѣтъ на тебя погибели!» А потомъ сядетъ противъ, пригорюнится, глядитъ мнѣ въ лицо и плачется: «Несчастный ты человѣкъ! Нѣтъ тебѣ радости на этомъ свѣтѣ, да и на томъ свѣтѣ, пьяница, въ аду горѣть будешь! Горемычный ты!» И все въ такомъ родѣ, знаете. Сколько она себѣ крови испортила и слезъ пролила ради меня, я вамъ и сказать не могу. Но главное—вмѣсто меня дрова колола! Вѣдь я, сударь, у васъ ни одного полѣна не расколоть, а все она! Почему она меня спасла, почему я измѣнился, глядя на нее, и пить пересталъ, не могу вамъ объяснить. Знаю только, что отъ ея словъ и благородныхъ поступковъ въ душѣ моей произошла перемѣна, она меня исправила, и никогда я этого не забуду. Однаже пора, уже звонокъ подаютъ.

Лушковъ поклонился и отправился на галерку.

П Я Н Ы Е.

Фабрикантъ Фроловъ, красивый брюнетъ съ круглой бородкой и съ мягкимъ, бархатнымъ выраженіемъ глазъ, и его повѣренный адвокатъ Альмеръ, пожилой мужчина, съ большой, жесткой головой, кутили въ одной изъ общихъ залъ загороднаго ресторана. Оба они пріѣхали въ ресторанъ прямо съ бала, а потому были во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Кромѣ нихъ и лакеевъ у дверей, въ залѣ не было ни души; по приказанію Фролова никого не впустили.

Начали съ того, что выпили по большой рюмкѣ водки и закусили устрицами.

— Хорошо!—сказалъ Альмеръ.—Это, братъ, я пустилъ въ моду устрицами закусывать. Отъ водки пожжетъ, подеретъ тебѣ въ горлѣ, а какъ проглотишь устрицу, въ горлѣ чувствуешь сладострастіе. Не правда ли?

Солидный лакей съ бритыми усами и съ сѣдыми бакенами поставилъ на столъ соусникъ.

— Что это ты подаешь?—спросилъ Фроловъ.

— Соусъ провансаль для селедки-съ...

— Что? Развѣ такъ подаютъ?—крикнулъ фабрикантъ, не поглядѣвъ въ соусникъ.—Развѣ это соусъ? Подавать не умѣешь, болванъ!

Бархатные глаза Фролова вспыхнули. Онъ обмоталъ вокругъ пальца уголь скатерти, сдѣлалъ легкое движеніе, и закуски, подсвѣчники, бутылки—все со звономъ и съ визгомъ загремѣло на полъ.

Лакеи, давно уже привыкшіе къ кабацкимъ катастрофамъ, подбѣжали къ столу и серьезно, хладнокровно, какъ хирурги во время операци, стали подбирать осколки.

— Какъ это ты хорошо умѣешь съ ними,—сказалъ Альмеръ и засмѣялся.—Но... отойди немножко отъ стола, а то въ икру наступишь.

— Позвать сюда инженера!—крикнулъ Фроловъ.

Инженеромъ назывался дряхлый, кислотицый старикъ, въ самомъ дѣлѣ бывший когда-то инженеромъ и богатымъ человѣкомъ; онъ промоталъ все свое состояніе и подъ конецъ жизни попалъ въ ресторанъ, гдѣ управлялъ лакеями и пѣвицами и исполнялъ разныя порученія по части женскаго пола. Явившись на зовъ, онъ почтительно склонилъ голову на бокъ.

— Послушай, любезный,—обратился къ нему Фроловъ:— что это за безпорядки? Какъ они у тебя подають? Развѣ ты не знаешь, что я этого не люблю? Чортъ васъ подери, я перестану къ вамъ ѣздить!

— Прошу великодушно извинить, Алексѣй Семенычъ!—сказалъ инженеръ, прижимая руку къ сердцу.— Я немедленно приму мѣры и всѣ ваши малѣйшія желанія будутъ исполняемы самымъ лучшимъ и скорымъ образомъ.

— Ну, ладно, ступай...

Инженеръ поклонился, попятился назадъ, все въ наклонномъ положеніи, и исчезъ за дверью, сверкнувъ въ послѣдній разъ своими фальшивыми брилліантами на сорочкѣ и пальцахъ.

Закусочный столъ опять былъ накрытъ. Альмеръ пилъ красное, съ аппетитомъ ѣлъ какую-то птицу съ трюфелями и заказалъ себѣ еще матлотъ изъ наливовъ и стерлядку кольчикомъ. Фроловъ пилъ одну водку и закусывалъ хлѣбомъ. Онъ мялъ ладонями лицо, хмурился, пыхтѣлъ и, видимо, былъ не въ духѣ. Оба молчали. Было тихо. Два электрическихъ фонаря въ матовыхъ колпакахъ мелькали и сияли, точно сердились. За дверями, тихо подпѣвая, проходили цыганки.

— Пьешь и никакой веселости,—сказалъ Фроловъ.— Чѣмъ больше въ себя вливаю, тѣмъ становлюсь трезвѣе. Другіе веселяють отъ водки, а у меня злоба, противныя мысли, бессонница. Отчего это, братъ, люди кромѣ пьянства и безпутства не придумаютъ другого какого-нибудь удовольствія? Противно вѣдь!

— А ты цыганокъ позови.

— Ну ихъ!

Въ дверяхъ изъ [коридора показалась голова старухи цыганки.

— Алексѣй Семенычъ, цыгане просятъ чаю и коньяку, — сказала старуха. — Можно потребовать?

— Можно! — отвѣтилъ Фроловъ. — Ты знаешь, вѣдь они съ хозяина ресторана проценты берутъ за то, что требуютъ съ гостей угощенія. Нынче нельзя вѣрить даже тому, кто на водку проситъ. Народъ все низкій, подлый, избалованный. Взять хоть этихъ вотъ лакеевъ. Физиономіи, какъ у профессоровъ, сѣдые, по двѣсти рублей въ мѣсяцъ добываютъ, своими домами живутъ, дочекъ въ гимназіяхъ обучаютъ, но ты можешь ругаться и тонъ задавать, сколько угодно. Инженеръ за цѣлковый слопасть тебѣ банку горчицы и ибѣухомъ пропоетъ. Честное слово, если бъ хоть одинъ обидѣлся, я бы ему тысячу рублей подарилъ!

— Что съ тобой? — спросилъ Альмеръ, глядя на него съ удивленіемъ. — Откуда эта меланхолія? Ты красный, звѣремъ смотришь... Что съ тобой?

— Скверно. Штука одна въ головѣ сидитъ. Засѣла гвоздемъ, и ничѣмъ ее оттуда не выковыряешь.

Въ залу вошелъ маленькій, кругленькій, заплывшій жиромъ старикъ, совсѣмъ лысый и облѣзлый, въ кургузомъ пиджакѣ, въ лиловой жилеткѣ съ гитарой. Онъ состроилъ идиотское лицо и вытянулся, сдѣлавъ подъ козырекъ, какъ солдатъ.

— А, паразитъ! — сказалъ Фроловъ. — Вотъ рекомендую: состояніе нажилъ тѣмъ, что свиньей хрюкалъ. Подойди-ка сюда!

Фабрикантъ налилъ въ стаканъ водки, вина, коньяку, насыпалъ соли и перцу, смѣшалъ все это и подалъ паразиту. Тотъ вышилъ и ухарски крякнулъ.

— Онъ привыкъ бурду пить, такъ что его отъ чистаго вина мутитъ, — сказалъ Фроловъ. — Ну, паразитъ, садись и пей.

Паразитъ сѣлъ, потрогалъ жирными пальцами струны и заплѣлъ:

Нитка-нитка, Маргаритка...

Выпивъ шампанскаго, Фроловъ опьянѣлъ. Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и сказалъ:

— Да, штука въ головѣ сидитъ! Ни на минуту покоя не даетъ!

— Да въ чемъ дѣло?

— Не могу сказать. Секретъ. Это у меня такая тайна, которую я только въ молитвахъ могу говорить. Впрочемъ, если хочешь, по-дружески, между нами... только ты смотри, никому—ни-ни-ни... Я тебѣ выскажу, мнѣ легче станетъ, но ты... ради Бога выслушай и забудь...

Фроловъ нагнулся къ Альмеру и полминуты дышалъ ему въ ухо.

— Жену свою ненавижу!—проговорилъ онъ.

Адвокатъ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да, да, жену свою, Марью Михайловну,—забормоталъ Фроловъ, краснѣя.—Ненавижу, и все тутъ.

— За что же?

— Самъ не понимаю! Женатъ только два года, женился, самъ знаешь, по любви, а теперь ненавижу ее уже какъ врага постылаго, какъ этого самаго, извини, паразита. И причинъ вѣдь нѣтъ, никакихъ причинъ! Когда она около меня сидитъ, ѣсть, или если говорить что, то вся душа моя кишитъ, сдержатъ себя едва могу, чтобы не сгрубить ей. Просто такое дѣлается, что и сказать нельзя. Уйти отъ нея, или сказать ей правду никакъ невозможно, потому что скандалъ, а жить съ ней для меня хуже ада. Не могу сидѣть дома! Такъ, днемъ все по дѣламъ да по ресторанамъ, а ночью по вертепамъ путаюсь. Ну, чѣмъ эту ненависть объяснишь? Вѣдь не какая-нибудь, а красавица, умная, тихая.

Паразитъ топнулъ ногой и зацѣлъ:

Съ офицеромъ я ходила,

Съ нимъ секреты говорила..

— Признаться, мнѣ всегда казалось, что Марья Михайловна тебѣ совсѣмъ не пара,—сказалъ Альмеръ послѣ нѣкотораго молчанія и вздохнулъ.

— Скажешь, образованная? Послушай... Самъ я въ коммерческомъ съ золотою медалью кончилъ, раза три въ Парижѣ былъ. Я не умнѣ тебя, конечно, но не глупѣ жены. Нѣтъ, братъ, не въ образованіи загвоздка! Ты послушай, съ чего началась-то вся эта музыка. Началось съ того, что стало мнѣ вдругъ казаться, что вышла она не по любви, а ради богатства. Засѣла мнѣ эта мысль въ башку. Ужъ я и такъ и этакъ—сидитъ проклятая! А тутъ еще жену жадность одолѣла. Послѣ бѣдности-то попала она въ золотой

мѣшокъ и давай сорить направо и налево. Опалѣла, забылась до такой степени, что каждый мѣсяць по двадцати тысячъ раскидывала. А я мнительный человекъ. Никому я не вѣрю, всѣхъ подозреваю, и чѣмъ ты ласковѣй со мной, тѣмъ мнѣ мучительнѣе. Все мнѣ кажется, что мнѣ льстятъ изъ-за денегъ. Никому не вѣрю! Тяжелый я, братъ, человекъ, очень тяжелый!

Фроловъ выпилъ залпомъ стаканъ вина и продолжалъ:

— Впрочемъ, все это чепуха,—сказалъ онъ.—Объ этомъ никогда не слѣдуетъ говорить. Глупо. Я спяна проболтался, а ты на меня теперь адвокатскими глазами глядишь—радъ, что чужую тайну узналъ. Ну, ну... оставимъ этотъ разговоръ. Будемъ пить! Послушай,—обратился онъ къ лакею:—у васъ Мустафа? Позови его сюда!

Немного погодя, въ залу вошелъ маленькій татарченокъ, лѣтъ двѣнадцати, во фракъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Поди сюда!—сказалъ ему Фроловъ.—Объясни намъ слѣдующій фактъ. Было время, когда вы, татары, владѣли нами и брали съ насъ дань, а теперь вы у русскихъ въ лакеяхъ служите и халаты продаете. Чѣмъ объяснить такую перемену?

Мустафа поднялъ вверхъ брови и сказалъ тонкимъ голосомъ нараспѣвъ:

— Превратность судьбы!

Альмеръ поглядѣлъ на его серьезное лицо и покотился со смѣха.

— Ну, дай ему рубль!—сказалъ Фроловъ.—Этой превратностью судьбы онъ капиталъ наживаетъ. Только изъ-за этихъ двухъ словъ его и держать тутъ. Выше, Мустафа! Бо-ольшой изъ тебя подлець выйдетъ! То-есть страсть сколько вашего брата, паразитовъ, около богатаго человека трется. Сколько васъ мирныхъ разбойниковъ и грабителей развелось—ни проѣхать, ни пройти! Нешто еще цыганъ позвать? А? Вали сюда цыганъ!

Цыгане, давно уже томившіеся въ коридорахъ, съ гиканьемъ ворвались въ залу и начался дикій разгулъ.

— Пейте!—кричалъ имъ Фроловъ.—Пей, фараоново племя! Пойте! И-и-хъ!

Зимнею порою... и-и-хъ!.. саночки летѣли...

Цыгане пѣли, свистали, плясали... Въ изступленіи, ко-

торое иногда овладѣваетъ очень богатыми, избалованными «широкими натурами», Фроловъ сталъ дурить. Онъ велѣлъ подать цыганамъ ужинъ и шампанскаго, разбилъ матовый колпакъ у фонаря, швырялъ бутылками въ картины и зеркала, и все это, видимо, безъ всякаго удовольствія, хмураясь и раздраженно прикрикивая, съ презрѣніемъ къ людямъ, съ выраженіемъ ненавистничества въ глазахъ и въ манерахъ. Онъ заставлялъ инженера пѣть solo, поилъ басовъ смѣсью вина, водки и масла...

Въ шесть часовъ ему подали счетъ.

— 925 руб. 40 коп.—сказалъ Альмеръ и пожалъ плечами.—За что это? Нѣтъ, стой, надо провѣритъ!

— Оставь!—забормоталъ Фроловъ, вытаскивая бумажникъ.— Ну... пусть грабятъ... На то я и богатый, чтобъ меня грабили... Безъ паразитовъ... нельзя... Ты у меня повѣренный... шесть тысячъ въ годъ берешь, а... а за что? Впрочемъ, извини... я самъ не знаю, чтѣ говорю.

Возвращаясь съ Альмеромъ домой, Фроловъ бормоталъ:

— Ъхать домой мнѣ—это ужасно! Да... Нѣтъ у меня человѣка, которому я могъ бы душу свою открыть... Все грабители... предатели... Ну, зачѣмъ я тебѣ свою тайну рассказалъ? За... зачѣмъ? Скажи: зачѣмъ?

У подъѣзда своего дома, онъ потянулся къ Альмеру и, пошатываясь, поцѣловалъ его въ губы, по старой московской привычкѣ—цѣловаться безъ разбора, при всякомъ случаѣ.

— Прощай... Тяжелый, скверный я человѣкъ,—сказалъ онъ.—Нехорошая, пьяная, безстыдная жизнь. Ты образованный, умный человѣкъ, а только усмѣхаешься и пьешь со мной, ни... никакой помощи отъ всѣхъ васъ... А ты бы, если ты мнѣ другъ, если ты честный человѣкъ, по-настоящему долженъ былъ бы сказать: «Эхъ, подлый, скверный ты человѣкъ! Гадина ты!»

— Ну, ну...—забормоталъ Альмеръ.—Иди спать.

— Никакой помощи отъ васъ. Только и надежды, что вотъ, когда лѣтомъ буду на дачѣ, выйду въ поле, и надвинетъ гроза, ударить громъ и разразитъ меня на мѣстѣ... Про... прощай...

Фроловъ еще разъ поцѣловался съ Альмеромъ и, засыпая на ходу, бормоча, поддерживаемый двумя лакеями, сталъ подниматься по лѣстницѣ.

14523111

Оглавление

III ТОМА.

	стр.		стр.
Унтеръ Пришибеевъ	3	Послѣ театра	103
Анюта	8	Ненастье	106
Въ Москвѣ на Трубной пло- щади	13	Изъ огня да въ полымя	111
Лошадиная фамилія	17	Бѣглець	118
Трагикъ	21	Проншествоіе. (Разсказъ ям- щика)	126
Страдальцы	25	Злоумышленникъ	132
Наканунѣ поста	31	Дѣтвора	137
Житейская мелочь	36	Мертвое тѣло	142
Маска	42	Зиночка	148
Переполюхъ	48	Нахлѣбники	154
Шуточка	56	Талантъ	160
Писатель	61	Дорогіе уроки	165
На Страстной недѣлѣ	65	Въ сараѣ	172
Regretum mobile	70	Разсказъ госпожи NN	178
Торжество побѣдителя	78	Выигрышный билетъ	183
Ворона	82	Морозъ	188
Неосторожность	87	Сильныя ощущенія	195
Хористка	91	Нищій	200
Страхи	97	Пьяные	206

F

24.113/3